

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1906.

№ 14.

ЮЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр

Рѣчь произнесенная въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 27 іюня н. г. при обсужденіи вопроса объ отмініи смертной казни. *Прот. Т. И. Бутневича.* I—XII

Молитвенный подвигъ Спасителя во дни Его плоти. *Е. Воронцова.* . . . 49—64

Христосъ въ современной духовной жизни. (*Christus im modernen Geistesleben*). *Е. Пфеннигсдорфа.* (Переводъ съ нѣмецкаго). N. N. 65—114

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Этика Спинозы съ философской точки зрѣнія. (Окончаніе). *Д. Багряцова* 29—39

Гипнотизмъ и внушеніе предъ судомъ науки и религіи. (Психологическій очеркъ). (Продолженіе). *Федора Владимірскаго* 40—66

III. ИЗВѢСТІЯ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Именные Высочайшіе Указы, данныя Правительствующему Сенату.—Высочайшіе приказы.—Высочайшія награды.—Определеніе Святейшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Перечень занятій, подлежащихъ обсужденію очереднаго съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, имѣющаго быти 19 сентября, сего 1906 г.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Разрядной списокъ учениковъ IV класса Харьковскаго Духовнаго Училища, составленный Правленіемъ Училища на основаніи годовыхъ испытаній, произведенныхъ въ маѣ 1906 года, и утвержденный Его Преосвященствомъ.—Разрядной списокъ учениковъ 8-го, 2-го, 1-го и приготовительнаго классовъ, составленный Правленіемъ Харьковскаго Духовнаго Училища на основаніи репетицій, произведенныхъ въ маѣ мѣсцѣ 1906 года, утвержденный Его Преосвященствомъ.—Списокъ лицъ, служащихъ при Харьковскомъ Духовномъ Училищѣ, съ краткими біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ.—Списокъ лицъ, служащихъ въ Купанскомъ духовномъ училищѣ за 1906 г.—Отъ Правленія Купанскаго Духовнаго Училища.—Извлеченіе изъ циркуляра министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ отъ 30-го іюня 1906 г.—II. Возможенъ ли земной рай при социалистическомъ строѣ жизни? *Л.*—Къ вопросу о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній. *П. И.*—Церковно-общественная жизнь въ Россіи.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и заѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер. д. № 17

1906.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ канонѣвъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорныя замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помещается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскіе Губернскіе Вѣдомости»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавія, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени». Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г. по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенныя годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 135 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣроу разумѣемъ.

Евр. XI.

Р Ъ Ч Ъ

произнесенная протоіереемъ Т. И. Буткевичемъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 27-го іюня н. г. при обсужденіи вопроса

ОБЪ ОТМѢНѢ СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

Мм. Гг.!! Я не сталъ бы утруждать сегодня вашего вниманія въ виду нашей общей усталости по причинѣ затянувшегося засѣданія и въ столь поздній часъ, еслибы въ основаніе своихъ сужденій объ отмѣнѣ смертной казни предшествовавшіе ораторы не полагали моральныхъ мотивовъ и—въ частности—мотивовъ, заимствованныхъ изъ Евангелія. Мы выслушали уже восемь такихъ ораторовъ,—и всѣ они—не исключая и специалистовъ въ области юридическихъ наукъ—въ большей или меньшей степени, старались обосновать свои выводы не на юридическихъ положеніяхъ, а исключительно на основаніяхъ, заимствованныхъ изъ морали или даже—собственно—изъ обще-христіанской этики.

Я—по принципу—непримиримый противникъ смертной казни, какъ и пролитія крови вообще. Только одинъ разъ въ жизни еще въ дѣтствѣ—ровно 40 лѣтъ тому назадъ—я видѣлъ, какъ была совершена смертная казнь надъ преступникомъ чрезъ повѣшеніе; но и сейчасъ я не могу безъ содрага-

нія вспомнить этой ужасной картины. Къ сожалѣнію, отъ своихъ товарищей по убѣжденію я слышалъ здѣсь ссылки на ученіе Христа, съ которыми, безъ предвзятой мысли, я согласиться не могу, по ихъ тенденціозности, и которыя то именно и вынуждаютъ меня нѣсколько обременить ваше вниманіе своею рѣчью.

Одинъ изъ первыхъ ораторовъ, какъ-бы въ видѣ нѣкотораго извиненія предъ вами, заявилъ здѣсь,—что онъ—не юристъ. А я думаю, что въ настоящее время, при обсужденіи вопроса объ отмѣнѣ смертной казни, здѣсь больше мѣста и дѣла моралистамъ, чѣмъ самымъ усерднымъ служителямъ юридической науки. Юристы,—руководящіеся въ своей наукѣ лишь принципомъ права, справедливости и тожества отношеній между членами общества,—могли установить смертную казнь и внести ее въ систему наказаній; но отмѣнить смертную казнь или—что то-же—исключить ее изъ системы наказаній возможно только по моральнымъ побужденіямъ, которыя доступны и не юристамъ, ибо здѣсь уже должно говорить сердце, а не разумъ.

Въ своемъ вѣроученіи и нравоученіи христіанство, дѣйствительно, обнаружило такую могучую нравственную силу, которая не могла не оказать своего благотворнаго вліянія на всѣ стороны народной, какъ общественной, такъ и государственной, жизни. Законодательство не было исключено изъ сферы этого вліянія. Наши юристы, какъ законодатели, разрабатывая тѣ или другія постановленія для опредѣленія соціальныхъ отношеній или уголовной отвѣтственности членовъ общества за ихъ личныя дѣйствія, часто находились подъ сильнымъ вліяніемъ христіанской этики. Два—три примѣра. Учрежденіе суда присяжныхъ,—по которому освобождается отъ наказанія даже добровольно сознавшійся преступникъ,—есть учрежденіе чисто христіанское, въ основѣ котораго лежатъ слова Христа: „прощаются тебѣ грѣхи твои! иди и больше не грѣши“. Законъ противъ ростовщичества, самъ по себѣ, не имѣлъ бы никакого смысла, если бы происхожденіе его не находилось въ зависимости отъ христіанской морали. Вѣдь ростовщикъ, собственно

говоря, юридически—правъ; онъ дѣйствуетъ по договору, безъ видимаго насилія или припужденія; но ростовщическія дѣйствія оказываются враждебными заповѣди Христа о любви къ ближнему, особенно—къ нуждающемуся, бѣдному, страдающему,—и потому наши *христіанскіе* законы признаютъ ихъ преступными, какъ проявленіе злой воли. То же самое должно сказать и о нашемъ законодательствѣ, карающемъ азартныя игры и т. п. Вотъ почему, по моему крайнему убѣжденію, и вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни можетъ быть разрѣшенъ не по юридическимъ, а только по однимъ моральнымъ соображеніямъ; вотъ почему мнѣ кажется лишь естественнымъ, что всѣ предыдущіе ораторы свели доводы своихъ сужденій непосредственно къ нравственнымъ основамъ, въ частности—къ кардинальнымъ требованіямъ христіанской этики.

Къ сожалѣнію, бываютъ времена исключительныя: бываютъ эпохи, когда тѣ или другія политическія, философскія или религіозныя идеи вторгаются въ общество со стороны и овладѣваютъ умами мыслящихъ людей настолько, что долгое время деспотически господствуютъ надъ ними: являются люди, которые стремятся во что бы то ни стало оправдать свое предвзятое мнѣніе, сложившееся подъ вліяніемъ такихъ—именно политическихъ, философскихъ и религіозныхъ вѣрованій. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко прибѣгаютъ къ помощи даже подтасовокъ различныхъ понятій, къ намѣренному смѣшенію чужеродныхъ областей, — къ перенесенію своихъ личныхъ, субъективныхъ симпатій и антипатій на каждый предметъ обсужденія. Наше время, къ сожалѣнію, не представляетъ въ этомъ отношеніи счастливаго исключенія. Всѣ мы слишкомъ напряжены, всѣ мы слишкомъ партійны; намъ трудно быть беспристрастными и объективными въ своихъ сужденіяхъ, мы также усвоили тѣ или другія воззрѣнія, пришедшія къ намъ со стороны, и во что бы то ни стало стараемся ихъ оправдать. Не щадимъ мы даже и христіанской религіи; не жалѣемъ мы и Евангелія. Смѣшивая политику съ религіею, мы обыкновенно подводимъ христіанское ученіе подъ чуждую для него политическую или социалистическую точку зрѣнія. Но здѣсь—

то именно и легко обнаруживается вся абсурдность таких тенденціозныхъ выводовъ. Какъ нельзя мѣрою вѣса опредѣлять поверхность пространства, такъ нераціонально превращать религіозное ученіе въ политическую доктрину и наоборотъ. Религія утрачиваетъ все свое значеніе, когда она превращается въ орудіе политическихъ стремленій. Одинъ изъ писателей обозвалъ Христа соціалистическимъ коммунистомъ только потому, что преднамѣренно хотѣлъ придать Его дѣятельности политическій характеръ. Но можно показать и обратную сторону медали. Подвигъ Сусавина, разсматриваемый только съ религіозной точки зрѣнія,—предосудителенъ: добрая цѣль не оправдываетъ безнравственныхъ средствъ. Гуманный врачъ, солгавшій для успокоенія умирающаго больного, будто бы для него еще возможно выздоровленіе,—поступилъ хорошо, съ житейской точки зрѣнія; но если бы я изъ чисто—житейской практики перешелъ къ узко-религіозной, я бы сказалъ: нѣтъ, этотъ врачъ—не христіанинъ; онъ пользуется безнравственными средствами. Такая именно подтасовка религіозныхъ понятій или—частіе—христіанскаго ученія и политическихъ доктринъ встрѣчается у насъ очень часто даже и въ сужденіяхъ о смертной казни. Я слышалъ здѣсь много разъ ссылку на заповѣдь Божію: „Не убей“. Всѣ комментаторы Св. Писанія всегда относили и нынѣ относятъ эту заповѣдь только къ преступленію, но—никакъ не къ наказанію, т. е., къ казни; равно какъ заповѣди: „Не укради“! они относятъ къ воровству, грабежу, лихоимству, святотатству,—но никакъ не къ опредѣляемымъ по суду денежнымъ взысканіямъ или штрафамъ. Между тѣмъ противники смертной казни, тенденціозно смѣшивая преступленіе съ наказаніемъ, обыкновенно увѣряютъ насъ, что словами: „Не убей“! Богъ запретилъ отнимать жизнь лишь у преступниковъ по судебному приговору... Въ виду этого я и прошу васъ, милостивые государи, позволить мнѣ остановить ваше вниманіе именно на тѣхъ моральныхъ основахъ, на которыя сегодня такъ часто здѣсь ссылались.

Прежде всего я отмѣчу слѣдующій достопримѣчательный фактъ. Никогда вы не встрѣтите ни одного интеллигентнаго

еврея, который бы вамъ сказалъ, что его религія запрещаетъ смертную казнь. Почему? Потому что въ этомъ отношеніи евреи поступаютъ послѣдовательно и прямодушно. Еще опытные законовѣды,—обвинявшіе Иисуса Христа, совершенно справедливо говорили Пилату: „мы имѣемъ законъ и по закону нашему Онъ долженъ умереть“, т. е., долженъ быть преданъ смертной казни. И дѣйствительно въ Ветхозавѣтномъ Писаніи такой законъ есть. Тотъ самый Моисей, который въ книгахъ „Исходъ“ и „Второзаконіе“ возвѣщаетъ міру заповѣдь Божию „Не убей!“ т. е., преступнымъ образомъ не отнимай жизни у своего ближняго, въ тѣхъ же самыхъ книгахъ даетъ нѣсколько законовъ и о смертной казни, какъ наказаніи за извѣстныя преступленія. Такъ устами Моисея Богъ говоритъ: казни смертію того, кто злословитъ отца и мать; казни смертію того, кто будетъ вызывать мертвыхъ, разрушать законъ, ложно выдавать себя за пророка, прелюбодѣйствовать и т. д. и т. д. Я здѣсь не даю отъ себя, милостивые государи, никакихъ объясненій, никакихъ толкованій. Я указываю лишь на одни факты. Судите о нихъ сами. Не скрою, впрочемъ, что запрещающая расторженіе браковъ, Христосъ выразился о законахъ Моисея, слишкомъ облегчавшихъ брачныя разводы, такъ: „Моисей далъ Иудеямъ эти законы *по ихъ жестокосердію*“. Не буду говорить о томъ, что это изреченіе Спасителя не относится къ законамъ Моисея о смертной казни; а только спрошу: развѣ мы, называясь христианами, а живя язычески, менѣе *жестокосерды*, чѣмъ современныя Моисею евреи? Развѣ у насъ никто никогда не хлопочетъ о расторженіи своего брака? Или у насъ мало проливается людѣйски крови? Или у насъ нѣтъ грабительства и т. п.? Не знаю, у кого хватитъ мужества утверждать, что въ нравственномъ отношеніи мы стоимъ выше евреевъ, которымъ Моисей давалъ заповѣди Божіи...

Какъ христианинъ, я отчасти не чуждъ евреямъ по своей вѣрѣ. Я вѣрую въ Божественное откровеніе Ветхозавѣтныхъ Писаній; мало того, я вѣрую еще, что тотъ же самый Господь, Который говорилъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, говорилъ и въ Новомъ

и что истины Его непреложны. Онъ не человѣкъ, чтобы Ему измѣняться—въ одномъ случаѣ сказать одно, въ другомъ—другое. Напрасно нѣкоторые ссылались здѣсь на то, будто-бы Христосъ, ставъ въ противорѣчіе съ Ветхозавѣтнымъ откровеніемъ, отвергъ всѣ его законы о смертной казни, осудилъ это ужасное наказаніе. Христосъ проповѣдывалъ царство не отъ міра сего и даже во всемъ противоположное міру сему. Онъ не былъ политическимъ реформаторомъ и не хотѣлъ, чтобы Его ученію и дѣятельности приписывали политическій характеръ. Однажды подошелъ къ Нему еврей, прося Его раздѣлить наслѣдство между нимъ и его братомъ. Христосъ наотрѣзъ отказался исполнить эту просьбу, говоря: „Кто поставилъ меня судіею надъ вами“? Неудивительно послѣ этого, что Іисусъ Христосъ представляется какъ бы равнодушнымъ къ тѣмъ возмутительнымъ политическимъ дефектамъ, которые въ то время были совершаемы въ Римской имперіи: казни, истязанія, безчеловѣчно—жестокій характеръ войнъ, рабство, обременительная система собиранія податей, человѣческія жертвоприношенія, приношенія въ жертву даже грудныхъ дѣтей, юношей, дѣвицъ, заковное истребленіе калѣкъ и т. п. Припомните эпоху, когда жилъ Христосъ на землѣ. Это было ужасное время римскаго деспотизма, когда рабство проявлялось въ такихъ видахъ и формахъ, которыхъ мы себѣ и представить не можемъ: скажу только, что между забитымъ на ночь въ колоду рабомъ римскаго фермера и простыми животными не дѣлалось никакого различія. Что же касается жестокости смертной казни чрезъ распятіе, то она поражала самыхъ язычниковъ. Однако-же въ Евангеліи нигдѣ не сказано, чтобы Господь требовалъ насильственнаго переворота, хотя бы то для уничтоженія рабства или смертной казни? Напротивъ, можно указать не одно мѣсто въ Евангеліи, свидѣтельствующее о томъ, что, признавая фактъ существованія смертной казни или рабства, Христосъ непосредственно не возставалъ противъ нихъ и не требовалъ ихъ уничтоженія. Когда, въ самый день крестной смерти, Пилать сказалъ Іисусу Христу: „Ты не отвѣчаешь мнѣ; неужели Ты не знаешь, что

я имѣю власть отпустить Тебя и *имѣю власть распять Тебя*“,— Господь отвѣтилъ ему такъ: „ты не имѣлъ бы никакой власти надо Мною, если бы она не была дана тебѣ свыше“. Судите, милостивые государи, сами объ этихъ словахъ Спасителя и объясняйте ихъ, какъ вамъ угодно; я же не хочу, при помощи своего толкованія, прамѣшивать къ нимъ ни малѣйшаго субъективнаго оттѣнка.

Въ другой разъ былъ такой случай. Пришедшіе ко Христу іудеи сообщили Ему, что Силоамская башня упала и задавила 18 галилеянъ. Христосъ сказалъ имъ на это: „Если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете“. Не напоминаютъ ли эти слова Спасителя, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ грозилъ смертію нѣкоторымъ грѣшникамъ, а въ числѣ ихъ и нашимъ прародителямъ?..

Здѣсь, ссылались на слова Спасителя: „вземшии мечъ отъ меча погибнуть“. Но что говорятъ эти слова? Они были обращены къ Петру, когда онъ, безъ права, безъ судебного приговора, хотѣлъ бросится съ мечомъ на пришедшихъ архіерейскихъ слугъ. Такое, очевидно, преступное поведеніе подлежало бы наказанію по суду; пролившій кровь разбойникъ, по закону Моисея, самъ долженъ былъ погибнуть отъ меча...

Указывали здѣсь и на то, какъ ко Христу привели однажды блудницу, которую по закону Моисея слѣдовало побить камнями, и какъ Христосъ сказалъ: „кто изъ васъ безъ грѣха, брось первый въ нее камень“. Слова „брось въ нее камень“ показываютъ ясно что Спаситель, не отвергая въ принципѣ ветховавѣтнаго Закона Божія, требуетъ отъ насъ только безграничной любви къ ближнему, снисхожденія и всепрощенія. Отраднo узнавать, какъ исполнѣ согласно съ этимъ изреченіемъ Спасителя въ христіанскомъ царствѣ часто не утверждаются смертные приговоры и осужденнымъ на смерть преступникамъ даруется жизнь...

Наконецъ, здѣсь было приведено слѣдующее изреченіе Спасителя о тяжести соблазна, какъ грѣха: „Если кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, лучше было бы для него, если бы ему на шею повѣсили мельничный жерновъ и потопили его

въ пучинѣ морской“. Охотно соглашаксь, что въ этихъ словахъ нѣтъ санкціи для законовъ о смертной казни; но несомнѣнно—*сравнительная* степень слова *лучше* указываетъ на сдѣланное здѣсь *сравненіе* двухъ золь соблазна и смертной казни, причемъ смертная казнь признана зломъ меньшимъ. Это обстоятельство очень важно. Почти всѣ предшествовавшіе ораторы, оставляя въ сторонѣ военныя и военно-морскіе законы, въ своихъ рѣчахъ имѣли въ виду только законы общіе; по общимъ же законамъ у насъ полагается смертная казнь только за цареубійство, за покушеніе на жизнь Помазанника Божія, Его супруги и Наслѣдника Престола. Но какъ отвратительна смертная казнь, цареубійство—омерзительнѣе и ужаснѣе...

Апостолы слѣдовали ученію Христа. Поэтому мы можемъ указать даже на образованнѣйшаго изъ апостоловъ—апостола Павла, который училъ: „бойся князя, потому что онъ не безъ ума мечъ носитъ“.

Тоже самое нужно замѣтить объ отношеніи Христа и апостоловъ ко всѣмъ другимъ политическимъ несовершенствамъ въ тогдашней Римской имперіи. Такъ, апостоль Павелъ не только не требовалъ насильственного переворота съ цѣлю, на примѣръ, уничтоженія отвратительнаго рабства въ Римской имперіи, не только не возстанавлявалъ одну часть народа противъ другой, но, напротивъ, какъ бы примирялся съ существованіемъ ужаснаго института рабства, говоря: „рабы, повинуйтесь своимъ господамъ и—не только благимъ, но и строптивымъ“.

И такъ, милостивые государи, слишкомъ смѣли тѣ комментаторы новозавѣтнаго ученія, которые утверждаютъ, будто въ Евангеліи есть прямое осужденіе смертной казни или только возраженіе противъ нея. Такого осужденія я не нахожу. Другое дѣло, если мы заговоримъ о духѣ Христова ученія, съ которымъ, дѣйствительно, непримиримы ни смертная казнь, ни войны, ни рабство. Если Христосъ признавалъ фактъ существованія смертной казни, даже какъ бы мирился съ нимъ и открыто не возставалъ противъ него ни предъ императоромъ

римскимъ, ни предъ правительствомъ іудейскимъ, ни предъ народомъ, то это еще не значитъ того, что онъ одобрялъ смертную казнь или позволялъ ее Своимъ послѣдователямъ. Но здѣсь является вопросъ: отчего же Христосъ, если Онъ не могъ одабривать смертной казни, открыто и рѣшительно не осудилъ ее? На этотъ вопросъ нами, впрочемъ, отвѣтъ давъ уже раньше, когда мы говорили о томъ, что Спаситель не былъ политикомъ или государственнымъ реформаторомъ. Заповѣди Христовы—не социалныя теоріи; Христосъ указалъ намъ лишь нормы царствія Божія; но эти нормы совершенно инныя, чѣмъ тѣ, которыя проповѣдуются наилучшими политическими теоріями. Политическія теоріи заботятся о тѣлѣ чело-вѣка; онѣ хотятъ дать намъ наилучшія внѣшнія условія для нашей частной и общественной жизни и дѣятельности. Христосъ, напротивъ, заботится о спасеніи нашей души, указывая условія нашего нравственнаго усовершенствованія, увѣряя, что такого нравственнаго усовершенствованія Его послѣдователи могутъ достигъ при самыхъ стѣснительныхъ условіяхъ внѣшней жизни—въ пустынѣ, пропастьяхъ земныхъ, въ темницахъ, при голодѣ и сухояденіи... Христосъ проповѣдывалъ своимъ послѣдователямъ и революцію, но—революцію не внѣ насъ, а въ насъ самихъ, въ нашихъ сердцахъ. Въ этомъ смыслѣ каждый истинный христіанинъ является новою тварію во Христѣ: усвоивъ ученіе Христа о нравственномъ самоусовершенствованіи и достигая въ дѣйствительности высшихъ добродѣтелей, онъ этимъ самымъ уничтожаетъ для себя не только смертную казнь, но и всѣ другія наказанія, даже самый законъ карающій преступленія. Политическія реформы идутъ отъ общаго къ частному и потому, какъ свидѣлствуютъ исторія и дѣйствительность, не всегда оправдываются намѣренія законодателя; реформы царствія Божія совершаются путемъ отъ частнаго къ общему: каждый, начиная исправленія съ самого себя,—и изъ такихъ только членовъ можетъ составиться общество святыхъ или Церковь Христова. Христосъ проповѣдывалъ любовь къ ближнему, милосердіе, всепрощеніе; Онъ объявлялъ, что и на землю Онъ пришелъ для

того, чтобы спасти грѣшниковъ, найти погибшую овцу, душу Свою положить за дарованіе вѣчной жизни другимъ. И кто дѣйствительно съ убѣжденіемъ усвоитъ это ученіе, кто питаетъ любовь къ ближнему, какъ къ своему брату, тотъ можетъ ли терпѣть рабство, оправдывать смертную казнь, не возмущаться сѣмонстребленіемъ человѣчества во время войнъ? Какъ ни тяжелы были римскіе законы относительно освобожденія рабовъ, но христіане—рабовладѣльцы, слѣдуя заповѣди Спасителя о любви къ ближнимъ, нашли все-таки возможность уничтожить этотъ институтъ столь позорный для человѣчества. Конечно, ученіе Христа есть идеаль; а дѣйствительность свидѣтельствуетъ намъ, что идеаль этотъ осуществляется только постепенно и въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ общества. Самъ Христосъ со скорбію указывалъ на то, что между его идеаломъ и дѣйствительностію большая разница. Онъ проповѣдывалъ миръ, который ангелы возвѣстили еще при Его рожденіи; но, переводя Свой взоръ на дѣйствительность, вынужденъ былъ сказать: „не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю, не миръ, а мечъ! Я бросилъ въ міръ огонь,—и какъ желалъ бы, чтобы онъ возгорѣлся!“ Христосъ проповѣдывалъ любовь ко всѣмъ людямъ,—убѣждалъ насъ погашать свой гнѣвъ въ зародышѣ,—и въ тоже время утверждалъ, что жестокія войны будутъ происходить даже и предъ койчиною міра. Но не подлежитъ сомнѣнію одно, что ученіе Христа, по самому существу своему, не терпитъ смертной казни. Таково же и ученіе Церкви Христовой. Впрочемъ, нужно сказать большее: Христосъ в Церковь не могутъ одобрять не только смертной казни, но и никакого другого наказанія, противнаго любви къ ближнему. Въ Шлоссельбургской крѣпости есть одинъ казематъ... въ немъ томился съ дѣтскаго возраста десятки лѣтъ царственный юноша, не видя свѣта Божія, не слыша человѣческой рѣчи... Я видѣлъ этотъ казематъ,—и ужаснулся человѣческой жестокости... У меня не станетъ духа спросить васъ, милостивые государи, что хуже для человѣка—моментальная ли смертная казнь или подобное многолѣтнее заключеніе въ Шлоссельбургскомъ казематѣ?... „Мертвый домъ“ Достоевскаго неуспоко-

ительнѣе. . Идеаль Церкви состоитъ въ томъ, чтобы ея члены проводили всегда добродѣтельную жизнь и были далеко отъ тѣхъ преступленій, за которыя полагаются по суду тяжелыя наказанія. Я радостію обрадовался бы нынѣ за отмѣну смертной казни, если бы вы, милостивые государи, какъ люди, обогащенные бѣльшимъ опытомъ, чѣмъ я, болѣе свѣдующіе въ политической жизни, чѣмъ я, доказали мнѣ своимъ голосованіемъ, что, дѣйствительно, сегодня наступилъ тотъ моментъ, когда этотъ идеаль христіанства долженъ осуществиться на землѣ. Я благословилъ бы этотъ день и обратился бы съ благодарною молитвою къ Богу за то, что наступило, наконецъ, время, когда уже ни одна капля крови моихъ соотечественниковъ не прольется больше въ моемъ отечествѣ ни по судебному приговору, ни по злодѣйскому преступленію.

Не могу, въ заключеніе, не указать на затруднительность своего положенія, когда я, уже не какъ священникъ или христіанинъ, а только какъ членъ Государственнаго Совѣта, долженъ буду отвѣтить на вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни, — оставляю область идеаловъ и стану лицомъ къ лицу съ прискорбною дѣйствительностію. Нѣкоторое облегченіе представляетъ мнѣ примѣръ трехъ Святителей нашей Православной Церкви. Когда надъ декабристами былъ назначенъ судъ, въ его составъ, по Высочайшему повелѣнію, вошли и три нашихъ митрополита. Они засѣдали въ общемъ присутствіи, выслушивали показанія свидѣтелей, осматривали вещественныя доказательства до тѣхъ поръ, пока не наступилъ моментъ составленія и произнесенія смертнаго приговора надъ пятью главными подсудимыми. Когда же этотъ моментъ наступилъ, рускіе святители поднялись съ своихъ мѣстъ, поклонились предсѣдателю суда и вышли изъ залы засѣданій. Они не осудили дѣйствій Правительства; они ничего не возразили противъ постановленія суда; но за то они не приняли и участія въ произнесеніи смертнаго приговора. Если для всѣхъ тяжелъ такой приговоръ, то, конечно, для представителей Православной Церкви онъ составляетъ особую тяжесть...

Милостивые Государи! Я прошу васъ дать и мнѣ возможность поступить такъ, какъ поступили упомянутые мною святители нашей церкви. Я буду сидѣть среди васъ, я буду выслушивать всѣ ваши доводы *за* и *противъ* отмѣны смертной казни; а когда дѣло дойдетъ до голосованія или—что то-же—до окончательнаго рѣшенія этого вопроса, позвольте мнѣ воздержаться отъ подачи голоса и уйти изъ этого зала...

Молитвенный подвигъ Спасителя во дни Его плоти.

(Евр. 5, 7 и 8).

*Dies carnis Domini nostri dies sunt, in quibus carnem sumpsit, in quibus natus est et passus et in quibus mortale corpus inhabitavit (Primasii Commentarius in epistolam ad hebraeos. Bigne Maxima Bibliotheca patrum vol X p. 258 *).*

Весьма важное значеніе въ христологіи посланія къ Евреямъ имѣетъ 7 стихъ пятой главы, какъ показывающій истинность вочеловѣченія. Такъ понимали это мѣсто древніе толкователи: Златоустъ замѣчаетъ: да устыдятся еретики, отвергающіе дѣйствительность плоти Христа. Θεодоритъ говоритъ: Потерпѣть сіе челоуѣчеству попустило Божество, чтобы насъ научить, что Богъ Слово истинно вочеловѣчился, и что тайна домостроительства совершена не мечтательно и не призрачно. Но помимо христологическаго значенія, какъ характеризующее истинную челоуѣческую природу Христа, мѣсто посланія имѣетъ и сотеріологическій смыслъ, такъ какъ изображаетъ Мессію въ Его первосвященническомъ служеніи. Какъ извѣстно, до принесенія жертвы за грѣхи народа въ видѣ кропленія очистилища надъ кивотомъ завѣта (впослѣдствіи т. н. камня основанія (Шетія) во второмъ храмѣ) кровію быка и козла въ день очищенія (10 Тишри) и ветхозавѣтный первосвящен-

*) Въ наши лукавыя дни анализъ мѣсть Писанія о молитвѣ особенно важенъ. Практическій атеизмъ завоевываеъ себѣ мѣсто на суевѣномъ жизненномъ рынкѣ: люди тонуть въ кораблекрушеніи вѣры (1 Тим. 1, 19). Пусть невечернее сімніе молитвы Спасителя міра уменьшитъ число самоубійныхъ узниковъ своего земного счастья и любителямъ земного праздника укажетъ на самоубійность страданій. Житейское море волнуется,—Геесманскій манкъ неподвиженъ и льетъ во всѣ вѣка свой успокоительный немеркнуцій свѣтъ въ сердца пловцовъ по морю жизни.

никъ, нарочитый литургъ этого дня, молился о себѣ самомъ и о своемъ домѣ, равно объ Ааронитахъ, притомъ столь громко, что его молитва, совершаемая во внутреннемъ дворѣ храма, была слышна на дворѣ внѣшнемъ, гдѣ присутствовалъ молящійся народъ, отвѣчавшій известною формулою благословенія имени Божія ¹⁾).

Какое событіе въ земной жизни Господа имѣлъ въ данномъ случаѣ въ виду Апостолъ, неодинаково изъясняется толкователями. Златоустъ по поводу этого мѣста замѣчаетъ: Евангеліе нигдѣ не говоритъ того, что Христосъ молясь плакалъ, ни того, что Онъ производилъ вопль. Конечно, данное выраженіе Златоуста нужно понимать ограничительно въ томъ смыслѣ, что Евангелія прямо не говорятъ о томъ, чтобы Христосъ молился со слезами и воплемъ, что же касается до проявленія Господомъ Своего истиннаго человѣчества во внѣшнихъ знакахъ, обнаруживавшихъ душевное состояніе, то о такихъ ясно говорится и у синоптиковъ, и у Іоанна: по Лукѣ, Господь плакалъ (*εχλαυσεν*) объ Іерусалимѣ, по Іоанну, Господь прослезился (*εδαχρυσεν*) при видѣ неутѣшной скорби Маріи. Въ виду подобной неопредѣленности, засвидѣтельствованной самимъ Златоустомъ, мѣсто посланія къ Евреямъ приурочивается къ различнымъ событіямъ въ земной жизни Спасителя, какъ къ исторической основѣ: одни считаютъ, что Апостолъ имѣлъ въ виду Геосиманское бorenіе Христа, другіе останавливаются на распятіи, весьма немногіе на Іоанна 12, 27 и 28, гдѣ передается о бывшемъ съ неба гласѣ: „и прославилъ и еще прославлю“, въ отвѣтъ на напоминающее Геосиманское бorenіе моленіе Христа: Отче! избавь Меня отъ этого часа. За отношеніе разбираемаго нами мѣста посланія къ Геосиманскому моленію Спасителя говорятъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ экзегетовъ, внѣшнія свидѣтельства, такъ указываютъ на слова Епифанія Кипрскаго въ сочиненіи „Анкорать“ (31), что *εχλαυσεν* — плакалъ имѣлось въ неисправленныхъ рукописяхъ Евангелія по Лукѣ, и что этимъ свидѣтельствомъ пользовался св. Ири-

¹⁾ Pontifex maximus vocalis erat non tantum per tintinnabula sed; etiam per preces, quas die solennis expiationis ad Deum fundebat sonora voce (Ioma cap. 4).

вей противъ тѣхъ, кто говорилъ, что Господь явился призрочно; (Ed. Basiliae 1543. p. 550). Епифаній прибавляетъ, что нѣкоторые изъ православныхъ уничтожали это слово по опасенію и отсутствію должнаго разумѣнія его смысла, силы и значенія, однако въ виду того, что слово *εχλαουσει* стоитъ въ *textus receptus* Евангелія по Лукѣ въ другомъ мѣстѣ, именно 19, 41, мы полагаемъ, что фактъ пролітія слезъ Господомъ въ Геосиманіи ссылкой на Анкоратъ Епифанія совсѣмъ не устанавливается, далѣе положительно непонятно, какъ тенденціозная корректура могла коснуться *εσθηξ* рукописей Евангелія по Лукѣ и вызвать полное забвеніе древняго изначальнаго вида повѣствованія о событіи въ Геосиманіи. Мы знаемъ, что по ложнымъ побужденіямъ исключалось повѣствованіе о прощенной женѣ, взятой въ прелюбодѣянніи (Іоан. гл. 8), но однако эта дивная повѣсть о Божественномъ всепрощеніи не была утрачена. Въ эпоху горячей полемики съ аріанствомъ на западѣ Иларій ¹⁾ даже замѣтилъ исчезновеніе изъ многихъ списковъ Евангелія по Лукѣ еще болѣе крупныхъ особенностей у этого синоптика, такъ уничтожалось чтеніе о кровавомъ потѣ, пролитомъ Господомъ въ Геосимавіи, и объ явленіи укрѣплявшаго Его ангела; однако такія тенденціозныя исправленія врядъ ли пережили своихъ авторовъ и во всякомъ случаѣ были бессильны оказать какое-либо вліяніе на текстуальный видъ Евангелія по Лукѣ въ послѣдующія времена въ жизни вселенской Церкви. Очевидно, что исторія измѣненій въ чтеніи мѣста Евангелія по Лукѣ о Геосиманской молитвѣ Спасителя совсѣмъ не доказываетъ мысли о первоначальной болѣе подробной передачѣ Евангелиста объ этомъ событіи. Изъ словъ Иларія: *Nec sane ignorandum a nobis est quod in graecis et in latinis codicibus compluribus ne de adveniente angelo, vel de sudore sanguinis nihil scriptum reperigi*—можно только заключить, что это мѣсто по недомыслию подвергалось сокращенію, но что до выпущенія такой яркой подробности, какъ явленіе укрѣплявшаго ангела, сравнительно мелкая черта—*εχλαουσει*—плакаль подверглась не только исключенію, но и совершенному забвенію, надо признать голослов-

¹⁾ Hilarii opera. Migne Patrologiae cursus vol 10, p. 375.

нымъ положеніемъ. Иларій въ свое время даже затруднялся сказать, подлинно ли чтеніе объ явленіи укрѣплявшаго Ангела—*desit aut superfluum sit*, но однако различіе чтеній—*diversitas librorum* было побѣждено временемъ, и съ болѣе глубокимъ движеніемъ мысли богослововъ въ основы Евангельскаго ученія о Христѣ всѣ корректуры Евангельскихъ чтеній отпали, какъ обнаруженія одной *haereseos infirmitatis*. Древнія Евангельскія гармоніи, каковы Евангельское согласіе Аммонія Александрійскаго (жилъ въ вѣкъ Александра Севера в Маммеи) и недавно изданный по арабскому тексту Діатессаронъ Таціана также не имѣютъ добавленія—„плакаль“ прѣрѣчи о Геесиманской молитвѣ. Впрочемъ послѣдній памятникъ принадлежитъ человѣку, склонявшемуся къ докетизму. Юліанъ Отступникъ въ своихъ возраженіяхъ на исторію земной жизни Спасителя (извѣстно изъ полемики Θεодора Мопсуестскаго Ed. Münter. p. 121) также касается Геесиманскаго боренія Христа, но ничего не говоритъ о слезахъ. Изъ древнихъ у св. Иринея Ліонскаго есть особая глава о томъ, что мы узнаемъ только изъ Евангелія по Лукѣ, и здѣсь ничего нѣтъ о слезахъ ¹⁾.

Если попытка къ интерполированію нынѣ и древле извѣстнаго повѣствованія о молитвѣ въ Геесиманіи при помощи мнимо-историческихъ свидѣтельствъ неудачна, то это однако не исключаетъ возможности иначе изъяснить отношеніе разбираемаго мѣста посланія къ Евреямъ къ Евангельскому повѣствованію. Обращаясь къ переводамъ Евангелія по Лукѣ, мы встрѣчаемъ интересную особенность въ персидскомъ текстѣ у Вальтона въ его извѣстной Лондонской полиглоттѣ; здѣсь читаемъ: „Онъ въ томленіи и трепетѣ совершалъ молитву, и Его слезы на подобіе крови каплями стекали на землю (*et ille in anxietate et timore orationem faciebat et lacrima ejus similitudine sanguinis guttatim super terram cecidit*). Мы здѣсь имѣемъ своеобразное истолкованіе мѣста о кровавомъ потѣ; трудно установить происхожденіе такого изъясненія, но возможно, что оно продуктъ сближенія какихъ либо мѣстъ Священнаго Писанія. О кровавомъ потѣ, обнаруживавшемъ внут-

¹⁾ Впрочемъ у Иринея почему-то не отмѣчены особенности повѣствованія этого Евангелиста о Геесиманской молитвѣ (Ed. Mossuet. 1710 кн. 3 гл. 14).

ревнее бorenіе Христа, говорятъ древніе церковные писатели съ особымъ удареніемъ—напримѣръ Іустинъ Мученикъ (Разговоръ съ Трифономъ стр. 301, рус. пер. Преображенскаго), Ипполитъ Римскій (Opera ed. Fabricii p. 268) и другіе ¹⁾. Допустима и эвеемистическая передача о томъ же явленіи въ посланіи къ Евреямъ подобно тому, какъ и каждый изъ синоптиковъ индивидуально передаетъ о молитвѣ въ Геосиманіи; съ другой стороны восполненіе однимъ священнымъ Писателемъ другого—явленіе извѣстное, укажемъ на близкій по смыслу, классическій примѣръ въ Осіи 12, 4 по снесенію съ Бытія 32, 25 и 26. У пророка читаемъ: Онъ (Іаковъ) боролся съ ангеломъ и превозмогъ, *плакалъ* и умолялъ его, въ Бытіи о борьбѣ Іакова сказано иначе: И увидѣвъ, что не одолѣваетъ его, коснулся состава бедра его и повредилъ составъ бедра его, когда онъ боролся съ нимъ, и сказалъ: Отпусти меня, ибо взошла заря. Іаковъ сказалъ: Не отпущу тебя, пока не благословишь меня—Бытописатель умалчиваетъ о слезахъ, пролитыхъ Іаковомъ.

Переходя къ *κράυη σούρα*—сильному воплю, второму признаку, характеризующему молитву Христа, мы найдемъ также кажущееся несоотвѣтствіе съ повѣствованіемъ о моленіи въ Геосиманіи у всѣхъ синоптиковъ. Содержаніемъ моленія Христа въ этомъ случаѣ являлись бы слова: „Отче Мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія“, и „Отче Мой! если не можетъ чаша сія миновать Меня, чтобы Мнѣ не пить ея, да будетъ воля Твоя“ (Мате. 26, 39 и 42; Лук. 22, 42), но нѣтъ никакихъ положительныхъ указаній, чтобы эти слова молитвы Господь произнесъ съ воплемъ сильнымъ: выраженія: душа Моя скорбитъ смертельно (*εως θανάτου*) (Мате. 26, 38), началъ ужасаться и тосковать (Марк. 14, 33), находясь въ бorenіи, прилежно молился (Лук. 22, 44),—болѣе характеризуютъ подвигъ Христа съ его внутренней стороны, чѣмъ со стороны вѣшняго обнаруженія внутренней борьбы. Въ виду

¹⁾ Въ памятникѣ *Talkut schimeoni* отождествляется кровь со слезами при рѣчи о жертвоприношеніи Исаака: онъ обливался слезами, тогда сказалъ Авраамъ: такъ какъ ты началъ испускать часть твоей крови, то Богъ назначить другую жертву и т. д.

сказаннаго нѣкоторые относятъ данное мѣсто посланія къ происшедшему на Голгоѣ, гдѣ уже по самому повѣствованію Евангелистовъ Господь возопилъ двукратно громкимъ голосомъ (Матѣ. 27, 46 и 50; Марка 15, 34 и 37; Луки 23, 46). Крестная молитва Спасителя совершена громко *φωνη μεγάλη*; какъ совершена Геесиманская молитва, Евангелистами не открыто. Кромѣ того находятъ свидѣтельство противъ отнесенія разбираемаго мѣста посланія къ Евреямъ къ Геесиманскому боре-нію въ самомъ контекстѣ, въ выраженіи: былъ услышанъ ради благоговѣнія, между тѣмъ въ Геесиманіи Господь молился объ избавленіи отъ чаши, отсюда „услышанъ“, въ отнесеніи къ Геесиманской молитвѣ, должно было бы обозначать избавленіе Господа отъ страданія, о каковомъ однако далѣе говоритъ Апостоль, какъ о совершившемся:—страданіями навѣкъ послушанію—*εραδεν αφ ων ελαθε* (ст. 8). Оба приведенныхъ возраженія противъ отнесенія „молитвѣ и моленій“, о которыхъ говоритъ Апостоль, къ Геесиманскому боре-нію не имѣютъ достаточныхъ устоевъ. Уже Теофилактъ находилъ въ данномъ мѣстѣ посланія передачу объ Евангельскомъ событіи въ освѣщеніи его словами ветхозавѣтныхъ пророчествъ изъ псалмовъ: „Я буду призывать Его во всѣ дни Мои“ (Пс. 114, 2) и „услышалъ Меня, когда Я воззвалъ къ Нему“ (Пс. 22, 25). Примазіи даетъ другой путь къ истолкованію мѣста, считая, что Апостоль подъ вопль *κραυγη*—clamor могъ имѣть въ виду пролитіе крови Господа (Луки 22, 44)—*sacra sanguinis ejus effusio*—clamor validus; въ данномъ случаѣ на Примазія очевидно оказало вліяніе воспоминаніе о голосѣ крови Авеля, на каковой есть указаніе помимо Бытія въ Евр. 12, 24 съ примѣненіемъ къ крови Христа. Изображеніе въ посланіи къ Евреямъ историческаго Христа чрезъ приведеніе пророчественныхъ мѣстъ ветхозавѣтной Библии дѣлаетъ вполне возможнымъ выше указанное мнѣніе Теофилакта и устраняетъ необходимость розыска въ Библии мѣсть, гдѣ выраженіе „воплъ“ относилось бы къ умной молитвѣ, тѣмъ болѣе что всѣ извѣстныя выраженія подобнаго рода могутъ сближаться съ даннымъ мѣстомъ только при помощи разныхъ условныхъ толкованій. Такъ въ Исх. 14, 15: „и сказалъ Господь Моисею:

что ты вопіешь ко Мнѣ“ находятъ наитипичное мѣсто, гдѣ воплемъ обозначается внутренняя молитва; но хотя изъ контекста мѣста и не видно, чтобы Моисей словесно молился, однако и умолчаніе объ этомъ въ священномъ текстѣ не можетъ считаться доказательствомъ, что онъ не молился подобнымъ образомъ; очевидно, здѣсь примѣняется несостоятельное въ логическомъ отношеніи доказательство *e silentio*. Мѣсто книги Притчей, 6, 13 не говоритъ, что въ Писаніи иногда тѣлодвиженія именуется звуками, ибо имѣетъ въ виду нѣмой языкъ жестовъ, замѣняющую рѣчь—мимику,—здѣсь понятная метафора. Ясный примѣръ умной молитвы представляетъ молившаяся Анна, мать Самуила (1 Царствъ гл. 1), но здѣсь въ описаніи вѣтъ выраженій, напоминающихъ слово „воплъ“.

Несравненно болѣшую силу имѣетъ возраженіе, опирающееся на *εσακουσθεις*—услышанъ, какъ на выраженіе, не соответствующее представленію Геесиманскаго боренія. Большинство экзегетовъ признаютъ въ данномъ случаѣ брахилогію, т. е. считаютъ, что этимъ словомъ Апостолъ выразилъ не только услышаніе молитвъ Спасителя, но и ея исполненіе; судя по контексту, гдѣ Богъ Отецъ обозначенъ, какъ могущій спасти отъ смерти, исполненіе молитвы должно было заключаться въ избавленіи отъ смерти, чего нельзя сказать въ отношеніи къ исполненію Геесиманской молитвы, за которою послѣдовали страданія и смерть Христа, но что воплѣ приложимо къ словамъ Господа на крестѣ: Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой, такъ какъ Богочеловѣкъ дѣйствительно восторжествовалъ надъ смертью; причемъ объ Его воскресеніи Апостолы говорили, какъ о дѣлѣ Бога Отца: Богъ воскресилъ Его (Дѣян. 2, 24, ср. 2, 32; 3, 26; 4, 10). Таково было содержаніе первоначальной анастатической проповѣди не только самихъ Апостоловъ, но и мужей Апостольскихъ; такъ Игнатій Богоносецъ въ посланіи къ Смирнянамъ говоритъ, что еретики не приобщаются, ибо не исповѣдуютъ, что евхаристія—плоть Господа, которая страдала за грѣхи наши, и которую Отецъ воздвигъ (*ο πατήρ εγείρεν*). Однако въ Евангеліи не мало мѣстъ, гдѣ Господь говоритъ о Своемъ воскресеніи, какъ объ актѣ Своего Божественнаго всемогущества:

Разорите этотъ храмъ, и Я въ три дня воздвигну его (Іоан. 2, 19),—власть имѣю положить ее (душу) и власть имѣю опять привяты ее (Іоан. 10, 18). Златоустъ прямо замѣчаетъ: О воскресеніи Господь никогда не молился Отцу. Кромѣ сказаннаго для насъ важно пониманіе *εἰσακούσθεις* на древне христіанскомъ западѣ, выразившееся въ передачѣ *απο τῆς εὐλαβείας*—теперь читается: (по причинѣ благоговѣнія) и въ общемъ экзегесисѣ мѣста у Амвросія Медиоланскаго. Древній латинскій переводъ *Itala* читаетъ данное мѣсто: *exauditus a metu*, каковой переводъ помимо Кларомонтанскаго кодекса сохранился и въ патристической цитаціи. Амвросій, слѣдуя чтенію *exauditus a metu*, истолковываетъ данное мѣсто въ томъ смыслѣ, что Господь былъ освобожденъ (*exauditus est aequae quam liberatus*) отъ того чувства стѣсненія и тоски, каковое Онъ испытывалъ по Своей человѣческой природѣ въ виду предстоявшихъ Ему страданій и смерти. Вигилій Тапсенскій цитируетъ данное мѣсто посланія съ разночтеніемъ Италійскаго текста—*propter timorem*. Мы не считаемъ, что пониманіе слова *εὐλαβεία*—*metus*—*timor*—страхъ единственно возможное, тѣмъ болѣе что и на западѣ позднѣйшій переводъ вулгата уже читаетъ *pro sua reverentia* согласно пониманію древнихъ греческихъ экзегетовъ, но оно важно, какъ характеризующее взглядъ извѣстной эпохи на данное мѣсто посланія, какъ относящееся къ Геосиманскому бorenію, на каковое можетъ указывать и обозначеніе Бога Отца словами *δυναμεως σωζειν*—могущій спасти, если сопоставить мѣсто изъ Геосиманской молитвы по Марка 14, 36: *вся возможна Тебѣ—πανατα δυνατα σοι*. Съ другой стороны выраженіе „спасти отъ смерти“ не встрѣчается въ Писаніи, какъ обозначеніе воскресенія; въ посланіи Іакова—спасти душу отъ смерти значитъ нравственно исправить (5, 20); у пророка Осіи „отъ смерти избавлю ихъ“ въ отнесеніи къ воскрешенію передаетъ не чрезъ *σωζειν* у LXX, но чрезъ *εὔρειν* (ср. Евр. 11, 19; Римл. 8, 11; 1 Кор. 15, 15; 2 Коринѣ. 4, 14; Гал. 1, 1); да кромѣ того моленіе о воскрешеніи у распятаго Христа толкователи читаютъ между строкъ Евангельскаго повѣствованія о совершившемся на Голгоѣѣ. Многія древне-греческія схоли показ-

зываютъ, что отнесеніе мѣста посланія къ Евреямъ къ Геосиманской молитвѣ было долгое время господствующимъ. Такова, напримѣръ одна схолія, опубликованная Деличемъ. (Delitzsch. Kommentar über den Hebräerbrief. S. 192).

Шаткость тѣхъ данныхъ, на какихъ осповываются экзегеты, относя это мѣсто посланія къ распятію Богочеловѣка, вынуждаетъ нѣкоторыхъ взъ нихъ сливать оба событія: Геосиманское и Голгоетское, какъ библейски историческую основу для даннаго мѣста посланія къ Евреямъ. Они считаютъ, что вопль Господа на крестѣ: „Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ“ былъ кратковременнымъ возвращеніемъ къ тому состоянію, о которомъ говорилъ Евангелистъ при повѣствованіи о Геосиманской молитвѣ—*γενομενος εν αγωμη*. Но противъ такого толкованія направляется смыслъ причастія аориста *προσευχευρας*, каковсе не должно обозначать повторившагося дѣйствія, первоначально имѣвшаго мѣсто въ Геосиманіи, а потомъ на Голгоетѣ; что же касается до формы множественнаго числа—молитвы и моленія, то она указываетъ не на повтореніе молитвъ во времени, но на ихъ глубину и силу (эллипстическое употребленіе *pluralis* для сообщенія выражаемому понятію большей интенсивности—т. н. *рибуй кохотъ*); съ другой стороны и при допущеніи, что причастіе аориста *προσευχευρας* по связи съ множ. числомъ *δευρας* указываетъ на повтореніе молитвъ Христа, повѣствованіе синоптиковъ о Геосиманскомъ бореніи ни мало не устраняется, какъ единственная историческая основа для разбираемаго мѣста посланія; ибо всѣ синоптическія Евангелія говорятъ о посѣщеніи Господомъ сиящихъ учениковъ, какъ прерывавшемъ Его моленіе о чашѣ, слѣдовательно Апостоль могъ обозначить молитву въ Геосиманіи, какъ повторявшееся дѣйствіе, формой множ. числа. Что касается до синтаксической связи причастія *προσευχευρας* съ послѣдующими глаголами *εμαδεν*—*επαδε*, то мнѣніе, что аористическое причастіе должно выражать дѣйствіе, одновременное съ дѣйствіями, указанными въ *verba finita* аориста,—произвольно, и можно привести примѣры не синхростического (по отношенію ко времени глаголовъ главнаго предложенія) значенія причастія аориста въ придаточномъ предложеніи: такъ

въ Матѣ. 22, 25: первый женившись умеръ—*γαμησας εἰλευτησε* (нѣтъ мысли о совпадении времени брака и смерти) или Дѣянній 5, 10—вынесши похоронили *εξενευχαντες εδαφαν* (одно дѣйствие предваряетъ другое). Въ случаѣ современности дѣйствія, обозначеннаго въ причастіи *προσνευχας*—привест, съ указаннымъ въ аористѣ *επαθεν*—пострадалъ, требовалось бы совсѣмъ иное чѣмъ у Апостола построение рѣчи: *μαθων αφ'ων επαθεν την οπακοην δεησειη και ικετησιας προσηυχηεν* (Kurtz. Der Hebräerbrief. S. 177). Такимъ образомъ нѣтъ текстуальныхъ препятствій для отнесенія разбираемаго мѣста посланія къ Геосиманскому подвигу. Θεодоритъ прямо говоритъ: Днями плоти Апостоль назвалъ время смертности (*της θνητοτητος καιρος*)... имѣетъ же въ виду молитву, какою молился Христосъ предъ страданіями, изрекши: Отче и т. д. (Матѣ. 26, 39). Въ этомъ случаѣ „услышаніе“ должно относить къ явленію укрѣплявшаго Ангела. По снесенію съ Дѣянній 9, 19 это укрѣпленіе касалось человѣческаго естества Христа (здѣсь объ укрѣпленіи чрезъ принятіе пищи и тотъ же греческій глаголъ); эта особенность, выдѣляющая Евангеліе по Лукѣ отъ прочихъ синоптическихъ свидѣтельствъ о моленіи о чашѣ, приближаетъ его къ данному мѣсту посланія къ Евреямъ, что возможно объясняется связью Евангелія по Лукѣ съ проповѣдью Апостола Павла, какъ Евангеліе по Марку стоитъ въ связи съ проповѣдью Апостола Петра.

Переходя къ объясненію частныхъ выраженій мѣста, мы прежде всего скажемъ о сочетаніи *δεησεις και ικετηριαι*—моленія и прошенія. Постановка даиныхъ почти синонимичныхъ словъ многими считается за логическую лѣстницу, т. е. климаксъ, т. е. за совмѣстное употребленіе синонимовъ ради усиленія ихъ основного смысла, въ родѣ того какъ было бы по русски—трава-зелень, дворець чертогъ. Касательно слова *ικετηρια* должно сказать, что оно коррелируетъ латинскаго *supplicatio*, по формѣ оно—прилагательное отъ *ικετηριος* въ женскомъ родѣ, причемъ эта форма обусловлена подразумеваемымъ существительнымъ *ελαια* или *ραβδος*—*θαλλος*, въ соединеніи съ каковымъ оно первоначально обозначало масличную вѣтвь, перевитую шерстяною нитью; съ такою вѣткою въ правой

рукѣ обычно выступали умоляющіе о пощадѣ или заступничествѣ. Отъ такого употребленія масличныхъ вѣтвей самое дерево получило epitheton ornatum у древнихъ писателей *κρηρ*—*rasifera* молитвенникъ—миротворецъ (такъ у Виргилія *gama rasiferae olivae*, у Эврипида *κρηρ θαλλος*). Древнее толкованіе слова *κρηρ* не принадлежитъ новѣйшимъ филологамъ, но попадаетъ и въ античныхъ схоліяхъ къ произведеніямъ классиковъ. Съ подобнымъ значеніемъ просьбы о заступленіи является *κρηρ* и въ неканоническихъ книгахъ Ветхаго Заветѣ, напримѣръ въ 2 Мак. 9, 18; въ новозавѣтномъ канонѣ *κρηρ* исключительное выраженіе даннаго мѣста посланія (*απαξ λεγομενον*). Что касается до совмѣстнаго употребленія *δεησεις και κρηρ*, то оно встрѣчается у классиковъ, у Филона и Флавія.

Въ послѣдующей части стиха при разсмотрѣніи ея съ теологической стороны особеннаго вниманія заслуживаетъ выраженіе *εὐλαβεία*, каковое слово въ древнихъ латинскихъ переводахъ, какъ говорено равнѣе, передается то чрезъ страхъ (*metus, timor*), то чрезъ благоговѣніе (*reverentia*). Въ связи съ первымъ пониманіемъ *εὐλαβεία* долженъ стоять разборъ выраженія „услышанъ“, а въ соотношеніи со вторымъ уясненіе значенія предлога „απο“. Но этому детальному изученію разбираемаго мѣста мы предпошлемъ общій филологическій очеркъ употребленія слова *εὐλαβεία* у классиковъ и въ библейскомъ канонѣ. По своему производству отъ частицы *εὐ* глагола *λαμβανειν*—слово *εὐλαβεία* обозначаетъ внимательное, осторожное отношеніе къ чему-либо или къ кому-либо, но словоупотребленіе классиковъ по-преимуществу сообщаетъ этому выраженію религіозный культовый смыслъ. Однако *εὐλαβεία* иногда не имѣетъ значенія благоговѣнія; у Плутарха мы видимъ *εὐλαβεία* въ смыслѣ предусмотрительности, не имѣющей своимъ объектомъ религіозныхъ отношеній *εὐλαβεία φλοακη κακου*—предусмотрительность—страхъ отъ бѣды, или *η προς το πλεον εὐλαβεία*—осторожность насчетъ плаванія; Помпей по тому же автору не совершилъ великихъ дѣлъ *απ' εὐλαβείας*—по осмотрительности, по страху предпріятій. Для опредѣленія значенія *εὐλαβεία* можно воспользоваться изъясненіемъ его у классиковъ

чрезъ сопоставленіе съ φόβος и ταραχή: по Діогену Лаэртцію εὐλαβεία противопоставляется страху со стороны своей сообразности съ разумомъ, тогда какъ страхъ—явленіе безотчетное. Плутархъ замѣчаетъ το γὰρ εὐλαβεῖσθαι σοφῶν ἰδίον—поступать осторожно—свойство мудрецовъ. Гезихій сопоставляетъ φοβεῖσθαι и εὐλαβεῖσθαι, но онъ здѣсь не точенъ; несомнѣнно, что φόβος—чувственный аффектъ, пѣчто инстинктивное, εὐλαβεία же имѣетъ въ виду актъ свободного самоопредѣленія, рефлексію. При такомъ общемъ смыслѣ εὐλαβεία переходъ этого слова въ обозначеніе религіозныхъ отношеній между Божествомъ и человѣкомъ вполне естественъ: здѣсь εὐλαβεία также осмотрительное отношеніе, но объектомъ его является не человѣкъ, вообще не тварь, а высочайшее Существо. Но слѣдуетъ замѣтить, что занявъ мѣсто среди обозначеній добродѣтели, εὐλαβεία не приобрѣла значенія termini technici для указанія на благоговѣніе; только въ нѣкоторыхъ случаяхъ классики его ставятъ въ смыслѣ religio—богобоязненности. Полибій, игнорируя это значеніе слова εὐλαβεία, ставитъ въ нужныхъ случаяхъ δεισιδαιμονία, другіе считаютъ необходимымъ давать частнѣйшее опредѣленіе слову εὐλαβεία, какъ указанію на благочестіе—πρὸς το θεῖον. Какое чувство является преобладающимъ въ настроеніи души, характеризуемомъ εὐλαβεία, можно рѣшить на основаніи противоположенія Плутархомъ понятію εὐλαβεία—τοφος—самомнѣнія и ολιγωρία τῶν θεῶν—пренебреженія къ богамъ. Такимъ образомъ на почвѣ данныхъ классической филологіи εὐλαβεία обозначаетъ молитву Спасителя въ Геосиманіи, какъ обусловленную въ своемъ выраженіи чувствомъ глубокаго смиренія предъ волею небеснаго Отца.

Обращаясь къ языку LXX, мы находимъ слово εὐλαβεία, какъ передачу еврейскаго *daag* въ Ис. Нав. 22, 24. Корень *daag* по Гезенію первоначально обозначалъ беспокойное состояніе поверхности моря и впервые появился въ языкѣ финикійскихъ матросовъ, потомъ онъ сталъ употребляться метафорически въ приложеніи къ беспокойному душевному состоянію. Въ новозавѣтномъ канонѣ слово εὐλαβής обозначаетъ имѣющаго страхъ Божій „благочестиваго“, разумѣемъ отнесеніе его къ

Симеону Богопріимцу (Луки 2, 25), къ людямъ ветхозавѣтной религіи, собравшимся отовсюду въ Іерусалимъ на праздникъ Пятидесятницы (Дѣян. 2, 5) и къ погребателямъ первомученика Стефана (Дѣян. 8, 2). Самое слово *εὐλαβεία* здѣсь *ἀπαξ* *λεγομένου* посланія къ Евреямъ, но характерно, что въ 12, 28 того же посланія оно можетъ имѣть только смыслъ благоговѣнія. Что касается до словоупотребленія эллинистовъ, то у нихъ *εὐλαβεία* получаетъ также по большей части религіозно-мистическій оттѣнокъ, хотя иногда и имѣетъ смыслъ, сходный съ постановкою слова у классиковъ. Филонъ причисляетъ *εὐλαβεία* къ числу добродѣтелей. Въ „*De mundi orificio*“ змій, укоряя Еву, относитъ къ недостаткамъ первыхъ людей ихъ *εὐλαβεία* въ области отношенія къ Богу. Но въ „Древностяхъ“ Флавія *εὐλαβεία* иногда имѣетъ и ветхозавѣтное значеніе смущенія—робости, беспокойнаго состоянія духа,—такъ Артаксерксъ касается скипетромъ головы Есѣири, освобождая ее отъ страха—*εὐλαβείας αὐτῆν ἀπολούων*. Филонъ называетъ Моисея—*φοβῆς εὐλαβῆς*—робкій по природѣ, но и здѣсь, конечно, имѣется въ виду не безотчетный страхъ, каковому легко поддадалъ бы Моисей, но осмотрительность, осторожность въ рѣшеніи. Во всякомъ случаѣ и употребленіе *εὐλαβεία* у эллинистовъ не даетъ при всемъ своемъ разнообразіи права усматривать въ данномъ мѣстѣ посланія рѣчь о безотчетномъ страхѣ предъ смертію, каковой испытывалъ безгрѣшный Богочеловѣкъ по человѣческому естеству и отъ котораго былъ освобожденъ явившимся Ангеломъ. Если находятъ, что *εὐλαβεία* недостаточно опредѣленно указываетъ на благоговѣніе, будучи лишено *τὸν θεοῦ* (*genetivus objecti* или *αὐτὸν genetivus subjecti*)¹⁾, то тѣмъ менѣе основаній отождествлять это понятіе съ *φοβὸς θανάτου*—страхомъ смерти при пропускѣ опредѣленія. Теофилактъ въ *εὐλαβεία* усматриваетъ основаніе къ услышанію моленія Христа, а не обозначеніе состоянія, отъ котораго Онъ былъ избавленъ. Но противъ предложеннаго толкованія новѣйшіе экзегеты выдвигаютъ 3 пункта: 1) предлогъ *ἀπο* означаетъ „отъ“, а не „по причинѣ“, 2) давнее пониманіе обращаетъ все мѣсто

¹⁾ Такъ Юрьевскій профессоръ Зеберъ въ монографіи: *Die Hellsbedeutung des Todes Christi im Hebräerbrief*.

въ указаніе на общепризнанную истину, дѣлаетъ его общимъ мѣстомъ (*locus communis*), 3) данное выраженіе ослабляло бы силу (*onus probandi*) послѣдующаго аргумента—навыкъ изъ страданій послушанію, ибо покорность одна изъ составныхъ въ понятіи „благоговѣніе“. Противъ перваго возраженія мы приведемъ примѣры постановки „апо“ съ цѣлью отмѣтить причинную связь, такъ у Матѳ. 18, 7—горе міру отъ соблазновъ апо των σκανδαλωνъ, въ Дѣян. 26, 9 юноша Евтихъ упалъ, пошатнувшись отъ сна апо του υπνου. Второе возраженіе въ общемъ могло бы считаться справедливымъ, какъ сказано слѣдующимъ въ Евангеліи по Іоанну 9, 31: мы знаемъ, что грѣшниковъ Богъ не слушаетъ, но кто чтитъ Бога и творитъ волю Его, того слушаетъ; но *εὐλαβεία* и *ὀψαχουή* различествуютъ въ опредѣленіи Апостола, который имѣетъ въ виду возведеніе человѣческой добродѣтели Христа къ абсолютному совершенству. Златоустъ по поводу мѣста замѣчаетъ: „Страдающій за кого-нибудь не ему только приноситъ пользу, но и самъ становится славнѣе и совершеннѣе“ и далѣе: „Навыкъ послушанію—показываетъ, какая бываетъ польза отъ страданій“. Было бы наоборотъ страннымъ допускать, что благоговѣніе составляло чуждую добродѣтель для Христа до крестныхъ страданій. Здѣсь Апостоль говоритъ то же, что въ посланіи къ Филиппійцамъ 2, 8: онъ имѣетъ въ виду возведеніе къ совершенству, а не приобрѣтеніе извѣстной добродѣтели. Ученіе о кенозисѣ—истощаніи Христа въ земной жизни обуславливаетъ и Апостольское и патристическое ученіе о теліосисѣ—возведеніи человѣческаго естества Спасителя къ совершенству.

Для истолкованія *εὐλαβεία* въ смыслѣ *metus mortis*—страхъ предъ смертью требуется доказать, что „услышано“ брахилогическое выраженіе, т. е. обозначаетъ не только услышаніе, но и самое избавленіе, фактическое осуществленіе мольбы во всемъ ея содержаніи. Допуская, что „услышанъ“ тождественно съ „былъ избавленъ“, *exauditus* = *liberatus*, толкователи признаютъ *ὀσπερον* *πρωτερον*, но *εἰσακουεῖν* имѣетъ подобное значеніе только въ Іова 35, 12: и не слышитъ (избавляетъ) *μὴ εἰσακουοῦσθαι* отъ надменности злыхъ людей. Обычно же услышаніе и осуществленіе молитвы различествуютъ во времени. Такъ

слова Ангела къ Захаріи различаютъ услышаніе молитвы отъ ея исполненія, изъ которыхъ первое представляется какъ бы совершившимся, а второе, судя по дальнѣйшимъ словамъ Ангела, какъ имѣющее быть въ будущемъ.

Заключительнымъ отдѣломъ Апостольской рѣчи о Геосиманской молитвѣ Христа въ посланіи къ Евреямъ является стихъ 8 въ 5 главѣ: хотя Онъ Сынъ, однако страданіями навывкъ послушанію. Выраженіе—навывкъ, научился ¹⁾ (*εμαθεν*) одни толкователи считаютъ предикатомъ при непосредственно предшествующемъ реченіи, другіе относятъ этотъ глаголь къ *ος* въ началѣ 7 стиха, причемъ *καπερ ου υιος*, „хотя и сынъ“ возводится въ самостоятельное грамматическое цѣлое, какъ вставка—*parenthesis*. По первому разбору мѣсто читалось бы: Будучи Сыномъ, навывкъ страданіями послушанію. Здѣсь получалась бы мысль, что Господь долженъ былъ научиться послушанію въ страданіи, ибо Онъ Божій Сынъ, т. е. самыя страданія, какъ источникъ наученія послушанію, поставлялись бы въ тѣсную связь съ идеей Богосыновства, а чрезъ это блѣднѣла бы мысль о спасительности страданій Господа для человѣческаго рода; свободный актъ Богочеловѣка, осуществлявшій премірный Совѣтъ о мирѣ и человѣчествѣ, обращается при этомъ въ необходимое слѣдствіе ипостаснаго отношенія Сына къ Отцу. Въ виду отсутствія члена при словѣ *υιος*—Сынъ, оно по словоупотребленію посланія заставляеть предположить, что Апостоль подъ *καπερ ου υιος* выразилъ именно ипостасное отношеніе Христа къ Богу Отцу, а по такому послушанію—невозможно, такъ какъ воля Сына тождественна съ волею Отчею, равно наученіе—не приложимое понятіе къ всесовершенной Божественной жизни. Что касается до предположенія логической связи *εμαθεν* съ *ος* въ 7 стихѣ, то оподаетъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ о значеніи слова „послушаніе“: стоя въ связи съ реченіемъ „въ дни плоти“ *ος* имѣеть въ виду Богочеловѣка, а потому „навывкъ послушанію“ должно относить къ человѣческому естеству Господа, причемъ вводныя слова *καπερ ου υιος* „хотя и Сынъ“, отмѣчаютъ, что

¹⁾ У древнихъ есть афоризмы, гдѣ совместно стоятъ *καθημα* и *μαθησια*, *καθημα* и *διδαχμα* (Wetstenii Novum Testamentum p. 402).

въ этомъ актѣ Божество Сына не было уничтожено. Грамматическимъ основаніемъ противъ отъесенія *επαθεν* къ слову *ουος* служитъ обычное употребленіе при союзѣ *καί* причастныхъ формъ, а не *verba finita* (ср. Евр. 12, 17). Источникомъ для „наученія послушанію“ по данному мѣсту посланія является *α επαθεν*—страданія, а по 2, 18 посланія къ Евреямъ Господь въ страданіи былъ искушаемъ: Онъ самъ претерпѣлъ, былъ искушенъ, а потому можетъ и искушаемымъ помочь; такъ „навыкъ послушанію“ соединяется съ претерпѣніемъ страданій, какъ искушеніе для человѣческаго естества Христа; а эта мысль возвращаетъ насъ въ пустыню, гдѣ діаволь предлагалъ Богочеловѣку истребить чудеснымъ образомъ слѣдствія грѣха,—въ пути искупленія чрезъ страданія заключалось искушеніе (*πειρασμος* Евр. 2, 18) для человѣческаго естества Христа: Отче Мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія (Матѣ. 26, 39). Но всесовершенное подчиненіе человѣческой воли, волѣ Отчей, согласной съ Божественною волею во Христѣ,—обнаруживало Его свободу отъ грѣха; Господь, какъ говоритъ Апостоль, можетъ сострадать намъ въ немощахъ нашихъ, ибо искушенъ во всемъ, *кромя грѣха* (Евр. 4, 15). Такъ послушаніе, проявленное Господомъ въ Его страданія, стоитъ въ связи съ Его свойствами, какъ небеснаго Первосвященника нашего исповѣданія (Евр. 3, 1): Онъ—святой, непричастный злу, непорочный, отдѣленный отъ грѣшниковъ и превознесенный выше небесъ (Евр. 7, 26).

Е. Воронцовъ.

ХРИСТОСЪ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

(Christus im modernen Geistesleben).

Е. ПФЕННИГСДОРФА. (Переводъ съ нѣмецкаго).

ХРИСТИАНСТВО, КАКЪ ВСЕМІРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СИЛА.

1. Его чудесное движеніе впередъ.

1. *Мнѣніе Наполеона.* Каково дѣло, таковъ и виновникъ. Дѣло Христа есть основаніе царства Божія на землѣ. Только могучій, Богомъ очищенный духъ могъ поставить себѣ такую задачу и только одинъ Христосъ могъ выполнить ее. Полное впечатлѣніе Божественнаго величія Христа получается только тогда, когда изслѣдуютъ Его дѣйствія въ исторіи нашего рода. Положеніе: causa aequat effectum—каково дѣйствіе, такова и первопричина—примѣнимо также и здѣсь.

Какимъ великимъ характеромъ долженъ быть человекъ, какую могучею энергіею и полнотою жизни—обладать духъ, для котораго довольно-было трехъ годовъ земной жизни, чтобы завершить неподобное дѣло и всѣмъ послѣдующимъ поколѣніямъ оставить неувгладимое впечатлѣніе Своей жизни! Рядомъ съ такимъ величіемъ Духа должны показаться малыми даже самые великіе завоеватели. Александръ, Цезарь, Карлъ Великій также основали великія царства, но эти царства съ ихъ смертію распались. Господство Христа, напротивъ, началось именно послѣ Его смерти. Міровыя историческія созданія тѣхъ поколѣній на силѣ и деспотизмѣ. Только одинъ Іисусъ Христосъ основалъ свое царство на любви и до сегодняшняго дня милліоны готовы охотно умереть за Него. Эти идеи привели самого Наполеона къ признанію Его божественнаго ве-

личія и заставили высказать слѣдующее мнѣніе: „Въ теченіе 18 вѣковъ Іисусъ Христосъ предъявляетъ требованіе, которое труднѣе исполнить, чѣмъ какое либо другое. Онъ требуетъ того, чего часто напрасно добивался философъ отъ своихъ друзей, или отецъ отъ своихъ дѣтей, или невѣста отъ своего жениха, или человекъ отъ своего брата: Онъ требуетъ сердца человека. Онъ хочетъ владѣть имъ вполне и безраздѣльно. Онъ требуетъ безусловно, и Его требованіе немедленно исполняется. Удивительно! Не смотря на раздѣляющее время и пространство, Христосъ пріобрѣтаетъ для Своего царства душу человека со всѣми ея силами и дарами. Всѣ, кто искренно вѣруетъ въ Него, испытываютъ въ своемъ сердцѣ эту замѣчательную, сверхъестественную любовь къ Нему. Это явленіе необъяснимо. Оно далеко превышаетъ наличность созидательной силы человека. Время, этотъ великій разрушитель, совершенно бессильно погасить это священное пламя. Время не можетъ ни изпустить его силы, ни положить границы его изобилію. Это всего болѣе приводитъ меня въ изумленіе. Я часто объ этомъ размышлялъ. Это-то самымъ убѣдительнымъ для меня образомъ доказываетъ Божественность Іисуса Христа“. На императора производитъ впечатлѣніе та какъ бы магнетическая сила, съ какою Христосъ приковываетъ къ себѣ сердца своихъ вѣрующихъ. Отъ его пронизательнаго взгляда не укрывается, что Христосъ, что еще удивительнѣе, не пріобрѣтаетъ для Себя ни одной человѣческой души безъ того, чтобы ее, снабженную новою силою любви, не вернуть человѣчеству. Онъ порождаетъ только то особенное стремленіе любви, которое чуждо было грекамъ—стремленіе благодѣтельствовать *всѣмъ* людямъ, спѣшить на помощь къ совершенно чужимъ людямъ и оказывать имъ благодѣянія, въ которыхъ они такъ мало расположены, что нерѣдко они умерщвляютъ своихъ благодѣтелей.

2. *Ложные пророки.* Слова Наполеона получаютъ въ наше время замѣчательное подтвержденіе въ миссіонерской дѣятельности. Она свидѣтельствуетъ намъ о повсюдномъ неукротимомъ побѣдоносномъ проникновеніи Христа. Если мы нынѣ кинемъ взглядъ свой назадъ, то мы лишь съ грустью можемъ вспомнить о всѣхъ тѣхъ ложныхъ пророкахъ, которые

со временъ Юліана до нашихъ дней предсказывали конецъ христіанства.

Въ концѣ 18-го вѣка противъ Библии воевалъ знаменитый насмѣшникъ Вольтеръ, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, и, между прочимъ, писалъ: чрезъ сто лѣтъ Библия будетъ позабытою и неизвѣстною книгою, ее можно будетъ находить въ качествѣ рѣдкости въ кладовыхъ и археологическихъ музеяхъ, какъ свидѣтельство глухости равнѣйшихъ поколѣній. Нылѣ—таково провидѣніе Божіе!—на томъ самомъ мѣстѣ въ Парижѣ, гдѣ Вольтеръ написалъ указанное пророчество, находится складъ Библий британскаго библейскаго общества, которое ежегодно распространяетъ отсюда 150.000 книгъ Священнаго Писанія. Замѣчательная иронія судьбы! Самъ Вольтеръ давнымъ давно умеръ. Онъ умеръ, какъ трусъ, такъ что даже его лучшіе друзья стыдились этой смерти и его собственный врачъ занесъ въ своемъ дневникѣ: „Fugis agitated mortuus est! Гонимый фуріями онъ умеръ“. Но библия живетъ, являясь источникомъ несравненной силы и истины для всѣхъ временъ!

Подобно Вольтеру, „просвѣтителю“ Бистеру въ Берлинѣ хотѣлось попасть въ число пророковъ. Въ 1786 г. онъ пророчествовалъ, что не нужно только послабленія и чрезъ 20 лѣтъ имя Іисуса больше не будетъ произноситься въ религіозномъ смыслѣ. Именно двадцать лѣтъ позднеѣе приходитъ наказаніе изъ Іены и Ауерштедта, и далеко на востокъ, куда убѣжали король Фридрихъ Вильгельмъ III и королева Луиза, Макс фонъ-Шенкендорфъ напѣваетъ пѣснь на Рождество Христово: „о человѣческой сынъ, исполненный любви и силы, о высочайшая, вѣчная жизнь, ты часто уже воспламенялъ искры и сообщалъ энергію къ дѣятельности; о небесный духъ, снизойди снова во юдоль слезъ!“ Пѣсни Макса фонъ-Шенкендорфа еще до нынѣ живутъ въ душѣ нѣмецкаго народа, но кто помнитъ предсказанія Бистера?

Почтеннѣйшій и наиболѣе уважаемый изъ ложныхъ пророковъ, безспорно, есть Давидъ Фридрихъ Штраусъ. Онъ надѣялся, что своими критическими изысканіями онъ нанесъ смертельный ударъ христіанству. Но онъ не подозрѣвалъ, что

священное писаніе рядомъ со своею человѣческой, временно-исторической имѣетъ вѣчную, божественную сторону, которая, однакоже, никогда не открывается критическому умствованію, но только кающемуся сердцу. И Штраусъ долженъ былъ пережить совершенную пустоту своихъ предсказаній. Онъ умеръ одинокимъ и огорченнымъ. При его болѣзненномъ одрѣ пахнула и скрашивала ему послѣднее время его страданій христіанская діаконисса, эта воплощенная любовь и сила Того, Кого онъ считалъ уничтоженнымъ.

Изъ судьбы еще великаго множества подобнаго рода пророковъ можно видѣть, что въ міровой исторіи есть какъ бы божественная иронія. Но у кого открыты глаза на факты міровой исторіи, которые кругомъ его обнимаютъ, тотъ не нуждается въ подобномъ изложеніи подобныхъ частныхъ. Ибо между тѣмъ какъ голоса такихъ ложныхъ пророковъ постоянно остаются безрезультатными, христіанство все свѣтоноснѣе вышается надъ моремъ народовъ и развиваетъ все могучѣе свои благотѣльные силы.

Это движеніе впередъ религіи, которая совершенно идетъ въ разрѣзъ съ стремленіями естественнаго сердца, есть полный тайны фактъ: онъ можетъ быть объясненъ только тогда, если мы признаемъ въ евангеліи Божественную силу, которая спасаетъ всѣхъ вѣрующихъ ему.

2. Распространеніе и дѣйствіе христіанства въ мірѣ.

1. *Побѣда христіанства надъ древнимъ міромъ.* Миссія нашихъ дней можетъ быть сравниваема только съ распространеніемъ христіанства въ первыя столѣтія. Первыя христіанскія столѣтія представляютъ собою героическій періодъ христіанской церкви. Въ теченіи его самымъ яснымъ образомъ проявились новыя преобладающія міръ силы.

„Пламя пожара главнаго города всего міра и живые факелы изъ тѣлъ мучениковъ сдѣлали яснымъ вступленіе христіанства въ міровую исторію“. Все тяжелѣе опускалась рука цезаризма, чувствовавшаго угрозу самымъ своимъ основамъ, на беззащитную кучку людей. Христіанство представлялось

опаснымъ для государства, такъ какъ оно съ неиреклонною рѣшительностію отвращалось не только отъ поклоненія идоламъ, но также и цезарю. Ибо самымъ высокимъ для христіанина былъ не всемогущій цезарь не римское государство,— оно было вообще не отъ міра сего. Поэтому христіанинъ, какъ такой, былъ для римлянина врагомъ его государственнаго уклада, за его настроеніе подозрѣвался въ измѣнѣ и по справедливости считался заслуживающимъ смерти. Подъ страхомъ уголовныхъ наказаній, подъ впечатлѣніями слѣпой ярости народа въ теченіе трехъ столѣтій христіанская церковь утвердилась на развалинахъ языческаго міра и утвердилась вслѣдствіе своего религіозно нравственнаго превосходства.

Нравственная сила христіанства открывалась прежде всего въ мужествѣ смерти, — въ мужествѣ, которое шло на смерть не съ презрѣніемъ, не съ стоическимъ равнодушіемъ, но съ надеждою на побѣду. Для язычника смерть была чѣмъ то самымъ страшнымъ, для христіанина смерть была пріобрѣтеніемъ. Здѣсь была вѣра, которая въ несомнѣнномъ обладаніи сверхземнымъ, могущественно поборола земное. Именно при внѣшней побѣжденности эта вѣра обнаруживалась самымъ побѣднымъ образомъ. Для Іустина Философа мужество въ смерти, съ какимъ исповѣдующіе христіанскую вѣру умирали за свои убѣжденія, было главнымъ мотивомъ для перехода въ христіанство. Часто смерть мученика своимъ послѣдствіемъ имѣла обращеніе многихъ язычниковъ. Кровь мучениковъ дѣйствительно была „сѣменемъ церкви“.

Рядомъ съ вѣрою явилось великою притягательною къ христіанству силою родившаяся изъ нея братская любовь. Пусть мы находимъ идею дѣятельной братской любви въ нѣкоторыхъ тогда существовавшихъ частныхъ обществахъ, однакожь такъ сильно и принципіально раздѣляющія особенности рода, состоянія и національности нигдѣ не были препобѣждены, какъ въ словахъ ап. Павла: „нѣсть іудей, ни еллипъ: нѣсть рабъ, ни свободъ: нѣсть мужескій полъ, ни женскій: вси бо едино есте о Христѣ Іисусѣ“ (Гал. III, 28). Столь глубоко идея единенія всѣхъ людей нигдѣ не понималась, какъ здѣсь, гдѣ cadaго отдѣльнаго чловѣка разсматривали въ свѣтѣ дѣла

искупленія Христова и въ каждомъ признавали достоинство сына Божія. Эта вѣра скрывала въ себѣ силу—обновить изнутри общественную жизнь людей, возвысить положеніе рабовъ, а потомъ совсѣмъ уничтожить рабство и преобразовать заново отношенія между мужемъ и женою, господиномъ и слугою, правительствомъ и подданными. Даже въ тѣ времена, когда христіанская церковь начала омірщвляться, она, однакоже, располагала еще гораздо ббльшими жизненными силами, чѣмъ умирающее язычество.

Если мы въ третьемъ столѣтіи видимъ массу вѣрующихъ, то сколько здѣсь было христіанъ только по имени, сколько ненависти и вражды, сколько честолюбія и вообще мірскихъ страстей. Духъ первыхъ христіанъ какъ бы отлетѣлъ, церковь стала уже старою и омірщилась. Отсюда многія отпаденія, отсюда то страшное опустошеніе, какое произвели особенно послѣднія великія преслѣдованія церкви.

И, однакоже, церковь осталась непобѣдимою. „Прямо-таки чудеснымъ является и представляетъ величайшій успѣхъ христіанства то, что оно не могло быть уничтожено, даже одержало побѣду несмотря на то, что многіе изъ его исповѣдниковъ такъ жалко представляли его. Столько было отреченій, слабостей и грѣховъ и все это, однако, не могло уничтожить нежданнаго силы христіанства. Сквозь всѣ эти тѣни и мракъ, которые мы наблюдаемъ въ исторіи христіанской церкви, во всѣ времена пробивается побѣдоносный и несокрушимый свѣтъ истиннаго христіанства, подобно солнечному свѣту раздѣляющій облака и то тамъ, то здѣсь бросающій свои животворные лучи. Такъ было и тогда. *Церковь побѣдила не чрезъ христіанъ, но вопреки христіанамъ, силою Евангелія*“¹⁾).

2. *Столптіе миссіи.* Это приложимо въ извѣстной мѣрѣ также и къ дѣлу миссіонерства настоящаго времени. Пусть также и здѣсь часто недостаетъ истиннаго духа и ревности, и бездушіе, высокомѣріе или себялюбіе возмущаютъ или повреждаютъ священное величіе христіанства, но вопреки всему этому, дѣло своимъ чередомъ подвигается впередъ, такъ какъ оно дѣло не человѣческое, а Божье. Цифровыя доказательства

¹⁾ Изъ Grundriss der Kirchengeschichte, R. Sohm.

мало значать въ этой области, но, можетъ быть, они способны тому или другому дагь картину могучаго развитія хотя евангелической миссіи среди язычниковъ.

Область, на которую распространяется миссіонерская дѣятельность протестантства, далеко переступаетъ границы всемірнаго почтоваго союза. Существуетъ 6000 миссіонеровъ — мужчинъ, 4000 женщинъ, 4000 — изъ туземцевъ, 60000 туземныхъ учителей, 700 врачей. Сто лѣтъ тому назадъ на миссію среди язычниковъ жертвовалось около половины милліона марокъ; нынѣ жертва протестантизма достигаетъ 76¹/₂ милліоновъ марокъ ¹⁾. Средства нѣмецкой миссіи достигаютъ 6100000 марокъ, между тѣмъ какъ англійская обладаетъ 38000000 милліонами марокъ. Доля жертвы каждаго христіанина равняется въ Англии 1,25 марки, во Франціи 1,25, въ Америкѣ — 0,40, Германіи — 0,47. Какъ скромны должвы быть наши миссіонеры въ отношеніи содержанія, это можно видѣть изъ того, что, напр., миссіонеръ von Berlin I въ Африкѣ получаетъ содержанія 2000 марокъ, а казначей нѣмецкаго правительства получаетъ тамъ 7200 марокъ, лейтенантъ 6000, нежеватый ремесленникъ 5000. Среди благотворительныхъ учрежденій считается 400 госпиталей, 8—900 поликлиникъ, 80 приютовъ для прокаженныхъ, 4—500 вдовьихъ домовъ, 20000 школъ съ милліонами учениковъ и ученицъ. Первые миссіонеры „общества братьевъ“ отправились съ тремя талерами и однимъ дукатомъ; нынѣ работаетъ 180 миссіонеровъ на ихъ миссіонерской службѣ и расходы на миссію достигаютъ ежегодно до 1610000 марокъ, хотя общество братьевъ считаетъ въ числѣ своихъ членовъ только 32000 душъ. Въ началѣ 19 столѣтія миссіонеръ появился въ Китаѣ и нынѣ тамъ дѣйствуютъ 600 человекъ миссіи и 35 миссіонерскихъ обществъ, среди коихъ 4 нѣмецкихъ. 100 лѣтъ тому назадъ христіанъ изъ язычниковъ было всего нѣсколько тысячъ, а нынѣ свыше 4 милліоновъ; успѣхъ на дѣлѣ значительно превосходитъ опредѣляемый цифрами. Ибо, гдѣ постоянно и вѣрно проповѣдуется евангеліе, тамъ подобно закваскѣ объемлютъ міръ новыя силы, хотя бы еще ни одна душа не обратилась. Возникаетъ вну-

¹⁾ Марка нѣмецкая равна на наши деньги 0,8 руб. золотомъ. *Переводч.*

треннее безпокойство сердець, сознание грѣха становится живымъ и возбуждаетъ болѣе серьезное исканіе и болѣе глубокое томленіе духа. Начинается борьба между свѣтомъ и тьмою, которая въ концѣ концовъ приводитъ отдѣльныхъ людей къ рѣшимости принять вѣру Христову. Эти единичные люди подобны сѣменнымъ зернамъ, къ которымъ примѣнимо замѣчаніе остроумнаго языковѣда М. Мюллера. „Духовная жатва не можетъ расцѣпываться на основаніи счета зерна на зерно. Каждое зерно заключаетъ въ себѣ сѣмя будущихъ жатвъ и обращеніе одного человѣка обуславливаетъ обращеніе безчисленныхъ генерацій будущаго“. Если прослѣдить за христіанскою миссіею за предшествующіе двадцать пять лѣтъ, то открывается, что въ послѣдней четверти столѣтія число обращенныхъ въ пять разъ больше, чѣмъ въ предшествующемъ. Много обѣщающій фактъ! Если количество христіанъ изъ язычниковъ будетъ возрастать въ такой же мѣрѣ, какъ доселѣ, то послѣ новыхъ 25 лѣтъ будетъ имѣть ихъ 20, послѣ 50 лѣтъ—100, послѣ 75—500 милліоновъ, послѣ 100 лѣтъ весь міръ будетъ принадлежать къ царству Христа.

Въ виду такихъ успѣховъ и будущихъ видовъ даже близорукому должно быть ясно, что притча о горчичномъ зернѣ и обѣтованіе, что евангеліе будетъ проповѣдано всей твари,—на пути къ своему исполненію.

Начавшись незамѣтно въ Іудеѣ, царство Христа получило великое распространеніе и будетъ расти, пока не войдутъ въ него сонмы народовъ. И христіанская церковь необходимо должна вести дѣло миссіи, если она сознаетъ, что обладаетъ высочайшею религіозною истиною. Слова Христа: „Идите въ міръ весь“ никогда не могутъ быть забыты. Любовь къ Нему, умершему за всѣхъ людей, гонятъ насъ къ язычникамъ. Печальное состояніе язычниковъ вызываетъ на самаританскую спасающую любовь. Культъ демоновъ и духовъ подавляюще дѣйствуетъ на образованнаго китайца также, какъ и на африканскаго негра. Униженіе женщины господствуетъ тамъ, какъ и здѣсь, въ гаремахъ, какъ и въ индійскихъ Сенапаяхъ. Къ этому присоединяются мрачное колдовство и часто соединяющіеся съ безстыдными оргіями культы богамъ. Только при

полномъ безсердечіи и неосвѣдомленности образованный европеецъ можетъ оспаривать у христіанской миссіи ея божественное и человѣческое право. Великій естествоиспытатель Дарвинъ, поистинѣ безпристрастный свидѣтель, лично убѣдился въ спасительномъ вліяніи Миссіи на островахъ Огненной земли. Въ теченіе года она работала тамъ безъ всякаго успѣха. Миссіонеры были умерщвлены. Каннибализмъ (или людоедство), казалось, неискоренимымъ. Наконецъ, послѣ долгихъ испытаній, евангеліе здѣсь должно было обрѣсти сердца. Когда Дарвинъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, опять увидалъ поселенцевъ огненной земли, по, какъ уже христіанъ, онъ былъ изумленъ почти невѣроятною перемѣною, какая съ ними произошла. Всѣмъ брюзгамъ говорить этотъ прямодушный мужъ: „Порицатели забываютъ или не хотятъ подумать о томъ, что человѣческія жертвоприношенія, развратъ и дѣтубійство устранены и не совершаются и что нечестность, неумѣренность и своеволие съ введеніемъ христіанства въ значительной степени уменьшились. Самою низкою неблагодарностію является то, что путешественники (Reiseberichter) забываютъ это. Если бы имъ пришлось на какомъ-нибудь неизвѣстномъ берегу претерпѣть кораблекрушеніе, то они стали бы возсылать самыя горячія молитвы къ небу, что наставленія миссіонеровъ проникли до населенія оныхъ береговъ“. Напредъ онъ, Дарвинъ, поддерживалъ миссію значительнымъ ежегоднымъ денежнымъ пособіемъ. Пусть же всѣ дарвинисты въ подобныхъ случаяхъ слѣдуютъ примѣру своего учителя!

В. Евангелическая миссія по суду нѣмецкой повременной печати.

Безъ сомнѣнія, среди образованныхъ нашихъ людей знаніе о миссіи совершенно ничтожно. Наши большія ежедневныя газеты находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы объ этомъ могучемъ, обвиняющемъ весь міръ, дѣлѣ распространять ложныя, поверхностныя, даже очевидно неавистническія извѣстія. Такъ, такой видный листокъ, какъ „Гамбургскія извѣстія“, объявляетъ „за самую первую обязанность державъ—обуздывать безчиніе миссіи“. Онъ не постыдился однажды написать, безъ всякой оговорки со стороны редакціи, по поводу одного гамбургскаго купца, который только что пріѣхалъ въ Тянь-

Зинъ, „гдѣ въ нѣмецкомъ клубѣ презрѣдно кутиль: можно почти радоваться, если бы миссіонеры были обезглавлены китайцами“ (1900 г. № 167). И Кельнская газета (Kölnische Zeitung) думаетъ: „Сдѣлаются-ли какіе либо сто тысячъ бѣдныхъ кули по земнымъ расчетамъ сомнительными христіанами, это для Европы можетъ быть совершенно безразличнымъ“. Такого рода предложенія осмѣливаются дѣлать народу реформаціи. Въ Англіи и Америкѣ подобнаго рода венавистическія нападки были бы невозможны безъ реакціи противъ нихъ со стороны общественной совѣсти.

Въ концѣ апрѣля 1900 года въ Нью-Йоркѣ происходила конференція всемірной евангелической миссіи. Всѣхъ посѣтителей на ней перебивало 160.000, такъ что на каждые изъ десяти собраній падало по 16.000. Въ дебатахъ участвовали губернаторы различныхъ штатовъ Сѣверной Америки и другіе высокопоставленные государственные мужи. Бывшій президентъ Соединенныхъ штатовъ генералъ Гаррисонъ сдѣлалъ глубоко христіанское признаніе, что всѣ великія изобрѣтенія и открытія настоящаго времени получаютъ свое достоинство постольку „поскольку они содѣйствуютъ возрожденію человечества“. Подобнымъ образомъ высказался покойный президентъ Макъ Кинлей: „Исторія миссіи представляетъ глубоко волнующій интересъ и удивительные результаты. Жертвы, какія миссіонеры принесли для своихъ братьевъ, составляютъ самыя славныя страницы міровой исторіи. Благородные, самоотверженные добровольные служители мира и любви принадлежатъ къ героямъ міра“. Между тѣмъ какъ по ту сторону океана руководящіе умы открыто признаютъ благотворность миссіи и торжественно провозглашаютъ объ этомъ, у насъ склонны возложить на миссію отвѣтственность за безпорядки въ Китаѣ, „въ особености“, какъ выражается господинъ ф. Брантъ, евангелическую, и газета „Недѣля“ („Woche“) не осмѣливается въ отвѣтъ на этотъ вызовъ представить фактическое освѣщеніе существа дѣла, изъ опасенія какъ бы не оттолкнуть своихъ католическихъ подписчиковъ.

4 *Римская и Евангелическая миссіонерская практика.* Римская миссіа издавна мыслила и дѣйствовала совершенно иначе,

чѣмъ евангелическая. Евангелическая церковь допускала язычниковъ къ крещенію только тогда, когда они тщательнымъ обученіемъ вводились въ смыслъ и духъ христіанства и давали доказательства своего искренняго обращенія и измѣненія нрава. Римская же церковь, наоборотъ, поступаетъ по такому спусходительному правилу: „внѣ церкви нѣтъ спасенія“. Если язычники хотя только внѣшне попали въ члены вѣдимаго организма римскаго папскаго царства, тогда спасеніе ихъ обезпечено. Между тѣмъ, какъ евангелическій миссіонеръ трудится надъ тѣмъ, чтобы ввѣдрить христіанство въ сердце каждаго отдѣльнаго язычника, католическій миссіонеръ охотно допускаетъ обращенія массовыя. Подчиненность церкви и дрессировка является здѣсь болѣе важными, чѣмъ возвращеніе христіанской вѣры въ сердце. Нерѣдко употребляются здѣсь внѣшнія средства прельщенія, которыми язычники привлекаются въ сѣть „единственно спасающей“ церкви. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при внезапно наступающихъ испытаніяхъ необходимо должны были обнаруживаться пустота и беспочвенность такого христіанства. Когда пало іезуитское государство Парагвай, туземцы немедленно же впади въ прежнее язычество. Постоянно находясь подъ управленіемъ и на помочахъ, они не сумѣли ничего сдѣлать съ свободою. Христіанская жизнь оказалась не болѣе, какъ только красивою внѣшностью. Нигдѣ не пустила вѣра твердаго корня въ сердцахъ и совѣсти людей. Еще никогда блестящая внѣшняя сторона католической миссіонерской дѣятельности не оправдывала того, что она сулила, не смотря на всѣ воскршенія, какія раздавались въ честь ея также и съ евангелической стороны.

Наши протестантскіе миссіонеры предпочитаютъ медленный, трудническій путь, прежде всего воспитывая отдѣльныхъ испытанныхъ христіанъ и пріобрѣтенный кругъ людей постепенно устроая въ церковь. Ихъ практика совершенно соотвѣтствуетъ практикѣ апостоловъ и Самого Господа. Они отвергаютъ всѣ внѣшнія средства прельщенія, и ничѣмъ не оправдываемое, но Римомъ съ виртуозностью практикуемое „приспособленіе“ къ нравамъ и воззрѣніямъ язычниковъ. Прежде же всего они отвергаютъ употребленіе какого бы то ни было насилія,

всякое вмѣшательство въ политику и полагаются только на побѣдную силу Слова Божія. Между тѣмъ какъ путь католической миссіи обозначается кровію, кострами, насиліемъ и давленіемъ, евангелическая миссія приходитъ во имя Князя мира, который на крестѣ еще молился за своихъ враговъ. Не трудно понять, на чьей сторонѣ нужно искать духа Христова. Примѣръ еще ближе можетъ уяснить намъ это.

Какъ извѣстно, вѣдшимъ поводомъ къ пріобрѣтенію нашей нѣмецкой китайской колоніи Кію-чау послужило умерщвленіе католическихъ миссіонеровъ. Католическая миссія требовала за это удовлетворенія отъ Китайскаго государства. Это удовлетвореніе благодаря военному могуществу нѣмецкаго государства было дано, и на деньги крови были построены двѣ церкви. Конечно, справедливо говорятъ: „кровь мучениковъ есть сѣмя церкви“, но не кровь отомщенная, но кровь не отомщенная, не кровь, вопіющая къ мірскимъ державамъ объ отомщеніи, но кровь вопіющая къ небу о милосердіи. Думаетъ-ли кто, что чрезъ употребленіе насильственныхъ средствъ христіанство стало желательнымъ для китайцевъ? Можно-ли имъ ставить въ вину, если они чужеземцевъ, особенно миссіонеровъ, теперь только ненавидятъ и говорятъ: не имѣемъ-ли мы теперь новаго доказательства того, что миссія ничего больше не представляетъ, какъ путь къ завоеваніямъ и что для западныхъ державъ защита миссіи служитъ только предлогомъ къ достиженію политическихъ цѣлей? Сердца китайцевъ такимъ образомъ являются прямо таки закрытыми для евангелія. Эти слова были написаны гораздо раньше, чѣмъ вспыхнуло страшное боксерское движеніе. Теперь нѣмецкое правительство, можетъ быть, сожалѣетъ, что оно уступило давленію епископа католической миссіи. Но извлекло-ли оно отсюда также то слѣдствіе, что этихъ искусныхъ въ высокой политикѣ служителей Христа и непрестанно пресмыкающихся при княжескихъ дворахъ духовныхъ дипломатовъ слѣдуетъ держать подальше отъ себя? Его энергическое вмѣшательство въ видахъ улучшенія миссіи повредило огромному дѣлу, и сердца китайцевъ на десятки лѣтъ наполнила горечью про-

тивъ христіанства. Миссія одерживаетъ побѣды не подъ знаменемъ корабельныхъ пушекъ, но подъ знаменемъ креста.

Поэтому евангелическая миссія отказывается отъ особой защиты со стороны государства. Какъ вѣстница распятаго Спасителя, она не желаетъ обращаться къ мщению. Если должно это быть, она сумѣетъ пострадать. Это—ея обѣтъ.

Въ 1895 г. имѣла мѣсто рѣзня при Кутшенгѣ въ провинціи Фукинѣ. Банда, такъ называемыхъ, фететаріевъ звѣрскимъ образомъ умертвила 11 членовъ англійской миссіи. Когда потрясающее извѣстіе объ этомъ достигло Англии, совѣтъ миссіонерскаго общества въ Лондонѣ собралъ большое собраніе. Съ какою цѣлію? Взывать къ государству объ отомщеніи? Нѣтъ; но чтобы объявить, что на обязанности миссіонерскаго общества лежитъ провозгласить, что его дѣло—молитва: „Отче прости имъ, не вѣдаютъ бо, что творять“,—ходатайство за китайскую миссію и за китайцевъ, цѣлесообразная работа къ возстановленію дѣла миссіи, призывъ добровольцевъ, которые заняли бы опустѣвшія мѣста и подняли запечатлѣнное кровію знамя Христа. Отъ ближайшихъ родственниковъ умерщвленныхъ пришли письма, которыя свидѣтельствовали о высокомъ христіанскомъ героизмѣ духа и заявляли, что „никакая жертва за Христа не можетъ быть слишкомъ цѣпимой“. Совѣтъ ясно отклонилъ всякое домогательство о вознагражденіи и принятіе денегъ въ этомъ смыслѣ И что же было слѣдствіемъ сего? То, что въ провинціи Фукинѣ возникло великое движеніе въ пользу христіанства и число евангелическихъ христіанъ въ два года возросло до 20,000. Поистинѣ и къ Миссіи приложимы слова Христа: „блаженны кротцыи, яко тѣи наследуютъ землю“. Поэтому евангелическая церковь далеко превосходитъ римскую не только ревностію, но также и результатами въ миссіонерскомъ дѣлѣ, и это подтверждается тѣмъ, что римскіе миссіонеры особенно охотно разбиваютъ свои палатки тамъ, гдѣ уже расположились и положили первое основаніе евангелическіе миссіонеры. Довольно вспомнить только объ островѣ Мадагаскарѣ.

5. *Миссія и колониальная политика.* Не задолго передъ симъ у множества образованныхъ людей было обычнымъ крайнее

невѣжество и высококомѣрное пренебреженіе по отношенію къ труду миссіонеровъ. Съ того времени, какъ нѣмцы пріобрѣли колоніи, въ оцѣнкѣ миссіонерской дѣятельности сталъ замѣтенъ благопріятный поворотъ, именно, въ высокопросвѣщенныхъ руководящихъ кругахъ Германіи. Канцлеръ князь Гогенлое, между прочимъ, сказалъ въ своей рѣчи въ рейхстагѣ отъ 11 декабря 1894 г.: „Правительство по меньшей мѣрѣ не будетъ отказывать въ поддержкѣ христіанскихъ миссіонерскихъ обществъ, безъ дѣятельности которыхъ—исполненной жертвъ и плодотворной—все дѣло касательно колоній могло бы стать вопросомъ. Правительство съ своей стороны будетъ благоспѣшествовать всяческимъ образомъ миссіямъ и давать имъ въ подѣ его защиту находящимся странахъ полную свободу въ выполненіи своего призванія“. Было бы легко увеличить число лестныхъ для миссіи свидѣтельствъ знаменитѣйшихъ колониальныхъ политиковъ, но мы удовольствуемся приведеніемъ еще только одного свидѣтельства: поручикъ Франсуа, братъ и соратникъ начальника страны Франсуа, пишетъ въ своемъ превосходномъ трудѣ—*„Nana und Damara“* (стр. 300): „безъ работы пионеровъ—миссіонеровъ владѣніе страной (нѣмецкою юго-западною Африкою) было бы дѣломъ воображаемымъ, актомъ на бумагѣ; что сдѣлали торговцы, ремесленники и ученые для изслѣдованія и культивированія страны, совершенно не можетъ идти въ сравненіе съ положительными результатами работы миссіонеровъ“. „Если эти малая строки—такъ заключаетъ Франсуа свои объясненія касательно миссіи—могутъ содѣйствовать тому, чтобы придать неутомимой, непрерывной дѣятельности самыхъ самоотверженныхъ изъ всѣхъ цивилизаторовъ болѣе широкую оцѣнку и продолжительный интересъ, то это составитъ лишь незначительную долю благодарности, какую Германія и нѣмецкій народъ обязаны принести миссіонерамъ за ихъ дѣятельность въ нѣмецкихъ колоніяхъ“.

Въ прогрессивномъ движеніи нашихъ колоній миссіонера могутъ цѣнить прежде всего, какъ цивилизатора или пионера въ колониальной работѣ. И вполне понятно, если новый колониальный энтузіазмъ послѣ немногихъ опытовъ вообразилъ, что онъ разузналъ все гораздо лучше, чѣмъ почти столѣтняя и

въ нѣкоторомъ родѣ бурями испытанная миссія. Заслуженные колоніальные политики думали, что они должны предписывать миссіонерамъ даже родъ и способъ дѣятельности. Вопреки этому миссія никогда не могла забыть, что она не затѣмъ существуетъ, чтобы служить власти государственной, но затѣмъ, чтобы распространять царство Христа. При этомъ не исключалась даже возможность столкновенія ея съ представителями государства, если выяснялось, что дѣлу миссіи, благодаря правительственнымъ мѣрамъ, наносился вредъ и являлся тормозъ, напр., чрезъ дозволеніе ввоза опія, водки и пороха. Ибо это—такіе припасы, которыми туземцы отравлялись и истребляли другъ друга. Одна только водка принесла больше вреда Аѳрикѣ, чѣмъ всѣ евангелическія миссіи могли создать добра. По официальнымъ даннымъ колоніальной газеты въ Камерунѣ, въ одномъ 1893 году при населеніи свыше 100000 въ береговой области ввезено было 1149132 литра водки на сумму 550000 марокъ. Шнапсъ является уже самымъ могущественнымъ идоломъ въ странѣ, онъ разрушаетъ прибрежные народы физически и морально и дѣлаетъ ихъ неспособными для какого бы то ни было прогресса. Отсюда миссія не можетъ перестать—возвышать свой голосъ противъ этого ужаса опустошенія.

Она необходимо должна также требовать отъ колоніальныхъ чиновниковъ, торговцевъ и путешественниковъ, хотя до известной степени, христіанскаго нравственнаго образа жизни. Ибо туземцы образуютъ свое сужденіе о христіанствѣ Германіи и всей Европы на основаніи того, что они видятъ и слышатъ отъ этихъ представителей. Самый великій ущербъ приносятъ миссіи то, что жизнь бѣлыхъ часто опорочиваетъ трудъ миссіонеровъ. Если Кафръ въ Тембеландѣ совершенно наивно спрашиваетъ своего миссіонера: „учитель, всѣ-ли злые люди высылаются изъ Европы въ Африку, а добрые остаются дома“? если другой настойчивое предложеніе обратиться отклоняетъ насмѣшливымъ замѣчаніемъ: „проповѣдуй это прежде твоимъ бѣлымъ братьямъ!“, если третій горько жалуется миссіонеру: „Вы, бѣлые, насъ отравили и развратили; до васъ мы не знали этихъ грѣховъ и стыдились ихъ“, то не является-ли приэтомъ

миссіонеръ посрамленнымъ? Миссія имѣетъ священную обязанность указывать на такія болѣзненные явленія, не обращая вниманія на торговлю, ученыхъ изслѣдователей Африки и на государственный интересъ.

6. *Миссія и путешественники-изслѣдователи.* Сужденія путешественниковъ—изслѣдователей, къ сожалѣнію, часто были не въ пользу миссіи. Отсюда отчеты миссій большою публикою разсматривались какъ рѣчи pro domo и принимались съ недовѣріемъ. Но что ученый путешественникъ рассказывалъ о странѣ и людяхъ, о миссіяхъ и работѣ ихъ, то встрѣчалось съ полнымъ довѣріемъ. И, однакоже, кто лучше долженъ быть освѣдомленнымъ, миссіонеръ, который годами, даже десятками лѣтъ живетъ вмѣстѣ съ туземцами, ѣстъ, пьетъ, бесѣдуетъ и вращается съ ними, или путешественникъ, который только мимоходомъ и на короткое время остававливается среди туземцевъ, часто не знаетъ ихъ языковъ и на котораго нерѣдко смотрять, какъ на шпиона, враждебными глазами? Кто можетъ судить правильно о трудахъ миссіонеровъ, работникъ по призванію, который со всею ревностію отдается имъ и знаетъ ихъ въ совершенствѣ, или человекъ, который одинъ разъ бросаетъ на нихъ мимоходомъ бѣглый взоръ? По отношенію ко всѣмъ другимъ областямъ приговоръ спеціалиста признается вѣрнымъ. А здѣсь внимаютъ людямъ, сужденія которыхъ всего менѣе основываются на фактическомъ знакомствѣ съ дѣломъ. Что же хорошаго можетъ проистекать отсюда?..

По счастью, самые знаменитые ученые путешественники высказывались съ признательностію, даже выражали удивленіе по отношенію къ миссіи и ея работамъ. Такая личность, какъ *Ливингстонъ*, который самъ во время путешествій занимался миссіонерствомъ, для тысячъ людей послужила къ удостовѣренію того, какъ велико значеніе евангелической миссіи. *Друммондъ*, англійскій естествоиспытатель и путешественникъ, отношеніе Европы къ Африкѣ называетъ самою темною страницей исторіи христіанскаго континента. Между тѣмъ, какъ въ теченіе столѣтій бѣлые устремлялись на черный материкъ лишь по грубой страсти къ пріобрѣтеніямъ, въ христіанскихъ миссіяхъ и только въ нихъ однихъ онъ видитъ свѣтлыя точки,

которыя свидѣлствуютъ о безкорыстной любви и спасаютъ честь „христіанской“ Европы. Безгравичное уваженіе, съ какимъ *Стенли* высказывается о миссіонерѣ Уганды Маккай (Maskau): „Видитъ Богъ, говоритъ онъ, если гдѣ-либо человекъ имѣетъ поводъ печалиться и чувствовать себя одинокимъ и заброшеннымъ, то къ этому имѣлъ всѣ основанія Маккай, когда былъ умерщвленъ его епископъ, когда его книга были сожжены, христіане переудавлены и когда, по убіеніи его черныхъ друзей, Муанга угрожалъ смертію также и ему. Но маленькій человекъ отъ всего этого не впалъ въ малодушіе, не моргнулъ, что называется, глазомъ. Видѣть такого мужа, который въ теченіе двѣнадцати лѣтъ неутомимо работалъ и не позволилъ ни одного вздоха, ни одной жалобы на „дикую пустыню“ (öde Wildniss), и слышать какъ онъ ввѣдрялъ въ сердца своего малаго стада благодать Божію утромъ и Его вѣрность вечеромъ, стоитъ того, чтобы ради этого предпринять долгое путешествіе и почерпнуть въ сближеніи съ такимъ человекомъ новое мужество и успокоеніе“.

7. *Знакомство съ миссіей укрѣпляетъ вѣру.* На самомъ дѣлѣ большинство миссіонеровъ заслуживаетъ нашего полнаго удивленія. Видѣть, какъ они, повинувшись влеченію сердца, оставляютъ отечество и друзей и ввѣряютъ себя неизвѣстной судьбѣ; какъ они собственными руками устрояютъ станціи подъ палящими лучами тропическаго солнца или среди арктической ночи Гренландіи, какъ они, жертвуя всѣми удобствами культуры и подсобно настроенною средою, живутъ среди дикаго народа, бѣдствуютъ, окружены врагами, каждое мгновеніе смотрятъ въ глаза смерти—и все это не ради земной славы, но ради только Христа,—видѣть все это можетъ только содѣйствовать намъ маловѣрнымъ, сидящимъ дома, къ спасенію. Пусть только серьезно дадутъ себѣ хотя однажды трудъ—изучить страданія, борьбу и тревоженія на миссіонерскомъ поприщѣ и непременно встрѣтятся здѣсь съ христіанскимъ героизмомъ, котораго исполненная добровольныхъ жертвъ любовь, самоотверженное терпѣніе и крѣпкая вѣра необходимо должны произвести на насъ поистинѣ благодѣтельное впечатлѣніе. Елліотъ, Егедс, Шварцъ и Гютцлавъ, Вилльямсъ и Патте-

сонъ, Маккай и Ливингстонъ суть мужи поистинѣ апостольскаго величія, гордость нашихъ евангелическихъ церквей, каждый изъ нихъ—свидѣтель препобѣждающей міръ силы христіанской вѣры.

При этомъ, ничего нѣтъ, что могло бы придать нашей вѣрѣ такой обнимающій міръ широты кругозора, такого исполненнаго радостной надежды полета,—кромѣ любви къ миссіи. По сравненію съ общею христіанскою задачею по отношенію къ языческому міру представляется чѣмъ то ничтожнымъ формулированіе отдѣльныхъ догматическихъ вопросовъ или различій между реформатствомъ и лютеранствомъ. Болѣе работать, молиться и жертвовать ради царства Христова—это гораздо болѣе полезно будетъ вамъ, чѣмъ уединенное философствованіе и догматическое умствованіе. „То возвышенная идея, что откровенная истина Божія только тогда достигнетъ своего совершеннаго выраженія, если во всѣхъ языкахъ міра великая духовная работа достигнетъ своего завершенія“ (Warneck Missionslehre, I, 6. 25).

3. Соціальное значеніе христіанства.

1. *Обновленіе христіанскихъ народовъ.* Повсюду, куда проникаетъ евангеліе, начинается раздѣленіе свѣта отъ тьмы и въ народную жизнь подобно закваскѣ вступаютъ нравственно обновляющія силы. На полѣ дѣйствій христіанской миссіи этотъ фактъ выступаетъ яснѣе, чѣмъ дома потому, что у насъ всѣ отношенія общественной и частной жизни уже причастны христіанскому вліянію и даже его противники всѣмъ, что въ нихъ есть лучшаго, своимъ нравственнымъ образованіемъ, обязаны христіанству. Болѣе провидательному взору историка, даже у насъ христіанство открывается, какъ могучая нравственная жизненная сила. Какъ глубоко постигалъ мощь вѣры одинъ изъ даровитѣйшихъ нѣмецкихъ историковъ—*Ранке*, показываетъ молитва, имъ самимъ составленная: „Что за сила, которая производитъ во мнѣ жизнь? Кто даетъ значеніе и пониманіе? Кто предохраняетъ душу отъ паденія? Всемогущій, единый и троичный, Ты вызвалъ меня изъ ничего, здѣсь я простираюсь

ницъ предъ ступенями твоего трона!" Какъ же судить этотъ историкъ о Христѣ? „Даже съ точки зрѣнія нашихъ мірскихъ взглядовъ мы осмѣливаемся сказать: невиннѣе и могучѣе, возвышеннѣе и святѣе ничего не было на землѣ, какъ поведеніе, страданіе и смерть Христа. Въ каждомъ Его изреченіи ясно слышится вѣяніе Божественнаго духа, это—глаголы, какъ выражается ап. Петръ, живота вѣчнаго. Среди человѣческаго рода нѣтъ ни одного явленія, которое хотя бы только отчасти можно было сравнить съ этимъ“. Его ученикъ и послѣдователь *Генрихъ Трейчке*, который охотно называлъ себя „протестантомъ отъ головы до пятокъ“, сдѣлалъ однажды въ своей „политикѣ“ замѣчаніе, что западныя націи ведутъ въ среднемъ болѣе продолжительную историческую жизнь, чѣмъ погибшія или застывшія, какъ безжизненныя муміи, восточныя деспотіи. Между тѣмъ эти послѣднія располагаютъ только извѣстнымъ количествомъ жизни и послѣ процвѣтанія мало по малу подвергаются разложенію, къ великимъ христіанскимъ націямъ изъ Евангелія непрерывно притекаютъ новыя жизненныя силы, такъ что онѣ изъ состоянія упадка всегда снова встаютъ и имѣютъ не одну, а нѣсколько эпохъ процвѣтанія и производятъ впечатлѣніе, какъ будто ихъ жизненная сила неисчерпаема. Отсюда и *Гете* вѣрѣ придаетъ самое главное значеніе въ народной жизни, когда онъ замѣчаетъ: „собственно единственною и самою глубокою темою исторіи міра и человѣка, которой подчинены всѣ другія, остается борьба между невѣріемъ и вѣрою. Всѣ эпохи, въ которыя господствуетъ вѣра, блестящи, возвышенны и плодотворны для современниковъ и для потомковъ“. *Карлейль*, великій философъ и историкъ, совершенно согласенъ въ этомъ съ своимъ другомъ *Гете*. Исполненные вѣры времена суть, какъ говоритъ онъ, самыя жизненныя, производительныя, препобѣждающія міръ эпохи. Свидѣтель съ такимъ же вѣсомъ, *В. Рошеръ*, точно также указываетъ на несравненное значеніе христіанства для народной жизни, когда онъ говоритъ (*Politik*, S. 368 и слѣд.): „Если мы сравнимъ болѣе новыя демократіи съ демократіями древности въ отношеніи продолжительности ихъ жизни, то первыя въ своей лучшей (христіанской) религіи имѣютъ сред-

ство къ самосохраненію высочайшаго значенія“. Конечно, исторія культуры, развившейся подъ вліяніемъ христіанства, еще не написана,—такая исторія, которая могла бы выставить въ полномъ безспорномъ свѣтѣ нравственно возрождающую, обновляющую силу христіанства по всѣмъ сторонамъ жизни. Мы основываемся на наблюденіи отдѣльныхъ фактовъ; но и они говорятъ довольно краснорѣчиво.

2. *Германскіе герои, какъ свидѣтели о Боги.* Взглядъ на исторію германскаго государства подкрѣпляетъ ту истину, что времена невѣрія всегда были и временами упадка и, наоборотъ, времена вѣры всегда бывали временами процвѣтанія и прогресса жизни.

Пусть только хотя разъ посмотрятъ на нѣмецкихъ героев, начиная отъ Лутера до настоящаго времени, дѣтьми какого духа они были. Великій реформаторъ былъ также нѣмцемъ изъ нѣмцевъ. Его произведеніе къ христіанской благородной нѣмецкой „націи“ дышетъ одновременно чистымъ христіанствомъ и чистымъ тевтонствомъ. Съ болью въ христіанскомъ, съ гнѣвомъ въ нѣмецкомъ—сердцѣ папа привлекается здѣсь къ отчету въ томъ, что онъ благодаря ученію о разрѣшеніи отъ грѣховъ допустилъ благородной и вѣрной націи сдѣлаться невѣрною и клятвеннопреступною. Черезъ безпощадное раскрытіе всего того, что въ теченіе вѣковъ претерпѣло нѣмецкое благодущіе и достойнаго, онъ возбудилъ въ „добрыхъ нѣмцахъ“ только чувство чести. Католическій ученый Деллигеръ останавливается въ изумленіи предъ необыкновеннымъ величіемъ реформатора. Почти гимномъ звучитъ, когда онъ говоритъ о немъ: сердце и умъ нѣмца въ его рукахъ то же, что лира въ рукахъ музыканта. Со времени Германа Херусмера никто изъ нѣмцевъ не понималъ такъ глубоко свой народъ и не вбиралъ въ себя всѣхъ чертъ его природы, какъ этотъ августинскій монахъ въ Виттенбергѣ. Только такой умъ, для котораго всѣ сердечные тоны своего народа стали какъ бы заповѣдами, могъ совершить такое дѣло, какъ переводъ Библии на нѣмецкій языкъ, который быстро повсюду завоевывалъ себѣ сердца, не смотря на происки іезуитовъ и папы. Между тѣмъ, какъ раньше сѣверный и южный нѣмецъ, не понимали

другъ друга, нѣмецко-лютеранскій языкъ сталъ средствомъ всеобщаго обмѣна мыслей. Такъ языкъ и возрѣнія Библии сдѣлались звеномъ, объединившимъ всѣ нѣмецкія племена. Нѣмецкая Библия—краеугольный камень нѣмецкаго единства. И до настоящаго времени она является глубочайшимъ источникомъ нѣмецкой силы.

Поистинѣ страшный національный разгромъ, который послѣдовалъ за блестящимъ періодомъ нашей литературы въ 18 вѣкѣ, показываетъ, что богатое просвѣщеніе и тонкость ощущеній не могутъ спасти народъ отъ стыда и позора, если не достаетъ вѣры. Самоотверженіе, воодушевленіе и вѣрность, которыя струятся изъ чистой христіанской вѣры, не могутъ быть замѣнены войсками и пушками. Не внѣшняя сила снова возвысила народъ нѣмецкій послѣ дней глубочайшаго униженія, но та великая сила, которая коренится въ вѣрѣ. Герои и поэты „освободительной“ войны ¹⁾ были благочестивыми мужами. На ихъ мужествѣ и упованіи на Бога воспитался удрученный народъ къ новой надеждѣ.

Королева Луиза для многихъ была ангеломъ хранителемъ. Сама больная и удрученная печалію, она, однакоже, сохраняла, какъ пишетъ ея врачъ Гүфеландъ, „свое мужество и упованіе на Бога и ободряла всѣхъ насъ“. Эрнстъ Морицъ *Арндтъ* раскрылъ предъ своимъ народомъ съ пророческимъ жаромъ грѣхи прошедшаго времени: „И ты, мой народъ, сдѣлался дурнымъ, слишкомъ усердно поклонялся чуждымъ божествамъ. Долженъ ли я говорить тебѣ, что можетъ спасти тебя? Ничто, кромѣ вѣры въ Бога, вѣры въ твоихъ отцевъ, вѣры въ нѣмецкую честность. *Восчувствуй снова Бога; въ Немъ почувствуешь честь и величіе отцевъ*“ („Gstei der Zeit“). Какъ сильно онъ умѣетъ убѣждать и укрѣплять сердце въ своей книжечкѣ, исполненной первоначальной нѣмецкой силы, именно—въ „катехизисѣ нѣмецкаго воина“! „Если ты, нѣмецкій юноша, видишь, откуда пришло твое несчастіе, то ты прежде всего долженъ опять взирать на Бога и уповать на Того, отъ Кого всѣ вещи. Ибо вѣра въ Бога еще ежедневно творить

¹⁾ Противъ Наполеона, за освобожденіе Германіи отъ его владычества. *Перев.*

чудеса и надежда на небо побѣждаетъ адъ. И никакая сила не помогаетъ людямъ безъ Бога и суетно все, что создается силами смертныхъ. И затѣмъ ты долженъ молить Бога, что бы Онъ далъ тебѣ спокойный, радостный и твердый духъ, духъ мира и любви! Кто боится Бога, надъ тѣмъ никто не властенъ, ибо страхъ Божій выше всего. Благочестивый и вѣрующій нѣмецъ возложилъ на грудь свою истинную броню и надѣлъ на себя истинное оружіе“. Въ извѣстной военной пѣснѣ: „Богъ, который создалъ желѣзо, но Который не желалъ рабства“, онъ убѣждаетъ нѣмцевъ: „имѣйте сердца ваши горѣ и подымайте руки къ небу!“ Въ другой пѣснѣ онъ спрашиваетъ: „кто есть человѣкъ?“ чтобы отвѣтить: „кто можетъ молиться и уповаешь на Господа Бога“. Но когда была выиграна битва при Лейпцигѣ, поэтъ привѣтствуетъ спасеніе отечества горячею благодарностію отъ всей своей благочестивой души: „Кому должна быть вознесена первая благодарность? Богу, Который—великій и чудный—возсіалъ намъ всѣмъ послѣ долгой ночи нашего позора; Который преодолѣлъ упорство нашихъ враговъ; Который возобновилъ нашу силу и, назырая, обитаетъ среди цвѣтовъ отъ вѣка и до вѣка“.

Но кто могъ такъ властно негодовать и такъ сильно торжествовать и благодарить, тотъ могъ также молиться съ дѣтми: „Du lieber, heil'ger, frommer Christ“. Вѣрный членъ своей евангелической церкви, онъ стоитъ среди слабого въ вѣрѣ времени съ радостнымъ исповѣданіемъ: „я знаю, въ кого я вѣрую, я знаю, что неизблемо существуетъ!“ Всего же лучше глубина и ясность его христіанскаго настроенія выступила тогда, когда храбрый герой и благочестивый пѣвецъ напрасно былъ заподозрѣнъ своимъ королемъ въ опасныхъ для государства стремленіяхъ, затѣмъ лишился своей должности и былъ взятъ въ заключеніе. Какъ переносилъ онъ все это? Отчаялся ли онъ въ отечествѣ и передался на сторону революціонеровъ, или съ затаеннымъ презрѣніемъ къ человѣчеству чувствомъ обиды замкнулся самъ въ себя? Ничего подобнаго! Онъ вѣрилъ, надѣялся и ждалъ лучшихъ временъ. „Я принялъ это—говоритъ онъ—какъ жребій отъ уравнивающаго всѣхъ и всеправеднаго Бога, Который восхотѣлъ наказать меня за нѣко-

торья гордыя и дерзкія выраженія, и это,—за что я еще болѣе благодаренъ Богу,—предостерегло меня отъ болѣшихъ заблужденій и озлобленія, благодаря которымъ большинство запутавшихся въ подобныхъ исторіяхъ людей печально погибаетъ“. Такъ поступаетъ и мыслить патріотъ, любовь котораго къ отечеству свободна отъ всякаго самолюбія и суетности,—патріотъ, который—одновременно и добрый христіанинъ.

Рядомъ съ Арндтомъ стоитъ *Рюнкертъ*, какъ одинаково могучій будильщикъ и напоминатель. Своими „желѣзными сонетами“, (*Geharnischten sonette*) онъ пробуждалъ свой народъ изъ глубокаго сна и оживилъ новою надеждою.

„Какъ долго хочешь ты извиваться, подобно червю, подъ спицами триумфальнаго колеса твоего врага? Такъ вопрошаетъ съ гнѣвомъ поэтъ свой малодушный народъ“. „Мы слишкомъ долго съ краскою на щекахъ взирали на себя и на позоръ нашей страны!“—такъ убѣждаетъ онъ къ смѣлому дѣлу. Когда теперь великая битва народовъ была выиграна, благородный и радостный онъ исповѣдовалъ: „Всѣ народы земли вмѣстѣ храбро боролись, но что понудило тебя? Это священное божественное пламя“.

И тотъ же самый поэтъ, который съ такою силою призывалъ свой народъ къ борьбѣ и побѣдѣ, который съ „мудростію браминовъ“ отрѣшался суеты мірской, благороднымъ сердцемъ привѣтствуетъ звѣзду Вифлеемскую: „Онъ родился въ Вифлеемѣ,—родился Тотъ, кто намъ принесъ жизнь“ и напѣваетъ своему народу прекрасную пѣснь на приготовленіе къ Рождеству Христову: „Твой король приходитъ въ униженіи. Среди борьбы народовъ и ненавистничества партій, причемъ всѣ плоды великой побѣды, казалось, готовы были погибнуть,—онъ призываетъ къ князю мира: „О пусть твой свѣтъ будетъ побѣдителемъ, власть тьмы изнеможетъ и погаснетъ пламя раздоровъ, чтобы мы, народы и троны, жили въ домѣ Твоего великаго Отца какъ братья“.

Не объединялись ли здѣсь христіанское и патріотическое чувство въ прекраснѣйшую гармонію?

Также и *Блюхеръ*, отважный маршалъ, девизомъ котораго было: впередъ! сохранившій до старости юношеское сердце,

иной разъ являетъ золото чистаго искренняго благочестія; напр., когда онъ кратко формулируетъ свое мнѣніе о великой войнѣ: „моя неустрашимость, осторожность Гнейзенауса и милость Великаго Бога—вотъ чему мы обязаны всѣмъ“. Каковъ былъ маршалъ, таковъ и его генераль Йоркъ; этотъ неустрашимый рубака, этотъ жѣсткій и непреклонный характеръ, предъ битвою при Моккерахъ по образцу изреченій Премудраго въ кругу офицеровъ помолился такъ: „Начало, средину и конецъ обрати, Господи, къ лучшему!“

„Теперь пусть изслѣдуютъ, гдѣ именно корень того мужества, съ какимъ *Фихте* въ то время, какъ подъ липами Берлина гремѣлъ французскій барабанъ, держалъ свои рѣчи въ академіи къ нѣмецкой націи, если не въ словахъ Христа: кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее (Мѡ. XVI, 25). Нынѣ со тщаніемъ изслѣдуютъ, что за богословіе было у *Шлейермахера*, который во дни возмущенія шелъ наравнѣ съ лучшими сынами отечества, и узнаютъ, что корнемъ и звѣздою его теологіи былъ Христосъ и его христіанствомъ—личное общеніе со Христомъ. Пусть освѣдомятся теперь, кто былъ тотъ *Стефенсъ*, который въ Бреславлѣ воспламенилъ студентовъ, чтобы они изъ аудиторіи пошли къ оружію, который самъ воевалъ, и слышать: онъ принадлежалъ къ обществу вѣрующихъ“. Не приложимо ли тоже самое къ *Теодору Кермеру*, пѣвцу съ лирою и мечемъ, юношѣ съ вѣнкомъ героя и лаврами поэта? Онъ съ радостію пожертвовалъ своею юною жизнью, такъ какъ могъ молиться: „Отче, я взываю къ Тебѣ!“

И, наконецъ, величайшій изъ всѣхъ баронъ *фонъ Штейнъ*! Онъ былъ преисполненъ страха Божьяго и потому не имѣлъ страха предъ людьми. Онъ умѣлъ не только укрѣпить короля и королеву на битву, но также утѣшать несчастныхъ и приводить къ вѣрѣ невѣрующихъ. Вѣра его была такова, что при самыхъ трудныхъ испытаніяхъ не поддавался сомнѣнію. Ожелеветанный коварными противниками, онъ получилъ отставку въ 1807 г. Жестокій уничтожающій ударъ для безпристрастнаго, энергичнаго человѣка! Но онъ возвратился къ себѣ безъ гнѣва.

и жалобъ и передать свое дѣло Богу. Когда поздне, понуждаемый трудными обстоятельствами, король снова просилъ его поступить на служеніе государству, онъ отвѣчалъ, какъ будто раньше ничего не произошло: ко мнѣ прибыли приказанія Вашего Величества. Я безусловно повинуюсь имъ и предоставляю Вашему Величеству указать на счетъ ближайшихъ сношеній“. На ту же вѣру, которая укрѣпляла и утѣшала въ несчастіи, онъ указываетъ и своимъ друзьямъ: „Ищите — писалъ онъ одному изъ нихъ, — утѣшенія у Того, Кто обѣщаетъ успокоеніе труждающимся и обремененнымъ; ищите его въ молитвѣ, силѣ которой научила насъ Его молитва, равно какъ и тому, чего мы должны просить: не моя, но Твоя да совершится воля!“ Ему показалось страннымъ, когда одинъ изъ его знакомыхъ въ тяжелое время искалъ утѣшеніе въ книгѣ Цицерона: *de natura deorum* (о природѣ божествъ): „Въ вашемъ серьезномъ положеніи вы берете въ руки Цицерона—*de natura deorum*?! Могъ ли ученикъ греческой мірской мудрости, римскій государственный мужъ сказать вамъ больше о странѣ, которая насъ ожидаетъ по ту сторону жизни, чѣмъ Распятый и Воскресшій, благодатию Котораго только мы и спасаемся? Что сказали бы вы о путешественникѣ, который, чтобы объѣхать на кораблѣ свѣтъ и отыскать сѣверозападный проходъ, взялъ съ собою какой-нибудь устарѣвшій учебный атласъ, а всѣ болѣе новыя географическія вспомогательныя средства оставилъ дома? „Для тѣхъ, кои не могли предаться вѣрѣ, Штейнъ имѣлъ очень хорошій рецептъ: „Вѣры нельзя достигнуть умничаньемъ также, какъ нюханьемъ, но должно испрашивать ее у Бога въ глубокомъ смиреніи и совершенномъ самоотверженіи“. Такъ до конца онъ постигалъ внутренно „краеугольный камень народа, основной камень государства и благородный камень нѣмцевъ“.

Бисмаркъ на этомъ основномъ камнѣ развивалъ дальше и завершалъ то, что началъ Фонъ-Штейнъ. Онъ исполнилъ мечту нѣмецкой души, видѣть ворота *kniffhäusern* открытыми и видѣть императора въ коронѣ. Пламенная любовь къ отечеству, мощное развитіе котораго у него возвышалось надъ всѣмъ,

составляетъ самую глубокую основную черту его природы. Но также и у него мы находимъ, что эта любовь руководится, питается и просвѣтляется силою христіанской вѣры.

Какое значеніе имѣло для него христіанство, это князь Бисмаркъ однажды высказалъ за столомъ предъ Парижемъ зимою 1871 г., когда Франція была разгромлена и самъ онъ находился на высотѣ своего величія: „Если бы я не былъ болѣе христіаниномъ, то я ни одного часа не служилъ бы императору. Почему я долженъ напрягать всѣ свои силы и неутомимо трудиться въ этомъ свѣтѣ, подвергать себя превратностямъ и оскорбленіямъ, обычнымъ пересудамъ, если бы я не чувствовалъ, что я долженъ исполнить свой долгъ ради Бога. *Я не знаю, откуда я долженъ воспринимать чувство долга, если не отъ Бога.* Ордена и титулы не увлекаютъ меня, твердая вѣра въ жизнь по смерти—вотъ почему я роялистъ (т. е. приверженецъ короля); иначе соотвѣтственно натурѣ я былъ бы республиканцемъ. Отымите отъ меня эту вѣру, и вы отымете у меня отечество. Если бы я не былъ твердо вѣрующимъ христіаниномъ, то вы не имѣли бы такого канцлера“.

Какъ умѣлъ „желѣзный канцлеръ“ утѣшать, это показываетъ письмо его къ шурина, который потерялъ полнаго надеждъ сына: „Мы въ рукѣ всемогущаго Бога и совершенно безпомощны, доколѣ Онъ Самъ не захочетъ помочь намъ, и мы ничего не можемъ сдѣлать иного, какъ склониться въ смиреніи предъ Его промысломъ. Онъ можетъ у насъ взять все, что дасть, и оставить совершенно одинокими, и наша печаль при этомъ будетъ тѣмъ горше, чѣмъ болѣе мы позволимъ ей выродиться во вражду и возстаніе противъ Всемогущей Власти. Не соединяй твоей справедливой скорби съ ненавистью и ропотомъ. Какъ исчезаютъ всѣ малыя заботы и досажденія, которыми ежедневно полна наша жизнь, рядомъ съ неожиданнымъ появленіемъ истиннаго несчастія! И я, какъ упреки, ощущаю воспоминанія о всѣхъ жалобахъ и страстныхъ желаніяхъ, изъ за которыхъ я такъ часто забывалъ, сколько милостей посылаетъ намъ Богъ и сколькими опасностями окружены мы, которыя, однако, минуютъ насъ. Мы не должны

привязываться къ этому міру и располагаться въ немъ, какъ дома; еще двадцать или, въ счастливомъ случаѣ, тридцать лѣтъ, и мы оба освободимся отъ тревоженій этой жизни, и наши дѣти достигнутъ нашего теперешняго пункта и съ удивленіемъ замѣтятъ, что такъ интересно начавшаяся жизнь идетъ подъ гору. Это было бы пустымъ переодѣваньемъ, если бы этимъ все кончилось“ ¹⁾).

Такъ мыслить и писать онъ не при чрезвычайныхъ только обстоятельствахъ; нѣтъ, мы находимъ, что и его повседневная жизнь проникнута духомъ страха Божія. Молитвенникъ постоянно лежалъ на его ночномъ столикѣ. Въ опредѣленные времена онъ пріобщался святыхъ таинъ—дома въ кругу своихъ; такъ какъ взоры множества любопытныхъ, являющихся въ церковь только ради него, препятствовали ему религиозно сосредоточиваться. Не свидѣтельствуетъ ли это о глубокомъ нѣжномъ чувствѣ его христіанскаго сердца? Должно было быть трогательнымъ и внушающимъ чувство благоговѣнія, когда онъ по исполненіи священнаго долга въ глубокомъ волненіи обнималъ и цѣловалъ важдаго изъ своихъ присныхъ. Позволительно ли намъ за величественными дѣяніями и словами не замѣчать такихъ нѣжныхъ глубокихъ сторонъ его духа? Если онъ однажды воскликнулъ въ рейхстагѣ: „мы, нѣмцы, боимся Бога, но ничего иного въ мірѣ“, то это было въ его устахъ болѣе, чѣмъ фраза; это—было исповѣдью, которая свидѣтельствуетъ, гдѣ мы должны искать у него крѣпкихъ корней его силы. Тоже самое мы встрѣчаемъ у Мольтке и особенно у Роона. Извѣстное несравнимое отношеніе вѣрности и довѣрія между императоромъ и канцлеромъ, между этимъ послѣднимъ и его великими соработниками имѣетъ свое глубочайшее основаніе въ самомъ сокровенномъ согласномъ направленіи сердець.

И если что поистинѣ „великое совершилъ императоръ Вильгельмъ 1-й, то это—не лавры побѣдныя, которые окружали его тронъ, но смиреніе, которое, при всемъ этомъ, онъ умѣлъ сохранить. Его вся жизнь является исполненіемъ древняго пророческаго слова, что Богъ даетъ благодать смиреннымъ.

¹⁾ Kohl, Bismarckbriefe, 7. Aufl. S. 311.

Совершенно понятно, что онъ принималъ славныя побѣды какъ предопредѣленіе и незаслуженные дары Божіи. Никогда онъ не переставалъ указывать въ трудныя времена народу всему на Того, „въ рукахъ Коего, какъ онъ самъ говоритъ, находится побѣда и пораженіе“ и отъ Котораго только и слѣдуетъ ожидать спасенія и благословенія, пока онъ, наконецъ, какъ христіанскій патріархъ, склонилъ свою голову для вѣчнаго успокоенія и отошелъ въ иной міръ съ исповѣданіемъ Симеона: „Мои глаза видѣли спасеніе твое“.

Такъ въ поѣтахъ-пѣвцахъ и герояхъ, которые прошли на нашихъ глазахъ, христіанская вѣра оказывается силою патріотическаго воодушевленія и самоотверженной любви къ отечеству. Можетъ-ли рѣшительнѣе быть опровергнуто тотъ, неосмысленный упрекъ христіанству, что оно, будучи интернаціональнымъ, уничтожаетъ патріотизмъ. Широкій кругозоръ, христіанской любви, который обнимаетъ весь міръ, особенную любовь къ отечеству дѣлаетъ столь же мало невозможною, какъ любовь къ женщинѣ и ребенку, къ другу и брату. Напротывъ! Только вѣра учитъ съ благодарностію принимать преимущества отечества, не обожествляя его. Она указываетъ намъ на него, какъ на область, въ предѣлахъ которой мы должны служить нашими дарами и силами Богу и ближнимъ. Она научаетъ даже неблагодарность, которая въ древнее время многихъ патріотовъ обращала во враговъ отечества, переносить безъ ненависти и озлобленія. Отсюда съ гораздо большимъ правомъ можно сказать: будьте христіанами, и вы будете патріотами.

3. *Римъ, какъ спасатель отъ бѣдствій.* Вышеупомянутый сонмъ вѣмецкихъ героевъ можетъ свидѣтельствовать, что намъ потребно, если мы хотимъ счастливо сеуществить тѣ задачи, которыя частію въ гигантскихъ размѣрахъ уже ясно выступаютъ предъ нами, частію—еще сокрыты въ темныхъ вѣдрахъ будущаго. На горизонтѣ новаго столѣтія поднимается могучая, соціалъ-демократическая гроза. Что означаетъ это глухое мурчанье недовольства, смертельной ненависти, которыя изъ широкихъ круговъ четвертаго сословія угрожающе поднимаются до неба? Это означаетъ, что грозитъ опасность нравъ-

ственнымъ устоямъ нашей общественной жизни. Въ этой бѣдѣ Римъ выставляетъ себя, какъ единственное прибежище цивилизаціи, какъ самое твердое ручательство противъ революціи и анархіи. Но только невѣжды могутъ обманываться на счетъ римскихъ заслоновъ (blendwerk). Откуда возникъ кровавый духъ революціи? Какія собственно страны въ теченіе столѣтій являлись революціонными скопищами? Франція, Бельгія, Италия и южно американскія республики, слѣдовательно именно католическія страны. Гдѣ анархисты имѣютъ свое мѣстопробываніе? Въ Италиі и Испаніи! Кто былъ убійцей Карно и Макъ Кинлея, императрицы Елизаветы и короля Гумберта? Во всякомъ случаѣ католическій анархистъ! Гордость Испаніи было сохранить ультрамонтанскій католицизмъ; въ теченіи столѣтій протестантизмъ въ ея предѣлахъ подвергался преслѣдованію огнемъ и мечемъ; теперь исторія провозноситъ надъ нею міровой судъ и разрушаетъ ея могущество. Это—знаменіе для всѣхъ, кто любитъ восхвалять ультрамонтанизмъ, какъ самую твердую защиту троновъ и государствъ. Нѣчто подобное имѣетъ мѣсто и по отношенію къ Италиі. Романо-католическія страны идутъ къ упадку, германо-протестанскія, какъ могуче жизнеспособныя, возвышаются. „Мирное, постоянное внутреннее развитіе остается неоспоримымъ преимуществомъ всѣхъ главнымъ образомъ протестанскихъ странъ, между тѣмъ, какъ католическій міръ видѣлъ безконечный рядъ революцій и ниспроверженій троновъ.“ (Treitschke, Zehn Jahre deutscher Kämpfe II, S. 84).

Въ виду такихъ фактовъ требуется вся безцеремонность ультрамонтанской прессы для того, чтобы проповѣдывать возвратъ къ римской церкви, какъ единственное средство ко спасенію, и полное безсмысліе нѣмецкаго Михеля, чтобы вѣрить такимъ заявленіямъ. Чего романизмъ старается достигнуть, то прежде всего не мира и цивилизаціи народовъ, но установленія всеобщей папской власти какою бы то ни было цѣною: цѣною мира, какъ показываетъ культурная борьба, цѣною цивилизаціи, какъ это видно изъ дѣятельности іезуитовъ, цѣною евангельской вѣры, какъ учитъ исторія папства. Вопреки этому именно протестанскія государства уничтожили всякаго

рода притѣсненія католической церкви и предоставляютъ ей всякую свободу, какая можетъ соединяться съ понятіемъ общаго блага.

Да, нѣкоторыми протестанскими государственными мужами защищается именно такое мнѣніе, что государство можетъ безразлично относиться къ вѣроисповѣданіямъ, что для него одна религія должна быть столь же дорога, какъ и другая. Но это невѣроятно недалновидное сужденіе, ибо въ одной области, именно въ нравственной сталкиваются государство и религія. Для государства, очевидно, не можетъ быть безразличнымъ, осуждаетъ-ли церковь свободу совѣсти, запрещаетъ-ли подъ страхомъ наказанія свободное изслѣдованіе, подкапывается-ли подъ божественное достоинство государства и подчиняетъ-ли совѣсти его подданныхъ иностраннымъ владыкамъ. Для него не можетъ быть безразличнымъ, увеличивается-ли духъ раздора и посѣвается-ли уже въ сердцахъ дѣтей его. Это все дѣлаетъ римская церковь, этого всего она добивается. Даже если бы римская церковь способна была противодѣйствовать возрастающей соціальной грозѣ, — противъ чего, однако, говорятъ всѣ факты, — она никогда не могла бы защитить нѣмецкое государство, безъ того, чтобы не уничтожить его, т. е. не лишить его самостоятельности, безъ того, чтобы не отнять у нѣмцевъ всего того, что дѣлаетъ для нихъ жизнь достойною, цѣнною. (Сравн. Отд. VI).

Что нѣмцевъ возвело на высоту, что имъ позволило счастливо преодолѣть всѣ великія войны и задачи прошедшаго времени, это были вышеупомянутыя нравственныя силы — истина, любовь и вѣрность, которыя имѣютъ свои питательныя корни въ евангеліи. Также и нынѣ въ виду страшной серьезности нашихъ дней нравственныя силы отерываются опять, какъ единственно міростроящія, міроподдерживающія и мірохранительныя силы, какъ могучіе столбы, на коихъ покоится все наше общественное бытіе. Въ то время, какъ грозовыя тучи революціи возвышаются до небесъ, взоръ нашего общества естественно склоняется къ христіанству, не къ римскому христіанству, но къ христіанству, какъ оно блистаетъ и свѣтитъ въ Евангеліяхъ и все еще согрѣвающе и просвѣщающе отпе-

чатлѣвается на всей нашей жизни. „Міръ понимаетъ, что онъ не можетъ сохранить своего существованія черезъ технику, искусство, науку, черезъ всѣ блестящія произведенія человѣческаго разсудка. И міръ нашего общества живъ не хлѣбомъ однимъ, но всякимъ словомъ, которое исходитъ изъ устъ Божіихъ“ (Sohn). Потому социальный вопросъ есть прежде всего нравственный и религіозный вопросъ ¹⁾).

4. *Задача христіанскаго государства.* Довольно долго государство (на западѣ) спокойно взирало на возростающую социальную опасность. Ослабленное идеею современнаго праваго государства, оно не считало своею обязанностью—вмѣшиваться въ хозяйственную жизнь своихъ подданныхъ. Оно считало себя призваннымъ только заботиться о томъ, чтобы въ хозяйственной борьбѣ соблюдалась извѣстная мѣра порядка и внѣшняго приличія. Напротивъ представлялось лежащимъ внѣ круга его дѣйствія хозяйственно болѣе слабымъ защищать отъ уничтоженія и кабалы болѣе сильныхъ. Но въ виду критическихъ обстоятельствъ времени, теперь стали признавать, что государство не можетъ оставаться равнодушнымъ къ болѣе тонкому чувству справедливости своихъ подданныхъ, что христіанскій народъ долженъ управляться въ другомъ духѣ, чѣмъ языческій. Незабвенная заслуга императора Вильгельма 1-го и его великаго канцлера въ томъ, что ими это было ясно сознано. Ничто такъ не выставляетъ въ полномъ свѣтѣ благородное христіанское чувство великаго императора, какъ отвѣтъ его, на двойную попытку умертвить его, слѣланную сынами его собственной страны. Иной благодаря этому превратился бы въ челоуконенавистника и тонкаго деспота или по крайней мѣрѣ потерялъ бы всякую надежду—путемъ здравыхъ реформъ побѣдить страшныя силы ненависти, недовольства, ослѣпленія. Но онъ въ концѣ мрачнаго года, 31 декабря 1878 г. записалъ свои завѣтныя предположенія, въ которыхъ дословно значится слѣдующее: „Годъ приходитъ къ концу, который для меня долженъ былъ быть роковымъ. Потрясающія событія

¹⁾ См. обстоятельное раскрытіе и доказательство этого положенія въ книгѣ профес. Секретана, *Цивилизація и въра.* Перев. на русск. съ французскаго. Ц. 1 р. 75 к. *Переводч.*

совершались надо мною 11 го мая и 2-го іюня. Тѣлесныя страданія отходятъ назадъ по сравненію съ болью, что слыны Прусской страны совершили дѣяніе, которое въ заключеніе моего жизненнаго поприща вдвойнѣ труднѣе переносить и которое омрачило мое сердце и умъ на весь остатокъ моихъ дней. Однакоже я долженъ предаться волѣ Божіей, которая все это допустила, но въ то же время проявила свою благость и милосердіе, такъ какъ Богъ не только сохранилъ мою жизнь, но оставилъ такую степень здоровья, при которой я снова способенъ къ дѣламъ моего званія. Такъ я прославляю Бога за это Его промысленіе обо мнѣ, въ которомъ я примѣчаю также напоминовеніе—испытывать себя, прежде чѣмъ я долженъ явиться предъ судомъ Всемогущаго. Отсюда я признаю въ столь явно совершившихся событіяхъ благостное промысленіе Божіе, которое должно вести меня къ добру, какъ все, что посылается намъ отъ Него въ радости и скорби. Потому я благословляю Промыслъ за скорбныя событія убѣгающаго года“.

Но плодомъ столь глубокаго благочестія было всемірно извѣстное императорское посланіе отъ 17 ноября 1881 г. „Уже въ февралѣ настоящаго года, говорится въ немъ—мы высказали наше убѣжденіе, что исцѣленіе соціальныхъ недуговъ слѣдуетъ искать не исключительно въ репрессіи по отношенію къ соціаль-демократическимъ безпорядкамъ, но въ равной мѣрѣ въ положительномъ содѣйствіи благосостоянію работниковъ. Мы считаемъ нашею императорскою обязанностію эту задачу снова возложить на рейхстагъ и мы съ тѣмъ большимъ удовлетвореніемъ будемъ взирать на всѣ успѣхи, какими наше управленіе Богъ видимо благословилъ, если намъ удастся предоставить отечеству новый и пребывающій залогъ внутренняго мира и *всѣмъ нуждающимся большую безопасность и обиліе помощи, на что они имѣютъ право*“. Въ этомъ смыслѣ должны были быть подготовлены законы о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, равно какъ о закономѣрной организаціи больничнаго дѣла въ промышленныхъ предпріятіяхъ. „Но также и тѣ, кто становится по старости или инвалидности неспособнымъ къ промысловому труду, по сравненію со

всѣмъ рабочимъ сословіемъ вообще имѣютъ законное право на высшую степень заботливости со стороны государства, чѣмъ имъ доселѣ удѣлялась. Для осуществленія этого найти пути и средства—одна изъ самыхъ трудныхъ, но вмѣстѣ и самыхъ высокихъ задачъ для каждаго общества, которое стоитъ на нравственныхъ основахъ христіанской народной жизни“... Золотыя слова, которыя заслуживаютъ быть выгравированными на мѣди! Столько же, какъ его царственный повелитель, признавалъ ясно и Бисмаркъ, что посредствомъ этихъ законовъ о рабочихъ осуществляется, по его выраженію, „практическое христіанство“. Поэтому мы имѣемъ право говорить въ извѣстномъ смыслѣ о „христіанскомъ“ государствѣ. Мѣриломъ для него является христіанскій идеалъ „нравственности“, а не античный или магометанскій. Христіанское правовое сознаніе воздѣйствуетъ опредѣляюще на законодательство, подвигаетъ его впередъ и ставитъ ему все новыя цѣли и задачи. Съ нравственной стороны государство стоитъ съ христіанствомъ во внутреннемъ отношеніи.

При всемъ этомъ государство никогда не можетъ стать въ полномъ смыслѣ христіанскимъ. Ибо по своему существу оно является изъ себя—внѣшне—правовой порядокъ, которымъ регулируются внѣшнія дѣйствія человѣка, въ случаѣ надобности даже при посредствѣ внѣшней силы. Государство покоится на принужденіи, христіанство—на свободномъ убѣжденіи. Государство регулируетъ внѣшнее дѣйствіе, христіанство—внутреннее настроеніе. Государство отъ міра сего и для міра сего, христіанство—не отъ міра сего. Государство имѣетъ дѣло съ временнымъ благосостояніемъ общества, христіанство—съ вѣчнымъ спасеніемъ душъ. Если бы оно захотѣло принуждать къ христіанскому настроенію путемъ закона, то сдѣлало бы невозможною христіанскую любовь, прекратило бы свободную преданность вѣчному, крайне увеличало бы лицемеріе, кратко: оно уничтожило бы христіанство. Оно, слѣдовательно, какъ и христіанство, имѣетъ свою собственную задачу и свою особенную область человѣческихъ отношеній. Но они другъ друга предполагаютъ. Христіанство вкореняетъ въ совѣсть послушаніе существующему правовому

порядку и воспитываетъ нравственное настроеніе; безъ котораго не можетъ существовать продолжительное время ни одно государство. Съ своей стороны государство необходимо должно идти на встрѣчу нравственнымъ требованіямъ совѣсти, поскольку они исполнимы безъ вреда для цѣлаго.

Отъ этого правильно понятаго положенія государства въ большей части будетъ зависеть будущее спасеніе народа, мирное препобѣжденіе социальныхъ неурядицъ. Потому нѣмецъъ преисполняетъ высокою радостью то, что внукъ приснопамятнаго перваго императора, Вильгельмъ II, пошелъ по стопамъ своего дѣда и своею царскою задачею поставилъ выработку покровительственнаго рабочаго законодательства. „При своемъ вступленіи въ управленіе—говорится въ февральскомъ указѣ 1890 г.—я возвѣстилъ о своемъ намѣреніи содѣйствовать дальнѣйшему развитію нашего законодательства въ томъ же направленіи, въ какомъ мой въ Бозѣ почившій дѣдъ взялъ на себя въ духѣ христіанскаго нравоученія заботу о болѣе слабой въ экономическомъ отношеніи части народа.—Сверхъ дальнѣйшей разработки законовъ о страхованіи рабочихъ слѣдуетъ подвергнуть пересмотру существующіе законы объ условіяхъ жизни фабричныхъ рабочихъ, чтобы въ этой области возникшимъ жалобамъ и выраженнымъ желаніямъ, поскольку они основательны, дать удовлетвореніе. Этотъ пересмотръ долженъ исходить изъ принципа, что одна изъ задачъ государства состоитъ въ томъ, чтобы такъ регулировать время, продолжительность и способъ работы, чтобы могли быть гарантированы *сохраненіе здоровья, величія нравственности, хозяйственныя потребности работниковъ и ихъ право на равенство предъ закономъ.* Для охраненія мира между работодателями и рабочими имѣть въ виду установленіе законныхъ формъ, въ которыхъ рабочіе посредствомъ довѣренныхъ представителей участвуютъ въ регулированіи своихъ общихъ дѣлъ и являются защитниками ихъ интересовъ при сношеніяхъ съ работодателями и органами моего правительства. При такомъ порядкѣ рабочимъ открывается возможность свободнаго и мирнаго выраженія своихъ желаній и жалобъ, а правительственнымъ органамъ посто-

явно быть освѣдомленными объ обстоятельствахъ жизни рабочихъ и быть въ соприкосновеніи съ ними“.

Б. *Христіанство, какъ сила здраваго прогресса.* Этимъ указанъ путь къ здоровому прогрессу, на который только нужно энергично и благонадежно вступить, чтобы милліоны исполнились поваго мужества, новой надежды и чтобы была дѣйствительно препобѣжденъ духъ революціи, который всегда имѣетъ свой питательный корень въ справедливомъ недовольствѣ массъ. Если устраняется горючій матеріалъ, пламя, наконецъ, необходимо погаснетъ. Почему французская революція восемнадцатаго столѣтія разразилась надъ французскимъ народомъ съ такою страшною силою разрушенія? Да потому, что правящія сословія, дворянство и духовенство, не внимали жалобамъ подавленнаго народа. Тогда возмутилось третье сословіе, нынѣ есть четвертое. Времена перемѣнились, но положеніе одно и то же: мы, нѣмцы, стоимъ опять на поворотномъ пунктѣ нашей внутренней исторіи. Новое сословіе сознаетъ свои права и стремится выступить на сцену исторіи. Возможно-ли подавить духъ недовольства и вражды? Одною силою отнюдь нѣтъ! Если государство хочетъ въ этой борьбѣ полагаться ви на что больше, какъ на штыки и пушки, то оно погибнетъ отъ рикошетовъ соціальныхъ волнъ возставшихъ массъ. Потому мы, нѣмцы, радуемся, что такіе блестящіе личности, какъ наши оба императора, какъ Бисмаркъ, указали кораблю государства направленіе, лозунгъ котораго гласитъ: „выходъ лежитъ въ любви, не въ ненависти“.

В. *Евангелико-соціальный конгрессъ и церковно-соціальная конференція.* Чтобы сохраить память объ императорскихъ посланіяхъ къ нѣмецкому народу, множество евангелическихъ мужчинъ и женщинъ изъ различныхъ сословій составили „евангелико-соціальный конгрессъ“, который собирается по одному разу ежегодно. Онъ порожденъ соціальными нуждами времени и вмѣстѣ твердымъ убѣжденіемъ, что эти нужды могутъ быть смягчены, даже уничтожены только путемъ проникновенія — личной, церковной и всей общественной жизни духомъ евангелія. Совершенно независимо отъ всякаго партійнаго движенія — церковнаго или политическаго — онъ стре-

мился дать случай своимъ членамъ къ обоюдному ознакомленію и общему обмѣну мыслями по самымъ жгучимъ вопросамъ времени. Его цѣли ясны и твердо ограничены. Онъ жаждетъ, чтобы животворный и ясный свѣтъ евангелія падалъ также и на хозяйственныя и соціальныя отношенія, и ищетъ въ этомъ свѣтѣ пути къ ихъ улучшенію и къ исцѣвленію нравственныхъ язвъ народной жизни. Онъ далекъ отъ того, что Священное Писаніе обращать въ кодексъ соціально-политическаго законодательства; но онъ держится того убѣжденія, что лишенное христіанскаго духа законодательство бродитъ въ темнотѣ ощупью и не можетъ выполнить своихъ задачъ. Онъ хочетъ только открывать соціальныя язвы, но очень хорошо сознаетъ, что необходимо предоставить технически образованнымъ работникамъ точно опредѣлить средства и пути, возможность и невозможность законодательной помощи.

Эти цѣли естественно не могутъ быть одобрены тѣми, кто не признаетъ велѣнія христіанской нравственности для себя и для государства и провозглашаютъ беспощадную борьбу за существованіе, какъ предваряющее условіе также и соціального прогресса. Пусть все несчастное и мелкое будетъ раздавлено, чтобы только экономически сильный владѣлъ полемъ борьбы. Но развитіе, соединенное съ такою борьбою въ духѣ эволюціонной теоріи, было бы борьбою cadaque противъ всѣхъ; оно сопровождалось бы кровію и трупами и привело бы въ конечномъ результатѣ не къ уравнию противоположностей, но къ дикому господству капитализма или грубой силы.

Такому нездоровому развитію евангелико-соціальный конгрессъ хочетъ противодействовать путемъ нравственнаго вліянія религіознаго сознанія долга и христіанской любви къ ближнимъ и наши экономическія отношенія подвергнуть испытанію въ томъ отношеніи, благопріятствуютъ-ли они нравственному и экономическому соціально-мирному развитію, или же противодействуютъ ему. Подобныя же цѣли преслѣдуетъ „церковно-соціальная конференція“, которая, впрочемъ, съ своею работою держится болѣе въ предѣлахъ церковныхъ, между тѣмъ евангелико-соціальный конгрессъ старается воздѣйстви-

вать на широкіе круги и, гдѣ возможно, пріобрѣтать вліяніе на ходъ законодательства.

7. *Бѣдственностъ и грѣховностъ массъ.* Но стоятъ-ли въ какомъ-либо отношеніи другъ къ другу экономическое и нравственное состояніе людей? Несомнѣнно, что грѣхъ—вспомните только о пьянствѣ—имѣетъ своимъ послѣдствіемъ бѣдствіе. Но нельзя-ли признать и обратное положеніе? Я отвѣчаю нѣсколькими вопросами: почему, какъ доказано, большая часть преступленій совершается именно среди экономически стоящихъ въ самомъ низу классовъ? Гораздо-ли лучше мы въ нѣкоторомъ родѣ по природѣ, чѣмъ они? Почему большинство кражъ насчитываютъ именно тамъ, гдѣ недостаетъ или едва достаетъ средствъ къ поддержанію жизни? Почему нецѣломудренность столь страшна тамъ, гдѣ дурны квартирныя условія и гдѣ по мѣстамъ лица обоого пола сбитаютъ въ одномъ мѣстѣ? Не излишне-ли спрашивать объ этомъ? Пожалуй; но затѣмъ мы необходимо должны извлечь отсюда то слѣдствіе, что бѣдствія массъ имѣютъ своимъ слѣдствіемъ искушенія и грѣхи ихъ. Этимъ, конечно, съ отдѣльнаго лица отвѣтственность не снимается за его грѣхи, но укрѣпляется чувство долга у всего общества и утончается у него сознаніе виновности. Бѣдственностъ массъ въ низшихъ слояхъ есть вмѣстѣ жалоба противъ себялюбія высшихъ господствующихъ круговъ; причемъ ясно выступаетъ общая виновность всѣхъ. Состоянія, которыя съ очевидностью располагаютъ ко грѣху, должны быть, по христіанскому сужденію, устранены. Неумирающую заслугу составить для Адольфа Штöкера то, что онъ впервые ясно созналъ эту связь между грѣхомъ и бѣдственностю массъ и искалъ путей для дѣйствительной помощи этому горю.

8. *Чего можетъ требовать церковь отъ государства?* Поэтому для церкви, которая имѣетъ цѣлію руководить нравственнымъ и религіознымъ воспитаніемъ народа, не можетъ быть безразличнымъ, какъ государство относится къ социальнымъ неурядицамъ. Что пользы отъ ея проповѣди, напр. о цѣломудріи, если государство терпитъ такое положеніе вещей въ жилищахъ и на фабрикахъ, которое ежедневно искушаетъ къ нецѣломудрію? Работа церкви будетъ наполненіемъ водою

бочки Данаидъ, доколѣ государство не уничтожитъ извѣстныхъ источниковъ искушеній, которыхъ слѣдуетъ искать въ экономическихъ бѣдственныхъ условіяхъ. Предъ Богомъ душа самаго ничтожнаго рабочаго столь же цѣнна, какъ душа самаго богатаго собственника. Цѣль *каждой* человѣческой души есть богосыновство. Церковь въ интересахъ своихъ меньшихъ членовъ необходимо должна требовать, чтобы по возможности были устрояемы установленія или положенія, которыя, по человѣческимъ соображеніямъ, обращаютъ въ вопросъ развитіе челоѣка до христіанской личности. Это—скромное требованіе, которое не имѣетъ ничего общаго съ властолюбіемъ римской церкви. Оно предъявляется въ интересахъ христіанскаго народнаго воспитанія и вмѣстѣ въ собственныхъ интересахъ государства. Что профессоръ Генрихъ Трейчке однажды сказалъ въ рейхстагѣ при одобреніи со стороны правой и министерской скамьи, то это имѣетъ значеніе и нынѣ: „если хотятъ совсѣмъ запретить церкви говорить о политикѣ, то это требованіе совершенно неразумное“.

4. Внутренняя миссія евангелической церкви.

Долгое время, пока еще не возникало такъ называемаго соціальнаго вопроса, отдѣльные евангелическіе христіане открыто признавали бѣдственность народа и изыскивали средства и пути къ смятченію ея. Но только въ 19 вѣкѣ евангелическая церковь начала ревностно проявлять по отношенію къ собственному народу ту широкую дѣятельность въ духѣ христіанской любви, которую обозначаютъ именемъ внутренней миссіи.

1. *Родоначальникъ внутренней миссіи.* 1848 годъ былъ годомъ рожденія внутренней миссіи. Вихернъ былъ отцемъ внутренней миссіи: онъ впервые съ великою силой указалъ церкви на служеніе любви—по отношенію къ больнымъ, бѣдствующимъ, увѣчнымъ и нравственно погибшимъ. Подобно посланному Богомъ пророку, онъ выступилъ въ бурное время и въ то время, какъ отечеству угрожало ниспроверженіе, онъ обращался къ евангелическому христіанству съ такими преесполненными свѣтлой надежды словами: „нынѣ начался день ве-

личественнаго расцвѣта внутренней миссіи. Насильственный разгромъ политическихъ отношеній, ужасное открытіе социальныхъ золъ въ пѣдрахъ христіанства не могутъ подавить внутренней миссіи. Всякая вновь открытая нужда есть новое побужденіе къ любви, всякое проявленіе языческой грубости призываетъ къ пробужденію, къ могучему началу ежедневной работы въ духѣ спасающей любви. Время доктринъ и теорій пока миновало, теперь время дѣлъ. Наше мужество ручается за побѣду; Христосъ—наша сила! Подымите знамя Господа! Отечество и церковь могутъ погибнуть въ этотъ разгромъ, но только затѣмъ, чтобы снова возстать въ болѣе славномъ видѣ. Внутренняя миссія вмѣстѣ съ обоими послѣ времени тягостныхъ страданій будетъ торжествовать тѣмъ болѣе славное воскресеніе. Ея Воскресшее солнце стоитъ и пребываетъ на небѣ". Мужественному человѣку скоро представился случай сказать рѣшительное слово: „На священнодѣйствіи въ Виттенбергѣ надъ прахомъ реформатора онъ защищалъ дѣло внутренней миссіи съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ: „необходимо—воскликнулъ онъ,—чтобы евангелическая церковь признала, что дѣло внутренней миссіи—мое... любовь принадлежитъ мнѣ, какъ и вѣра. Спасающая любовь необходимо должна горѣть, какъ ясное Божье пламя, которое даетъ знать, что Христосъ живъ среди народа". Такимъ горячимъ воодушевленіемъ Вихернъ вложилъ въ сердце представителей господствующей церкви содѣйствовать дѣлу, такъ что собраніе поднялось, какъ одинъ человѣкъ, и съ поднятыми къ небу руками произнесло свое—да и аминь. Это и было собственно днемъ рожденія внутренней миссіи.

2. *Развитіе и плоды внутренней миссіи.* Милосердно-самаританскій духъ отнынѣ могуче возбудился въ нѣмецкомъ народѣ. Во всѣхъ мѣстахъ стали выростать учрежденія въ духѣ спасающей любви. „*Raupes Haus*" Вихерна въ Гамбургѣ—пріютъ для заброшенныхъ дѣтей—расширился до цѣлой сѣти домовъ. *Пасторъ фонъ Бодель-Швингъ*, бывшій землевладелецъ, затѣмъ по внутренней склонности ставшій теологомъ, принимаетъ къ себѣ эпилептиковъ и основываетъ колонію „*Вееиль*" при Билефельдѣ, теперь небольшомъ городѣ съ болѣе, чѣмъ

тремя тысячами жителей, гдѣ 2000 такихъ несчастныхъ находятъ приютъ, попеченіе и занятія. Въ своей колоніи для рабочихъ „Wilhelmsdorf“ онъ же представляетъ лѣнивцамъ и бродягамъ возможность путемъ регулярной работы и христіанской дисциплины встать на ноги и возвратиться къ нормальнымъ условіямъ жизни. Еще ранѣе *Густавъ Вернеръ* устроилъ свои величественныя заведенія и промышленныя предпріятія при Рейтлингѣ на служеніе спасающей и охраняющей христіанской братской любви. Послѣ того, какъ *Флиндеръ* въ 1836 г. основалъ первое протестантское заведеніе діакониссъ (сестеръ милосердія—для призрѣнія больныхъ, для дѣтскихъ приютовъ), это дѣло естественно стало процвѣтать, такъ что въ Германіи теперь имѣется уже около 15000 сестеръ, которыя еще далеко не удовлетворяютъ потребности въ нихъ. *Адольфъ Штѣкеръ* дѣятельно принимается за бѣдственное положеніе Берлина въ церковномъ отношеніи и возвышаетъ берлинскую городскую миссію до степени грандіознаго дѣла, благодаря чему утѣшеніе и помощь христіанской любви проникаетъ даже въ мрачныя подвалы и забытые чердаки большого города.

Это только самыя выдающіеся результаты христіанскаго милосердія, которое подобно дождю цвѣтовъ разсыпаетъ свои благословенія далеко по всему евангелическому отечеству. Скоро вѣмецкая страна покрылась цѣлою сѣтью христіанскихъ заведеній и союзовъ. Заведенія діакониссъ и братья милосердія, дома для спасенія на водахъ и убѣжища для дѣвушекъ, разнаго рода дома для больныхъ, исправительныя заведенія для пьяницъ, убѣжища для слѣпыхъ, эпилептиковъ, глухонѣмыхъ, неизлѣчимо больныхъ и идіотовъ, дѣтскіе приюты и вдовьи дома, колоніи для рабочихъ и ночлежныя дома, миссія для переселенцевъ, фереины воспитательныя и тюремныя, фереины евангелическихъ дѣвицъ, мужей, юношей, рабочихъ, фереины бѣлаго и голубого креста для подавленія безнравственности и пьянства и—сколько еще можно назвать подобнаго рода предпріятій!—всѣ они порождены силою обновленной христіанской вѣры.

Кто можетъ измѣрить тѣ благотворныя вліанія, какія изъ этихъ заведеній излились въ народную жизнь, исцѣляя, утѣ-

шая и оберегая людей, кто можетъ перечислить, сколько тысячъ въ тѣлесной или душевной нуждѣ испытали на себѣ цѣлящую, помогающую руку христіанской любви къ ближнимъ? Значило бы обнаружить мало ума и сердца, если бы стали дерзко презирать это могучее проявленіе любви или же считать за нѣчто маловажное, доколѣ сами остаются бездѣтельными въ этомъ отношеніи.—Еще довольно ясно и могуче выступаетъ изъ нѣмецкой народной жизни ликъ Христа, великаго добраго самарянина, чтобы поставить въ извѣстность всему свѣту, что и нынѣ для многихъ онъ является силою въ помощь и во спасеніе. Когда „Маленькій журналъ“ (Kleine journal) недавно запросилъ ученыхъ, художниковъ, государственныхъ дѣятелей и т. п. лицъ о томъ, что они считаютъ самымъ великимъ дѣломъ истекшаго 19 столѣтія, то профессоръ астрономіи въ Берлинскомъ университетѣ Др. R. Lehmann Filhés далъ слѣдующій отвѣтъ: „Отъ представителя астрономической науки ожидаютъ можетъ быть, что онъ выставитъ какъ величайшее дѣло столѣтія открытіе планеты Нептунъ или спектральнаго анализа или, наконецъ, другое какое-либо открытіе въ естественно-научной области, однако по моему глубокому и самому искреннему убѣжденію самое значительное дѣло столѣтія лежитъ совершенно въ другой области, чѣмъ науки. Я признаю, что самое великое и важное, что произвело это столѣтіе, я усматриваю въ пробужденіи и могучемъ расцвѣтѣ дѣятельности въ духѣ христіанской любви, особенно же въ основаніи внутренней миссіи“.

3. *Кто видитъ всего острѣе?* Многія изъ дѣлъ христіанскаго милосердія уже перешли въ руки государства или гражданскихъ общинъ. Но христіанской любви принадлежитъ честь, что она впервые познала разнообразныя нужды народной жизни и изыскала средства помощи противъ нихъ. Что сдѣлали греки и римляне для своихъ бѣдныхъ и больныхъ? Совершенные пустяки! Василій Великій и его сестра Макрина—золотое сердце—впервые создали на собственные средства хорошо обставленные дома для больныхъ, въ которыхъ они сами съ радостью и самоотверженіемъ и служили больнымъ.

Въ средніе вѣка обширную дѣятельность въ духѣ христіан-

ской любви развили монашескіе ордена, союзы братьевъ и сестеръ. Ученіе о значеніи добрыхъ дѣлъ, какъ и о высшей святости священническаго и монашескаго чина были могучими средствами къ приливу пожертвованій и все новыхъ живыхъ силъ на служеніе милосердію. Евангелическая церковь не пользуется такими средствами, которыя могутъ развивать только поверхностную святость внѣшнихъ дѣлъ. Она взываетъ, какъ Христосъ и Его Апостолы, къ благодарному сердцу спасенныхъ и къ ихъ непосредственному сочувствію.

Лютеръ далъ всѣмъ протестантамъ на будущее время свѣтлый образецъ. Не смотря на свое стѣсненное матеріальное положеніе онъ не рѣдко раздавалъ бѣднымъ послѣднія свои крохи; его самоотверженность, съ какою онъ во время чумы заботился о больныхъ, была героическая. Вскорѣ послѣ реформации въ евангелическихъ странахъ возникло болѣе 50 учрежденій для бѣдныхъ—знакъ, какъ могуче было пробуждено стремленіе къ благотворительности въ моментъ обновленія благочестія. До настоящаго времени опытъ подтверждаетъ, что съ подъемомъ вѣры всегда начинается также и процвѣтаніе проявленій любви. Ничто не можетъ такъ исцѣпить глазъ по отношенію къ нуждамъ братьевъ, какъ личное переживаніе милосердной любви Божіей въ собственномъ сердцѣ.

А. Г. Фраке впервые вполнѣ понялъ бѣдственное положеніе дѣтей сиротъ. Въ 1695 г. онъ основалъ съ 7 золотыми „Гальскій сиротскій домъ“, первый этого рода. Онъ строилъ его, часто не зная въ поведѣльникъ, какъ уплатить рабочимъ въ субботу. Среди очевидныхъ проявленій Божьяго благословенія постройка подвигалась впередъ и въ теченіе года расширилась до цѣлой сѣти далеко извѣстныхъ „Франковскихъ учрежденій“ — сильное свидѣтельство за истину слова пророка, которое просвѣчиваетъ въ золотыхъ словахъ Габеля: „надѣющіеся на Господа получаютъ постоянно новую силу, такъ что они возносятся на крыльяхъ, какъ орлы“.

Оберлинъ, благочестивый священникъ Штейтала (1740—1828, призвалъ къ жизни *первую школу для маленькихъ дѣтей*, Флиндеръ таковую—въ Германіи.

Послѣ того, какъ Вихерпъ 1833 года основалъ свой „Raucher

(собственно Ruges, имя бывшего владѣтеля) Ханс“, а пасторъ Бодельшвингъ колонію для рабочихъ— Вильгемсдорфъ, государство стало имъ подражать въ устройствѣ подобныхъ заведеній.

Христіанская дѣятельность любви повсюду указывала пути общественной и государственной дѣятельности любви. Англійскіе владѣльцы фабрикъ, которые признали, что они прочли въ Библии осужденіе себѣ, стали помощниками Аренса и ввели при помощи его улучшеніе. Такъ возникъ первый толчекъ къ значительнымъ проявленіямъ помощи со стороны людей, которые прочувствовали изреченіе Господа: „Мнѣ жаль народа“. Что бы ни говорили, *христіанская* любовь всегда видѣла острѣе, чѣмъ „любовь ко всему человѣчеству“.

4. *Кто помогаетъ основательнѣе?* Не должна ли она также и помогать ссновательнѣе? Конечно, при громадности бѣдствія, именно въ большихъ городахъ, *общественное попеченіе о бѣдныхъ* и содѣйствіе со стороны государства совершенно необходимо.

Но чѣмъ болѣе склоняются къ тому, чтобы усилія общества и гуманности признавать вполне достаточными противъ всякаго рода бѣдственности, тѣмъ необходимѣе возможно ясно указывать глубочайшее различіе между ними и христіанскою дѣятельностію любви. Дѣятельность гуманности довольствуется помощью тѣлеснымъ и, можетъ быть, еще нравственнымъ нуждамъ, если эти послѣднія имѣютъ послѣдствіемъ тѣлесное бѣдствіе. Она видитъ въ бѣдныхъ и несчастныхъ только пришедшихъ въ упадокъ членовъ общества, которое рѣшило защищать ихъ отъ внѣшнихъ золъ— голода и гибели. Христіанская дѣятельность любви обнимаетъ *всею* человѣка, по тѣлу и душѣ. Она всецѣло проникнута идеею безковечнаго достоинства каждой отдѣльной человѣческой души. Поэтому съ заботою о тѣлѣ она соединяетъ попеченіе и о душѣ. По примѣру Христа, который съ тѣлеснымъ исцѣленіемъ достигалъ вмѣстѣ и душевнаго оздоровленія, она видитъ свою высочайшую задачу въ томъ, чтобы приводить людей къ вѣрѣ въ любовь Божію.

Въ самомъ дѣлѣ, при неглубокомъ размышленіи можно видѣть, что значительному числу людей, напр., пьяницамъ, бродягамъ, нравственно-опустившимся, развратившимъ совѣсть

нельзя оказать внѣшней помощи, если не удастся довести ихъ до самоуглубленія и обновить внутренно. Къ тому же всякая тѣлесная нужда много теряетъ изъ своей подавляющей тяжести, если она переносится въ духъ христіанской преданности къ Богу. Не должно ли также дѣлать великое различіе въ томъ, какъ удѣляется помощь, въ формѣ-ли опредѣленнаго пособія на бѣдность, которое скоро въ глазахъ принимающихъ получаетъ видъ чего-то должнаго имъ, или какъ свободный даръ братской любви; передается-ли она просто дѣловымъ образомъ, или же исходитъ отъ каждаго, кто сочувствуетъ бѣдному и при всей его приниженности встрѣчаетъ его, какъ собрата и соучастника въ вѣчномъ спасеніи? Въ послѣднемъ случаѣ даръ будетъ имѣть, очевидно, совершенно другое нравственное значеніе. „Ни съ чѣмъ не связанные сборы на призрѣніе бѣдныхъ—говоритъ Рашеръ въ своей Armenpolitik, ст. 129—совершенно разрушаютъ всякую добродѣтельность въ богатыхъ, такъ какъ они дѣлаются по принужденію; всякую скромность и благодарность въ бѣдныхъ, такъ какъ они даютъ имъ право иска. Мудрое намѣреніе Божественнаго Провидѣнія—въ бѣдности дать нравственно воспитательное средство для обѣихъ сторонъ подобно взаимной потребности половъ, возрастовъ жизни и т. д., находить препятствіе въ этомъ къ своему осуществленію. Я думаю, что церковное попеченіе о бѣдныхъ должно быть солию попеченія вообще“ (стр. 51).

Обычно чисто человѣческое сочувствіе бываетъ особенно недостаточнымъ тамъ, гдѣ требуется истинное самоотверженіе и самопожертвованіе. Но христіанская любовь во всѣ времена проявлялась именно въ формѣ самаго искреннаго и глубокаго самоотверженія и самопожертвованія, такъ какъ она имѣетъ во Христѣ недостижимый идеаль и въ опытѣ Его спасающей благодати находить все новое побужденіе къ обнаруженію милосердія. Пусть только попытаются найти въ области гуманистической дѣятельности личностей, которыя хотя бы изда- лека были похожи, по неутомимому самоотверженію и всецѣлой склонности къ жертвѣ на Елизавету Фрей, этого „ангела заключенныхъ“, Амалію Сивекингъ, эту „сестру бѣдныхъ“, А. Г. Франке или Вихерна. Можетъ производить только печально—

комическое впечатлѣніе, если осмѣливаются рекомендовать буддѣйскую идею состраданія, какъ самое сильное спасительное средство къ устраненію бѣдствій, тогда какъ христіанская любовь вноситъ первый свѣтлый лучъ человѣчности въ Senecas самой буддѣйской Индіи и христіанскіе миссіонеры должны были впервые возстановить у презрѣнныхъ паріевъ чувство человѣческаго достоинства.

Такія блужданія въ сужденіяхъ были бы невозможны, если образованные нѣмцы часто не были бы прямо таки варварски невѣжественны въ предметахъ, касающихся христіанства.

5. *Внутренняя миссія и задача общества.* Велики и неисчислимы благодаренія учрежденій внутренней миссіи, но при всѣхъ благодареніяхъ, какія они доставляютъ людямъ, они тѣмъ не менѣе являютъ собою „лишь доказательство, что наша, нѣмецкая церковь—больна и неможетъ привести пребывающаго, коренного исцѣленія“. Никто этого яснѣе не сознавалъ, какъ основатель внутренней миссіи, самъ Вихернъ. „Внутренняя миссія—говоритъ Вихернъ—имѣетъ своею цѣлію спасеніе евангелическаго народа отъ духовныхъ и тѣлесныхъ нуждъ путемъ возвѣщенія евангелія и братской руки помощи христіанской любви... Она простирается только на тѣ области жизни, которыя закономъ установленные представители евангелической церкви своею дѣятельностію не могутъ обслужить въ достаточной степени, такъ что она работаетъ въ руку имъ и считаетъ себя свободною отъ работы въ той мѣрѣ, въ какой можетъ проявляться и расширяться дѣятельность представителей церкви“. Такимъ образомъ внутренняя миссія существуетъ какъ вызванное необходимостью вспомогательное средство. Чѣмъ болѣе увеличивается тѣлесная и духовная бѣдствепность народа, тѣмъ яснѣе обнаруживается, что она не въ состояніи оказывать христіанское вліяніе на жизнь цѣлаго народа своими заведеніями и союзами. Она можетъ только для отдѣльныхъ лицъ сдѣлать доступною помощь спасающей и охраняющей любви, но она не можетъ пропикнуть народную жизнь силами евангелія.

Эта задача—такъ велика, что только совокупность отдѣльныхъ общинъ можетъ разрѣшить ее. Потому обращеніе къ

живымъ общинамъ становится все громче. Образъ первохристіанской общины, какъ онъ выступаетъ предъ нами изъ „Дѣяній апостольскихъ“ и „Посланий“, указываетъ намъ то направленіе, въ какомъ необходимо работать. То составляетъ заслугу Д. Зульце (Sulze), что онъ въ своей превосходной книгѣ „Евангелическая община“ (Gotha 1891 г.) ясно и убѣдительно показалъ, что только организованная община способна преодолѣть социальныя задачи и породить изъ себя обновленную жизнь по вѣрѣ. Объ руку съ возвѣщеніемъ слова въ воскресенье должна идти христіанская дѣятельность любви, какъ доказательство духа и силы. Попеченіе о больныхъ и бѣдныхъ, попеченіе церкви о дѣтяхъ и конфирмованной молодежи, распространеніе образованія и литературы, христіанское вліяніе главъ дома и учителей и т. д.—все это должно осуществляться въ предѣлахъ отдѣльной общины. Каждый отдѣльный членъ общины долженъ знать, что въ черные дни нужды онъ найдетъ въ общинѣ поддержку, но что онъ также имѣетъ право содѣйствовать ей по мѣрѣ своихъ даровъ. Только есть *одна* община, которая могла бы нынѣ вполне совладать со своей христіанской задачей, именно *братская* община. Она можетъ всѣмъ малодушнымъ дать жирое доказательство, что евангеліе достаточно сильно напоить цѣлую общину духомъ братскаго настроенія. Кто также будетъ отрицать, что въ каждой христіанской общинѣ скрываются силы, которыя только нужно пробудить и поставить въ надлежащее мѣсто, чтобы онѣ проявили благотворное вліяніе къ оживленію цѣлой общины? Разнообразіе должностей въ первохристіанской общинѣ учитъ насъ, съ какимъ мудрымъ пониманіемъ первыя общины умѣли использовать различныя дары и силы на служеніе цѣлому. Невозможно-ли это и нынѣ?

6. *Евангеліе примиренія.* Ничто не въ состояніи такъ препобѣдить себялюбіе, какъ тотъ опытъ грѣшника, что чрезъ Христа Богъ къ нему сталъ милосерднымъ, ничто не можетъ столь сильно вызывать самопожертвованія для другихъ, какъ видъ распятаго на Голгоѣѣ. Поистинѣ братское настроеніе людей другъ къ другу можетъ быть дѣломъ только христіанства. Какъ часто возвѣщалось ученіе, что чѣмъ лучше каж-

дый заботится о себѣ самомъ, тѣмъ больше споспѣшествуется всеобщее благо! При помощи такого метода заполучали нѣсколько богатыхъ и очень многихъ бѣдныхъ и нуждающихся, но никакого братскаго общенія. Только чрезъ Христа и Его смерть за насъ мы научаемся познавать Бога, Который есть отецъ насъ всѣхъ, въ Которомъ мы всѣ соединены для братскаго общенія.

Поэтому ни одна сила на землѣ не можетъ такъ смягчить социальныя жестокости, заключающіяся въ различіяхъ по имуществу и образованію, какъ евангеліе. Ибо собственниковъ оно убѣждаетъ смотрѣть на свои имѣнія, какъ на „ввѣренный талантъ“, въ распоряженіи коимъ потомъ потребуетъ отчетъ. Бѣдному и нуждающемуся бѣдный сынъ плотника показываетъ, что можно при всей своей бѣдности быть, однако, безконечно богатымъ въ Богѣ. В. Рошеръ, основатель новой національной экономической политики, говоритъ: „Гдѣ каждый разсматриваетъ богатство, какъ Богомъ довѣренное служеніе, бѣдность, какъ воспитывающее ниспосылаемое Богомъ средство, земную жизнь, какъ преддверіе вѣчности,—тамъ даже самыя крайнія имущественныя различія теряютъ свою раздражающую и деморализующую силу“.

7. *Соціальное значеніе общественнаго богослуженія.* Поэтому міръ долженъ радоваться, что со всѣхъ кафедръ нашей нѣмецкой церкви по всѣмъ воскресеньямъ возвѣщается евангеліе. Между тѣмъ какъ раздѣленіе между высшими и низшими сословіями въ общественной и оффиціальной жизни скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается, въ церквахъ обособляющія социальныя различія хотя на короткое время уничтожаются. Здѣсь ты можешь еще видѣть сидящими богатаго рядомъ съ бѣднымъ и высшаго рядомъ съ низшимъ. Они всѣ соединяютъ свои голоса въ одной мелодіи, преклоняются предъ однимъ словомъ, обращаютъ взоры къ одному Богу и Отцу надъ всѣми ¹⁾. Поэтому всѣ порядки, которые, какъ отдача за деньги

¹⁾ Сидѣніе на скамьяхъ во время богослуженія, общее цѣліе временами подъ авомпаніментъ органа—особенности въ порядкѣ богослуженія протестантской церкви—по сравненію съ богослужебными порядками въ православной церкви.

опредѣленныхъ мѣсть для сидѣнія, вносять въ церковь словное разлічіе, должны быть устранены, такъ какъ они противны духу евангелія. Это значитъ показать на дѣлѣ и на примѣрахъ низшимъ сословіямъ, что они, какъ христіане, не поставляются ниже богатыхъ и знатныхъ (Срав. Іакова гл. 2-я).

Конечно, совершенно иначе можетъ развиваться свое принимающее дѣйствіе евангеліе мира, если оно возвѣщается въ нѣдрахъ общины, въ которой „братское общеніе“ и „братская любовь“—не пустыя слова, но стали дѣломъ и истиною. „Наше евангелическое общество слишкомъ мало принимало въ соображеніе, по временамъ даже совсѣмъ забывало основную черту евангелія—что евангеліе хочетъ быть *радостною вѣстью по преимуществу для труждающихся и обремененныхъ*, что прежде всего оно должно быть проповѣдуемо *бѣднѣмъ*. Но какъ можно что-либо убѣдительно проповѣдовать, чему недостаетъ дѣятельнаго обнаруженія; какъ можно дѣйствовать на сердца массъ, если имъ не приносятъ помощи, если предлагаютъ слова вмѣсто дѣятельной любви? Но это мы всѣ просто упустили изъ вниманія, мы сдѣлали для себя слишкомъ легкимъ христіанство и потому мы всѣ несемъ отвѣтственность, если утвердится въ широкихъ кругахъ страшное заблужденіе, что религія стала религіею богатыхъ и сытыхъ“¹⁾.

Пусть разъ навсегда эти слова отобьютъ у насъ охоту къ себялюбивому христіанству. Вмѣсто того да будетъ вѣрное обнаруженіе христіанской любви и христіанско-соціального настроенія въ Богомъ указанномъ кругѣ призванія! Живое участіе въ трудахъ внѣшней и внутренней миссіи. Ревностная соработа въ осуществленіи задачъ общины по части богослуженія для дѣтей и попеченія о юношествахъ, попеченія о бѣдныхъ, союзовъ рабочихъ, распространенія добрыхъ произведеній печати и дѣльнаго образованія! Каждый христіанинъ исповѣдникъ, соработникъ во всеобъемлющемъ трудѣ любви, который составляетъ призваніе церкви! Этого требуютъ нужды времени.

¹⁾ Слова Robbe—Berlin—а, произнесенныя при открытіи 6-го евангелико-соціального конгресса въ Эрфуртѣ 5 и 6 іюня 1895 г.

8. *Соціалъ-демократическая партія.* Соціалъ-демократія привлекаетъ все новыя толпы послѣдователей на свой оболстительный путь. Она раздвѣваетъ духъ недовольства въ массахъ. Она подкапываетъ христіанскую вѣру народа. Положеніе соціалъ-демократической программы: „религія есть дѣло частное“ является лишь ширмою для атеистическаго настроенія, которое господствуетъ въ партіи. Произведенія главныхъ руководителей ея проповѣдуютъ атеизмъ и наполнены нападками на христіанство и церковь. Духовный отецъ партіи, Марксъ, проповѣдуетъ историческій матеріализмъ. Онъ утверждаетъ, что всякая духовная жизнь есть только „отраженіе экономическихъ, слѣдовательно матеріальныхъ отношеній“. И религія есть только рефлексъ общественныхъ состояній и потому не имѣетъ никакой цѣны: религія есть частное дѣло, она есть дѣло вкуса и развлеченія. вмѣсто христіанскаго неба выступаетъ „небо на землѣ“. Здѣсь проповѣдуется не самоотверженіе и самопреобъжденіе, но самолюбіе и, насколько возможно, безграничное наслажденіе: „Дѣлайте себѣ здѣсь жизнь прекрасною! Нѣтъ цотусторонняго бытія, нѣтъ свиданія людей за гробомъ“!

Въ распространеніи этого атеистическаго настроенія лежитъ самая страшная опасность для нашего народа. Если бы соціалдемократія была ничѣмъ больше, какъ партіею съ опредѣленною цѣлію — защищать интересы рабочихъ, то противъ нея можно было бы не возражать. Но она вводитъ въ заблужденіе народную совѣсть и питаетъ духъ возмущенія. Поворотъ къ лучшему, повидимому, начался, но еще не умолкаетъ боевой революціонный кличъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединитесь“! Конечная революціонная цѣль еще воспламеняетъ головы. Еще надѣются на окончательное „отчужденіе путемъ закона того, что можетъ быть отчуждено“ („Expropriation der Expropriateur“).

Государство мало можетъ сдѣлать съ этимъ революціоннымъ духомъ. Оно только создаетъ мучениковъ и увеличиваетъ поспѣшными мѣрами озлобленіе. Духъ противъ духа! И эта партія познаетъ міропобѣждающую силу христіанства. Хвастливое самопревозношеніе, которымъ она такъ изобилуетъ, есть

уже начало конца. Лишенная духа самоотверженія и любви, она ничего великаго не произведетъ и найдетъ гибель въ своей собственной безплодности.

Но доколѣ она существуетъ, она является серьезнымъ предупрежденіемъ христіанству, чтобы оно помнило о наследованной имъ силѣ. Настоящему времени поставлено испытаніе: „есть ли наше христіанство только словъ, или также и дѣла? Даже еще больше: есть ли оно только христіанство подачи милостыни, или христіанство, которое дѣйствительно снисходитъ къ низшимъ, чтобы имъ, какъ братьямъ, подать руку помощи и поднять ихъ интересы, какъ собственные, и споспѣшествовать имъ? Да, на этомъ ты можешь видѣть, дѣйствительно ли духъ Христа живъ въ тебѣ. Силу ненависти ты не иначе можешь препобѣдить, какъ если ты самъ препобѣжденъ любовью къ Богу чрезъ Христа. Еще все можетъ быть спасено. Но одно несомнѣнно: не наше образованіе спасетъ насъ, но только евангеліе“ ¹⁾.

N. N.

¹⁾ Срав. Sohms Kirchengeschichte, Schluss.

Этика Спинозы съ философской точки зрѣнія.

(Окончаніе *).

Государство, доставляющее безопасность гражданамъ и охраняющее ихъ жизненные интересы,—вотъ самое лучшее и большее, чего могутъ достигнуть люди, волнующие своими страстями. Конечно, при такихъ условіяхъ удовлетворенность и счастье гражданъ все-таки бываютъ слишкомъ неполными. Причина этого кроется въ томъ, что ни одно, даже самое благоустроенное государство, не можетъ освободить людей отъ страстей. Правда, въ хорошемъ государствѣ человекъ чувствуетъ себя въ безопасности, но все таки онъ не свободенъ отъ другихъ печальныхъ аффектовъ, наиримѣръ ненависти, зависти и т. п. Полное удовлетвореніе человекъ можетъ получить только въ томъ случаѣ если совершенно освободится отъ страстей и если его исканіе собственной пользы не будетъ встрѣчать себѣ никакого противодѣйствія со стороны внѣшнихъ вещей. Въ этомъ дѣятельномъ стремленіи къ сохраненію своего существованія, по мнѣнію Спинозы, заключается добродѣтель человека. „Чѣмъ болѣе, говоритъ онъ, каждый ищетъ своей пользы, т. е. старается и можетъ сохранить свое существованіе, тѣмъ болѣе онъ одаренъ добродѣтелью¹⁾; наоборотъ, поскольку каждый нерадѣетъ о своей пользѣ, т. е. о сохраненіи своего существованія, постольку онъ безсиленъ“²⁾. Добродѣтель такимъ образомъ, имѣетъ свое основаніе не во внѣшнихъ причинахъ а въ самомъ человекѣ: онъ есть полная, дѣйствующая причина

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 13 за 1906 г.

¹⁾ Virtute—доблестью.

²⁾ Eth. IV. Prop. XX.

своей добродѣтели. Но только про человѣка, живущаго по началамъ разума, можно вполнѣ сказать, что онъ дѣйствуетъ. Отсюда, только тотъ поистинѣ добродѣтеленъ, кто руководится полными идеями и имѣетъ истинное познаніе о вещахъ ¹⁾. Для человѣка самый лучший способъ сохранить свое существованіе, быть добродѣтельнымъ—это жить по указаніямъ разума. „Дѣйствовать вполнѣ (absolute) по добродѣтели, говорить Спиноза, значитъ въ насъ не что иное, какъ дѣйствовать по руководству разума, жить, сохраняя свое существованіе (эти три акта означаютъ одно и то же) на основаніи исканія собственной пользы“ ²⁾. Истинно добродѣтельнымъ, удовлетвореннымъ человѣкомъ можетъ быть только мудрецъ-философъ. Жизнь мудреца носить особый характеръ и отличается отъ жизни обыкновенныхъ страстныхъ людей.

Прежде всего мудрецъ не подверженъ страстнымъ аффектамъ, но представляетъ себя существомъ исключительно дѣятельнымъ. Это сознаніе своей дѣятельности наполняетъ его душу спокойствіемъ и радостію. Значитъ мудрецъ испытываетъ только дѣятельные аффекты пожеланія и радости; печаль же для него совершенно чужда.—Мудрый человѣкъ и невѣжда одинаково стремятся къ своей пользѣ, но въ то время, какъ послѣдній превратно понимаетъ свою пользу, болѣе гоняется за миражами своего воображенія, чѣмъ за дѣйствительно полезными, первый понимаетъ, что для него полезно. Не зная своей истинной пользы и находясь подъ вліяніемъ страдательныхъ аффектовъ, люди часто враждуютъ между собою: исканіе ими своей пользы находится въ противорѣчій съ такими же исканіями другихъ людей. Для человѣка разумнаго такого противорѣчія быть не можетъ. Все то, что согласно съ природою человѣка, то не можетъ противорѣчить ея стремленіямъ. Но поскольку люди дѣйствуютъ по руководству разума, постольку всѣ они сходны между собою. Вслѣдствіе этого, ничего нѣтъ болѣе полезнаго для человѣка, какъ человѣкъ же, руководящійся своимъ разумомъ ³⁾. Такимъ образомъ люди

¹⁾ Ibidem. XXIII.

²⁾ Ibid. XXIV.

³⁾ Eth. IV. Prop. XXXV.

разумные никогда не будутъ враждовать другъ съ другомъ, хотя каждый изъ нихъ ищетъ исключительно своей личной пользы. „Когда каждый человѣкъ наиболѣе ищетъ себѣ своей пользы, говоритъ Спинноза, тогда люди наиболѣе полезны другъ другу“ ¹⁾. Отсюда, только свободные отъ страсти люди могутъ хорошо жить въ обществѣ. „Человѣкъ, руководящійся разумомъ, по мнѣнію Спиннозы, болѣе свободенъ въ гражданскомъ обществѣ, гдѣ онъ живетъ по общему поставовленію, чѣмъ въ уединеніи, гдѣ онъ повинуется только самому себѣ“ ²⁾. Прямодушіе и благодарность, столь рѣдкія между людьми и столь необходимыя для человѣческаго общежитія, суть постоянныя и неотъемлемыя свойства мудреца ³⁾.

Люди, обуреваемые страстями, не могутъ спокойно обсудить этихъ своихъ душевныхъ состояній, но всецѣло увлекаются ими. Наоборотъ, философъ, стоящій выше всего этого, можетъ безпристрастно отвестись къ своимъ стремленіемъ и душевнымъ порывамъ, можетъ спокойно обсудить ихъ со стороны причинъ и послѣдствій. Прежде чѣмъ поддаться какимъ-нибудь аффектамъ, философъ сначала обсудитъ: полезны-ли ему эти аффекты или нѣтъ?—Если разсуждать принципиально, то можно сказать, что радостныя аффекты вообще есть добро, а печальныя, наоборотъ,—зло, потому что первые поддерживаютъ наше стремленіе къ самоутвержденію, а вторые противорѣчатъ ему ⁴⁾. Всѣ печальныя аффекты служатъ свидѣтельствомъ безсилія человѣка, а радостныя свидѣствуютъ объ его добродѣтели. Веселость есть добро, а меланхолія—зло. Но, если печальныя аффекты всегда суть зло, то относительно радостныхъ нужно сдѣлать нѣкоторое ограниченіе. Дѣло въ томъ, что *страдательныя* радостныя аффекты все-же суть страсти, а потому могутъ имѣть нѣкоторыя дурныя стороны: именно, они могутъ переходить границу должнаго и потому могутъ быть названы отчасти зломъ. Такое излишество, напримѣръ, можетъ имѣть игривость. Послѣдняя „есть радость, которая, поскольку она относится къ тѣлу, состоитъ въ томъ, что одна или нѣсколько частей его испытываютъ больше

1) Fth. IV. Corol. 1.

[²⁾ Ibid. Prop. LXXIII.

³⁾ Ibid. Prop. LXXIII, LXXI, Schol.

⁴⁾ Ibidem. Prop. XL.

впечатлѣній, чѣмъ остальные (*prae reliquis afficiuntur*)¹⁾. Это свойство ирривости можетъ привести къ тому, что человекъ, занятый исключительно одними этими впечатлѣніями, не будетъ способенъ къ воспріятію другихъ впечатлѣній; а это есть зло. Такое же излишество могутъ имѣть любовь и пожеланіе. Но ненависть есть всегда зло. Поэтому человекъ разумный, не предаваясь излишеству въ любви и пожеланіи, не станетъ однако питать ненависти къ своимъ врагамъ, но будетъ стараться побуждать любовію и великодушіемъ ихъ гнѣвъ и презрѣніе²⁾. Гордость, хотя и радостный аффектъ, но тѣмъ не менѣе есть зло, ибо она происходитъ изъ незнанія человекомъ самого себя. Незнаніе есть безсиліе души; поэтому гордость указываетъ на безсиліе души и величайшая гордость есть признакъ величайшаго безсилія души³⁾.

Въ человекѣ иногда возникаютъ также аффекты, которые, хотя и нечальны, но—наше обычное нравственное сознаніе запрещаетъ считать дурными. Таковы, наприм., аффекты страданія, смиренія и раскаянія. Спиноза и здѣсь остается вѣренъ себѣ: нравственное сознаніе людей онъ смѣло и безъ всякаго колебанія приносить въ жертву человѣческому разуму съ его понятіями и неумолимыми логическими законами. Что состраданіе зло—это очевидно уже изъ того, что оно печальный аффектъ. Но оно бесполезно для человекъ, живущаго по руководству своего разума, ибо только на основаніи его одного можно побуждаться къ истинно доброду и полезному⁴⁾. Смиреніе, т. е. сознаніе своего безсилія, не можетъ происходить изъ разума и потому не есть добродѣтель⁵⁾. „Раскаяніе, говоритъ Спиноза, не есть добродѣтель, другими словами, не происходитъ изъ разума, но тотъ, кто раскаявается въ сдѣланномъ, вдвойнѣ жалокъ или безсиленъ“⁶⁾, потому что онъ сначала допускаетъ себя поддаться дурному пожеланію, а потомъ печали. Истинный философъ воздержится отъ состраданія къ другимъ людямъ, не будетъ говорить о своемъ безсиліи и слабости и не станетъ раскаяваться въ совершенныхъ ошиб-

1) Eth. IV. Prop. XLIII

2) Ibidem. Prop. XLVI.

3) Ibid. LX, LVI.

4) Eth. IV. Prop. L.

5) Ibid. LIII.

6) Ibid. LIV.

кахъ. Впрочемъ эти аффекты бесполезны только для мудреца; для людей же средняго уровня они могутъ быть полезными, удерживая, наприм., слабыхъ духомъ отъ своеволія и горлости. „Если заблуждаться, говоритъ Спиноза, то лучше заблуждаться въ этомъ направленіи“ ¹⁾. Такимъ образомъ Спиноза, признавая нѣкоторое значеніе за страдательными аффектами радости, не даетъ никакой цѣны печальнымъ аффектамъ: послѣдніе для человѣка, имѣющаго истинное познаніе о вещахъ, совершенно бесполезны.

Самое познаніе зла есть печаль и свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣкъ не имѣетъ полезнаго познанія. Поэтому, если бы человѣческая душа имѣла только полныя идеи и если бы люди жили только по руководству разума, то они никогда не имѣли бы понятія о злѣ ²⁾. Самое большое зло для человѣка—это смерть. Но мудрецъ не подчиненъ страстямъ: онъ руководится своимъ разумомъ. Это значить, что онъ дѣйствуетъ или, что то же, стремится жить и удаляетъ отъ себя все тѣ, что противорѣчатъ этому его стремленію, и поэтому онъ удаляетъ отъ себя мысль о смерти. Истинная „мудрость, по словамъ Спинозы, есть размышленіе не о смерти, а о жизни“ ³⁾.

Если въ интересахъ собственной пользы и счастья человѣку выгоднѣе руководиться разумомъ, чѣмъ волноваться страстями, то, очевидно, онъ долженъ стараться побѣждать свои страстные аффекты. Но возможно-ли это? Человѣкъ представляетъ изъ себя вещь между вещами и потому ему нельзя избѣжать общаго удѣла всѣхъ вещей; нельзя избѣжать причинной зависимости отъ окружающей среды. Какъ модусъ, человѣкъ всегда будетъ испытывать на себѣ дѣйствія другихъ такихъ же модусовъ, будетъ имѣть неполныя идеи и волноваться аффектами не только радостными, но и печальными. Можетъ ли, разумъ измѣнить этотъ порядокъ и, если можетъ, то какимъ образомъ?

По мнѣнію Спинозы, такая борьба не только возможна, но и необходима: человѣкъ, волнуемый страстными аффектами не можетъ руководиться разумомъ и, наоборотъ, философъ не мо-

¹⁾ Ibidem., LH. Schol.

²⁾ Eth IV. Prop LXIV и Corol

³⁾ Ibid. Prop. LXVII.

жетъ быть рабомъ своихъ страстей. Природа разума съ одной стороны и природа человѣческихъ страстей съ другой — не только обусловливаютъ возможность этой борьбы, но и предопредѣляютъ самый ходъ ея.

Правда, аффектъ можетъ быть уничтоженъ ни чѣмъ либо инымъ, какъ аффектомъ же; поэтому одно только познание добра и зла, хотя бы истинное, не можетъ укротить нашихъ страстей ¹⁾. Но, такъ какъ разумъ и воля одно и то же, то нѣтъ ни одной идеи, которая не соединялась бы съ какимъ нибудь пожеланіемъ и не сопровождалась бы какимъ нибудь аффектомъ. „Познание добра и зла, говоритъ Спиноза, есть нечто иное, какъ аффектъ радости или печали, поскольку мы сознаемъ его“ ²⁾. Если это такъ, то, значить, нашъ разумъ можетъ вліять на укрощеніе нашихъ страстей: мы можемъ нашимъ страдательнымъ аффектомъ противопоставлять дѣятельные аффекты, возникающіе отъ дѣятельности разума. Съ другой стороны, всѣ наши страсти суть такія душевныя движенія, которыя сопровождаются представленіемъ какой нибудь внѣшней причины. Если же эти душевныя движенія отдѣлить въ мысли отъ ихъ причины, то черезъ это и самыя аффекты уничтожаются ³⁾. Затѣмъ, всякая страсть возникаетъ въ нашей душѣ, когда мы имѣемъ неполныя идеи. Если же мы составимъ о ней ясную и отчетливую идею, то она перестанетъ быть страстью ⁴⁾. Выводъ ясенъ. Для того, чтобы избавиться отъ страстей, стоитъ только составить о нихъ ясныя, и отчетливыя идеи. „Такимъ образомъ, говоритъ Спиноза, аффектъ тѣмъ болѣе находится въ нашей власти и душа тѣмъ меньше страдаетъ отъ него, чѣмъ онъ извѣстнѣе намъ“ ⁵⁾. То, что обще всѣмъ вещамъ, о томъ мы можемъ составить ясную и отчетливую идею ⁶⁾. А такъ какъ между всѣми тѣлесными впечатлѣніями, есть нѣчто общее, то нѣтъ изъ нихъ ни одного такого, о которомъ мы не могли бы составить полной идеи. Но аффектъ есть идея тѣлеснаго впечатлѣнія; слѣдовательно, „нѣтъ аффекта, о которомъ мы не могли бы составить какого либо яснаго и

¹⁾ Eth. IV. Prop. XIV.

²⁾ Ibid. VIII.

³⁾ Eth. V. Prop. II.

⁴⁾ Ibid. III.

⁵⁾ Ibid. Corol.

⁶⁾ Ibid. II. Prop. XXXVIII.

отчетливаго представленія“¹⁾). Всѣ аффекты находятся въ нашей власти.— Сила нашихъ страстей много зависитъ отъ того, представляемъ ли мы вещи, произведшія эти аффекты свободными, или необходимыми, или случайными. Если мы будемъ представлять вещи необходимыми причинами нашихъ аффектовъ, то послѣдніе будутъ имѣть надъ нами наименьшую силу. Но такъ какъ въ мірѣ нѣтъ другого порядка, кромѣ порядка вѣчной необходимости и не существуетъ другого закона въ отношеніи вещей между собою, кромѣ закона причинности, то значить, истинное познаніе вещей можетъ заключаться только въ утвержденіи этого порядка: разумъ, поскольку онъ обладаетъ полными идеями, всегда будетъ мыслить вещи и ихъ дѣйствія необходимыми. Вотъ гдѣ главное различіе между невѣждами и человѣкомъ, свободнымъ отъ страстей. Невѣжды не могутъ, такъ сказать, высоко подняться надъ землею, надъ всею личностію и потому смотрятъ на міръ съ точки зрѣнія своего собственнаго ограниченнаго „я“. Не имѣя истиннаго познанія объ общемъ міровомъ порядкѣ, они считаютъ себя за центръ міра и думаютъ, что и самый міръ существуетъ только для нихъ однихъ. Отсюда, ихъ скорбь при малѣйшемъ несчастіи, отсюда же ихъ неумѣренная радость при счастливыхъ обстоятельствахъ жизни. Не то представляетъ изъ себя философъ. Онъ, посредствомъ идей своего разума, высоко воспаряетъ надъ конечными, ограниченными вещами и съ высоты птичьяго полета созерцаетъ всѣ вещи и въ томъ числѣ самого себя въ ихъ вѣчной необходимости,—„*sus specie aeternitatis*“²⁾). Мудрецъ знаетъ, что несчастія необходимы въ жизни человѣка и ничто не можетъ отвратить ихъ отъ него; поэтому онъ со спокойствіемъ переноситъ ихъ безъ всякаго ропота и печали. Сознаніе того, что онъ уразумѣлъ сущность міровой жизни и заключающуюся въ вѣчномъ міровомъ порядкѣ или Богѣ, наполняетъ его душу довольствомъ и радостію³⁾). Въ тоже время мудрецъ представляетъ Бога, какъ внѣшнюю причину своей радости; поэтому онъ начинаетъ любить Бога. Душевная жизнь обыкновенныхъ людей проходитъ въ смѣнѣ различныхъ страда-

¹⁾ Ibid. V, Prop. IV. Corol.

²⁾ Eth. V. Prop. XXIX.

³⁾ Ibid. Prop. XV.

тельныхъ аффе́ктовъ радостныхъ и печальныхъ; любовь къ Богу наполняетъ душу мудреца новымъ, высшимъ и лучшимъ содержаніемъ. Эта любовь не похожа на обыкновенную человѣческую любовь. Та любовь, которою люди любятъ другъ друга, измѣнчива и можетъ переходить въ ненависть. Любовь къ Богу постоянна и вѣрна. Ненавидѣть Бога невозможно, потому что ненависть, какъ печальный аффе́ктъ, можетъ возникать только изъ неполныхъ идей; познаніе же Бога не можетъ быть инымъ, какъ только полнымъ ¹⁾. Можетъ быть скажутъ: Богъ есть причина всего, слѣдовательно — причина печали, а потому его можно ненавидѣть; но на это можно возразить, что разъ мы понимаемъ причину печали (Бога), то эта печаль перестаетъ быть страстію и потому не можетъ переходить въ ненависть ²⁾. Наша обычная любовь есть страдательный радостный аффе́ктъ; любовь же къ Богу возникаетъ изъ непосредственнаго созерцанія Божества въ формѣ причиннаго міропорядка: она есть слѣдствіе истиннаго полного познанія Бога и въ этомъ смыслѣ она есть любовь (*amor Dei intellectualis*) ³⁾.

Какъ существо исключительно дѣятельное, не подверженное страстямъ, Богъ, строго говоря, никого не можетъ ни любить, ни ненавидѣть. Вслѣдствіе этого, человѣкъ, позвавшій и полюбившій Бога, не можетъ требовать себѣ взаимности съ Его стороны. Такимъ образомъ, любовь къ Богу безкорыстна ⁴⁾.

Въ обыденной жизни люди желаютъ единолично обладать любимымъ существомъ; отсюда между ними возникаетъ ревность, зависть и т. п. Но любовь къ Богу, какъ высшее благо, всѣмъ равно доступна: всѣ люди въ равной мѣрѣ могутъ познавать Бога и любить Его. Слѣдовательно, эта любовь не ревнива ⁵⁾. Человѣческая любовь временна: она зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ и отъ существованія человѣческаго тѣла. Поэтому съ разрушеніемъ тѣла она прекращается. Интеллектуальная же любовь къ Богу вѣчна ⁶⁾, такъ какъ она не зависитъ ни отъ внѣшнихъ причинъ, ни отъ человѣ-

¹⁾ Ibid. Prop. XVIII.

²⁾ Ibid. Prop. XVIII. Schol.

³⁾ Ibid. l. r. XVII. Corol. Prop. XIX.

⁴⁾ Eth. V. Prop. XX.

⁵⁾ Ibid. XXXIII.

⁶⁾ Eth. V. Prop. XXXVI.

ческаго тѣла, но только отъ разума, который не разрушимъ и познаетъ вещи подъ формою вѣчности.

Богъ тоже сознаетъ свою дѣятельность и потому радуется. Но такъ какъ для Бога эта радость сопровождается идеей Его Самого, какъ причины Своей радости, то и Богъ любитъ Себя интеллектуальною любовью. Здѣсь Спиноза приходитъ къ мистическому отождествленію человѣческой любви къ Богу съ любовію Бога къ самому Себѣ ¹⁾. Отсюда, Богъ, любя са-мого Себя, вмѣстѣ съ тѣмъ любитъ людей.

Такимъ образомъ человѣкъ, любящій Бога высшею интел-лектуальною любовію, получаетъ себѣ высшее удовлетвореніе и блаженство. Но нельзя думать, что это блаженство является для него наградою за его познаніе Бога, т. е. за его добро-дѣтель. Нѣтъ, это блаженство состоитъ въ самомъ познаніи, въ самой добродѣтели. Чѣмъ человѣкъ блаженнѣе, тѣмъ онъ добродѣтельнѣе и наоборотъ. Человѣкъ, руководящійся своимъ разумомъ, не потому наслаждается блаженствомъ, что сдерживаетъ свои страсти, а, наоборотъ, сдерживаніе страстей воз-можно лишь тогда, когда человѣкъ достигъ высшаго познанія Бога и высшаго блаженства ²⁾.

Таковы, кратко говоря, этические положенія Баруха Спинозы. Къ какому или къ какимъ же типамъ этическихъ ученій нужно отнести эту этику?

Въ рѣшеніи основного этического вопроса о свободѣ воли Спиноза является безусловнымъ детерминистомъ. Но нужно замѣтить, что это у Спинозы не значитъ, чтобы человѣческія дѣйствія совершались помимо воли человѣка, безъ всякаго со стороны его участія. Нѣтъ, человѣкъ имѣетъ свою волю и является иногда дѣйствующею вполнѣ, а иногда дѣйствующею отчасти причиною своихъ поступковъ. Но дѣятельность чело-вѣка подчинена законамъ причинной необходимости и потому механична. Для насъ понятія: механическій и нравственный противоположны; Спиноза же представилъ въ своей системѣ, именно, механику нравственности. Итакъ, вопросъ о свободѣ воли Спиноза рѣшилъ въ духѣ механическаго детерминизма.

¹⁾ Ibidem, Pr. XLII.

²⁾ Ibidem, Prop. XVII.

Внутреннимъ принципомъ нравственности, по мнѣнію Спинозы, является эгоизмъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Онъ постарался вывести изъ него всѣ человѣческія дѣянія и стремленія; поэтому система Спинозы можетъ быть названна моралью эгоизма. Попытка Спинозы обосновать всю человѣческую дѣятельность на эгоизмѣ, не смотря на всю свою односторонность, должна быть признана очень оригинальною, занимательною и серьезною. Конечно, однимъ эгоизмомъ нельзя объяснить всей области нравственныхъ явленій, но нельзя также съ достовѣрностію утверждать, что нравственно добрые поступки имѣютъ въ своей основѣ *исключительно* альтруизмъ. Въ самыхъ безкорыстныхъ, повидимому, поступкахъ всегда можно отыскать эгоистическіе мотивы. Нравственность имѣетъ въ своей основѣ и эгоизмъ и альтруизмъ, и эти два начала въ глубинахъ человѣческаго духа какъ бы переплетаются между собою. Поэтому-то въ словахъ Спинозы, что „когда каждый человѣкъ наиболѣе ищетъ своей пользы, тогда люди наиболѣе полезны другъ другу“, по нашему мнѣнію, не только нѣтъ никакого внутренняго противорѣчія, но даже заключается много внутренняго смысла и слышится много правды. Внѣшнимъ проявленіемъ эгоизма, по мнѣнію Спинозы, является для насъ стремленіе къ тому, что намъ полезно и отвращеніе отъ всего того, что намъ вредно. Отсюда, внутренній принципъ человѣческихъ поступковъ—эгоизмъ—проявляется во внѣ въ формѣ утилитаризма.

Внѣшній формальный принципъ нравственности Спиноза положилъ въ интеллектъ. Спиноза вообще признавалъ интеллектъ, за самую существенную часть человѣческаго духа. А атрибутъ субстанціи, служащій, по его мнѣнію, основою всѣхъ духовныхъ явленій, онъ назвалъ мышленіемъ. Душу человѣческую онъ обозначалъ латинскимъ словомъ „mens“, которое болѣе обозначаетъ: умъ, разумъ, мысль, чѣмъ душу. Онъ подчинилъ волю разуму, въ результатъ чего получилось, что идеи разума для Спинозы были не простыми логическими понятіями или представленіями, а дѣятельными аффектами, измѣнявшими всю жизнь человѣка.

Нельзя сказать, что Спинозѣ удалось вполне выполнить свою

задачу, т. е. объяснить внѣ стороны человѣческой жизни и дѣятельности закономъ ихъ необходимости. Въ его этической системѣ находится одинъ очевъ важный недостатокъ, который, по нашему мнѣнію, значительно понижаетъ внутреннее достоинство этой системы. Недостатокъ этотъ состоитъ въ томъ, что этика Спинозы не объясняетъ, да и объяснить не можетъ, происхожденіе зла въ мірѣ. Положимъ, Спиноза замѣнилъ нравственныя понятія: добро и зло, утилизарными: пользою и вредомъ, но дѣло отъ этого мало поправляется.—Пусть такъ но откуда могъ произойти этотъ вредъ, это столкновеніе частныхъ интересовъ, противодѣйствіе людей другъ другу? Если въ основѣ всего міра модусовъ лежитъ, какъ думаетъ Спиноза, единая недѣлимая субстанція, единственная причина всѣхъ вещей, то невозможно допустить противорѣчія между причинами и дѣйствіями, основаніями и слѣдствіями. Изъ одной и той же причины *не можетъ быть* дѣйствій противоположныхъ, исключających другъ друга... Итакъ фактъ существованія зла въ мірѣ или вреда, какъ говорятъ Спиноза, съ точки зрѣнія метафизическихъ принциповъ Спинозы не только необъяснимо, но даже находится въ противорѣчіи съ ними. Спиноза въ своей „этикѣ“ даже не касался этого вопроса; онъ просто взялъ этотъ самъ по себѣ совершенно достоверный фактъ существованія зла въ мірѣ, принялъ его на вѣру и сталъ дѣлать изъ него разные выводы, не подозревая, что этотъ фактъ колеблетъ всѣ догматическіе устои его системы.

Не смотря на всю свою внѣшнюю стройность, этическія положенія Спинозы искусственны. Цѣлая область нравственныхъ явленій, и, именно, печальныя, и вытекающіе изъ нихъ поступки являются какъ бы искусственно прилаженными къ его системѣ и не вытекаютъ съ необходимостію изъ ея основныхъ принциповъ.

Л. Багрецовъ.

Гипнотизмъ и внушеніе предъ судомъ науки и религіи.

(ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(Продолженіе *).

§ 2. Классификація гипнотическихъ явленій. Природа гипноза: аналогія съ обыкновеннымъ сномъ. Способы гипнотизированія и пробужденія. Гипнотизмъ и внушеніе. Характеристика явленій и состояній, наблюдаемыхъ въ гипнозѣ. Роль и значеніе внушенія въ гипнотическихъ явленіяхъ. Специальные органическіе и психическіе эффекты внушенія. Пост.—гипнотическія внушенія. Мысленное внушеніе (телепатія) и средныя съ нимъ явленія. Научно-теоретическія объясненія гипнотизма.

Болѣе или менѣе подробное и добросовѣстное изученіе литературы о гипнотизмѣ должно убѣдить всякаго въ томъ, что дать точную и строгую классификацію гипнотическихъ явленій, до бесконечности разнообразныхъ и измѣняющихся сообразно индивидуальнымъ особенностямъ гипнотизируемыхъ субъектовъ и различнымъ способамъ гипнотизаціи, положительно невозможно. Существующія въ наукѣ классификаціи нельзя признать удачными и вполне точными. Для примѣра представимъ кратко классификаціи Шарко и Бернгейма, представителей двухъ, уже извѣстныхъ вамъ, школъ. Шарко, какъ мы видѣли, исходитъ изъ того положенія, что только у истеричныхъ или эпилептиковъ можно наблюдать полную картину гипнотическихъ явленій, и дѣлитъ эти явленія на три главныя фазы: летаргію, каталепсію и сомнамбулизмъ. Укажемъ (по Шарко) характерныя признаки каждой изъ этихъ стадій гипноза. *Летаргія*: глаза субъекта полузакрываются, вѣки иногда вздрагиваютъ; члены тѣла вялы, произвольныя движенія невозможны;

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 13 за 1906 г.

наблюдается полная анестезія при чрезмѣрномъ, однако, повышеніи нервно-мышечной возбудимости; внушенія почти невозможны и часто безуспѣшны. *Каталенсія*: субъектъ неподвиженъ; глаза открыты и взглядъ недвижимъ; самыя трудныя и странныя положенія, приданныя тѣлу субъекта, сохраняются имъ очень долгое время; наблюдается полная аналгезія (нечувствительность къ боли); внушенія въ значительной мѣрѣ возможны. *Сомнамбулизмъ*: явленія очень сложны, не поддаются описанію; наблюдается чрезвычайная воспримчивость къ внушеніямъ; субъектъ движется съ закрытыми или открытыми глазами, исполняетъ приказанія гипнотизера, на вопросы котораго отвѣчаетъ безъ труда; по пробужденіи бываетъ полная амнезія (субъектъ не помнитъ о своей дѣятельности во время сна); на ряду съ аналгезіей кожи замѣчается значительная острота мускульнаго чувства, зрѣнія, слуха и обонанія. Эти три стадіи или состоянія гипноза легко могутъ переходить другъ въ друга и наблюдаются только у истеричныхъ субъектовъ. Но мы уже видѣли, что нансійская (психологическая) школа не сочувствуетъ такому пониманію и такой характеристикѣ явленій гипноза; представители этой школы утверждаютъ, что они среди своихъ субъектовъ—паціентовъ не могли найти тѣхъ трехъ состояній, какія были найдены Шарко (и его учениками у истеричныхъ субъектовъ въ Сальпетриерѣ ¹⁾). Вообще, нансійская школа, держась совершенно иныхъ воззрѣній на природу гипнотизма, устанавливаетъ и свою особую классификацію, основанную преимущественно на психическихъ признакахъ и явленіяхъ гипноза. Такъ, Льебо и Бони различаютъ пять степеней гипноза: сонливость, легкій сонъ, глубокій сонъ, очень глубокій сонъ и сомнамбулизмъ; Бернгеймъ различаетъ 9 степеней, при чемъ—характеризуетъ ихъ только отчасти согласно съ теоріей Шарко, и—главнымъ образомъ—съ точки зрѣнія эффектовъ, производимыхъ внушеніемъ. Впрочемъ, сами даже послѣдователи Шарко подчасъ противорѣчатъ ему. Такъ, Бине и Фере говорятъ: „существуетъ множество истеричныхъ, у

¹⁾ *Кирилловъ*—Соврем. состояніе вопроса о гипн., стр. 20; сравн. *Bernheim* De la suggestion... etc. I, pag. 105 sqq. и др.

которыхъ не наблюдается подраздѣленія гипноза на три періода; это исключеніе обнаруживается чаще: чѣмъ самое правило“¹⁾... При такомъ разнообразіи и взаимномъ противорѣчій указанныхъ классификацій, мы не видимъ особенной необходимости вносить въ нихъ искусственное единство или гармонію и создавать новую классификацію. Наиболее существенныя черты гипнотическихъ явленій будутъ систематически изложены нами при общей характеристикѣ тѣхъ состояній, какія наблюдаются у субъектовъ во время гипноза. Но прежде, чѣмъ приступить къ этой характеристикѣ, скажемъ нѣсколько словъ о самой природѣ гипноза и о наиболее употребительныхъ способахъ (пріемахъ) гипнотизаціи.

Стараясь выяснить природу гипнотизма, ученые изслѣдователи давно уже обратили вниманіе на сходство его съ обыкновеннымъ или естественнымъ сномъ. Такъ, по мнѣнію парижской школы, „гипнозъ представляетъ въ сущности только видоизмѣненіе естественнаго сна; всякаго рода возбужденія, порождающія усталость, способны вызвать гипнозъ у predisposedныхъ къ тому субъектовъ“²⁾. Проф. Форель замѣчаетъ, что „средство гипноза со сномъ несомнѣнно, при чемъ гипнозъ отличается отъ сна только связью между спящимъ и гипнотизаторомъ“³⁾. Проф. Прейеръ такъ опредѣляетъ гипнотизмъ: „въ дѣйствительности гипнотизмъ представляетъ группу искусственно вызываемыхъ измѣненій въ функціяхъ мозга, — измѣненій, родственныхъ состоянію естественнаго сна, только болѣе разнообразныхъ: оба наступаютъ послѣ продолжительнаго, однообразнаго, не особенно сильнаго, но утомительнаго возбужденія органовъ чувствъ“⁴⁾ Но такая общепризнанная аналогія между гипнотическимъ и естественнымъ сномъ отнюдь еще не служитъ ручательствомъ того, что мы въ точности можемъ познать самую природу гипноза, такъ какъ знанія современной психо-физиологіи по вопросу о природѣ и причинахъ обыкновеннаго, естественнаго сна тоже еще далеко не

1) *Binet et Fere*—Le magnetisme animal; есть рус. пер.: см. выше.

2) *Binet et Fere*—Животный магнетизмъ, рус. пер. стр. 95.

3) *Forel*—Der Hypnotismus, seine psychophys... etc. S. 38.

4) *Preyer*—Der Hypnotismus, S. 58.

совершенны. Говоря о причинахъ гипноза, какъ и естественнаго сна, физиологи обыкновенно видятъ эти причины въ усталости высшихъ нервныхъ центровъ; но кому неизвѣстны факты частой бессонницы вслѣдствіе сильной усталости, или увеличенія потребности сна въ зависимости отъ возрастанія числа часовъ, проводимыхъ въ немъ?... Однако, стремленіе ученыхъ изслѣдователей провести вышеуказанную аналогію нельзя признать совершенно безцѣльнымъ, такъ какъ обыкновенный сонъ, какъ явленіе все-таки естественное, стоитъ гораздо ближе къ вашему уразумѣнію, чѣмъ искусственный и загадочный гипнозъ. Укажемъ кратко—въ чемъ усматривается эта аналогія.

Въ ряду условій, возбуждающихъ сонливость, едва-ли не первое мѣсто занимаютъ разныя монотонно-однообразныя слуховыя и зрительныя раздраженія (напр., невыразительное чтеніе, неподвижное сосредоточеніе взгляда на блестящемъ предметѣ и т. п.); все это, по теоріи Брэда, какъ мы видѣли, способствуетъ и наступленію гипноза. Затѣмъ, одни субъекты во время сна почти не порываютъ связи съ внѣшнимъ міромъ, спятъ очень чутко и при малѣйшемъ шорохѣ просыпаются,—тогда какъ другіе реагируютъ на всякія раздраженія, разговариваютъ, отвѣчаютъ на вопросы, даже встаютъ и работаютъ, не просыпаясь; вотъ такихъ-то глубоко спящихъ субъектовъ очень легко перевести изъ нормальнаго сна въ гипнотическій, въ теченіе котораго воля ихъ всецѣло будетъ находиться во власти гипнотизера (Бернгеймъ). Такимъ образомъ, явленіямъ гипнотическаго сомнамбулизма, искусственно выываемымъ гипнотизеромъ, вполне соотвѣтствуютъ явленія естественнаго сомнамбулизма у глубоко спящихъ субъектовъ (разговоры, сложныя дѣйствія во время сна и т. п.). Далѣе: когда гипнотикъ слышитъ самыя слабыя и тихія слова гипнотизера, оставаясь совершенно глухимъ къ другимъ очень сильнымъ звукамъ постороннихъ лицъ, то здѣсь, вѣроятно, дѣйствуетъ та же психическая причина, по которой—напр.—любящая мать просыпается при малѣйшемъ шорохѣ своего ребенка, между тѣмъ какъ сильный храпъ взрослого человѣка, или какой-нибудь другой посторонній звукъ отнюдь не будитъ ее. Нако-

нецъ, если обратить вниманіе на сновидѣнія, которыми естественно сопровождается всякій нормальный сонъ, то они по своей психологической природѣ легко могутъ быть поставлены въ аналогію съ тѣми галлюцинаторными представленіями, которыя искусственно вызываются внушеніемъ гипнотизера. Вообще, всѣ „внушенные въ состояніи гипноза образы, идеи и дѣйствія представляютъ собою у загипнотизированныхъ субъектовъ не иное что, какъ вызванный и руководимый экспериментаторомъ сонъ“ (Бине и Фере). Известно, вѣдь, что путемъ различныхъ искусственныхъ приемовъ и дѣйствій можно, по желанію, измѣнять направленіе и характеръ сновидѣній у человѣка, спящаго обыкновеннымъ нормальнымъ сномъ. Мори (ученый изслѣдователь явленій сна и сновидѣній) рассказываетъ, что когда ему во время сна поднесли къ носу одеколонъ, ему приснилось, что онъ находится въ парфюмерномъ магазинѣ; ущипнувъ спящаго въ затылокъ, вызвали представленіе о наложенномъ на голову парывномъ пластырѣ: отсюда сновидѣніе перешло къ доктору, лѣчившему Мори въ дѣтствѣ и т. п. ¹⁾ Разговоры, которые ведутся вслухъ, также могутъ вліять на направленіе сновидѣній спящаго въ той-же комнатѣ человѣка. Конечно, всѣ эти факты могутъ быть поставлены только въ самую отдаленную аналогію съ той зависимостью, которая устанавливается въ гипнозѣ между пациентомъ и гипнотизаторомъ. Зависимость эта, можно сказать, безпредѣльна. Для гипнотика, такъ же, какъ и для глубоко-спящаго человѣка, исчезаетъ все внѣшнее, окружающее, но за исключеніемъ гипнотизатора. Мысль гипнотика работаетъ, но только въ томъ направленіи, въ какомъ угодно гипнотизатору; его воля, внѣшнія чувства, нервныя центры, завѣдующіе органами чувствъ, безусловно и всецѣло подчинены гипнотизатору, и функционируютъ только въ зависимости отъ воли послѣдняго. Такимъ образомъ, „гипнозъ есть сонъ, еще болѣе глубокій, чѣмъ нормальный, но отличающійся отъ этого послѣдняго тѣмъ, что вся душевная дѣятельность субъекта, прекратившаяся для всего міра, энергично возбуждается однимъ человѣкомъ—гипно-

¹⁾ *Maurry—Saummeil et rêves*, p. 127.

тизаторомъ“ ¹⁾... Такое явленіе объясняютъ обыкновенно внушеніемъ: субъектъ, говорятъ, засыпая подѣ воздействиемъ гипнотизатора, думаетъ о немъ все время,—или, по выраженію Льебо, „сохраняетъ въ сномѣ умѣ идею того, кто его усыпляетъ, и подчиняетъ этой идеѣ свое вниманіе и свои чувства“. Если въ опытѣ участвуютъ два гипнотизатора, то оба они имѣютъ одинаковое вліяніе на субъекта. Интересенъ опытъ, произведенный Ш. Рише. Когда одна больная, рассказываетъ онъ, была приведена въ сомнамбулическое состояніе, два экспериментатора, безъ всякаго противодѣйствія со стороны уснувшей, взяли ее одинъ за одну, другой за другую руку; векорѣ больная начала жать руки экспериментаторовъ и уже не выпускала ихъ; спеціальная притягательная сила проявлялась разомъ по отношенію къ обимъ,—причемъ, больная оказалась какъ-бы раздвоенной: на долю каждаго изъ экспериментаторовъ выпадала симпатія одной только половины больной, такъ что обладатель, напр., лѣвой руки встрѣчалъ сопротивленіе, если желалъ овладѣть правой рукой и наоборотъ ²⁾.

Физиологическія отличія естественнаго сна отъ гипнотическаго не имѣютъ существеннаго значенія для выясненія природы гипноза и не нарушаютъ проведенной нами выше аналогіи. Эти отличія могутъ быть сведены къ слѣдующему: во время обыкновеннаго сна зрачки суживаются, вѣки смежаются, дыханіе и пульсъ ослабляются,—тогда какъ при гипнозѣ, большей частью, наблюдается обратное: зрачки расширяются, вѣки раскрываются, дыханіе и пульсъ значительно усиливаются.

Что касается способовъ, при помощи которыхъ вызывается гипнозъ, то они настолько разнообразны и многочисленны, что было бы слишкомъ долго перечислять ихъ полностью. Къ числу наиболѣе употребительныхъ относятся слѣдующіе: 1) общее раздраженіе всей нервной системы; 2) продолжительныя монотонныя раздраженія органовъ чувствъ—зрѣнія (сосредоточеніе взгляда на одной блестящей точкѣ), слуха (тиканье часовъ и

1) *Вольфсонъ*.—Теорія гипнотизма, стр. 20.

2) Опытъ рассказалъ у *Бине* и *Фере* (указ. соч.); см. у *Битнера*.—Чудеса гипнотизма, стр. 189.

пр.), осязанія (пассы, дуновеніе и пр.); 3) раздраженія отдѣльныхъ частей тѣла, отличающихся особой чувствительностію; 4) словесное внушеніе и мысленное внушеніе или *телепатія* и т. п. Въ общемъ, всѣ почти приемы гипнотизаціи сводятся къ перевозбужденію вниманія, къ утомленію мозга и нервной системы, и сопровождаются внушеніемъ (чаще всего—словеснымъ). Извѣстный уже намъ представитель психологической школы гипнотизма, Бернгеймъ, предлагаетъ цѣлую теорію гипнотизаціи. Прежде, чѣмъ приступить къ гипнотизированію, гсворитъ онъ, слѣдуетъ освободить умъ субъекта отъ тайнаго страха предъ неизвѣстнымъ и, усыпивъ въ его присутствіи кого-нибудь другого, наглядно показать ему, что въ гипнозѣ нѣтъ ничего страшнаго, никакихъ тягостныхъ и болѣзненныхъ ощущеній. Когда субъектъ приобрѣтетъ довѣріе къ гипнозу, тогда ему гсворятъ: „смотрите на меня пристально и думайте только о томъ, чтобы спать; сейчасъ вы почувствуете тяжесть въ вѣкахъ; вотъ они уже мигаютъ и закрываются, вы не можете ихъ открыть; вы испытываете тяжесть въ рукахъ и въ ногахъ; вы больше ничего не чувствуете; ваши руки неподвижны; вы ничего не видите; сонъ уже наступаетъ“... Послѣ всѣхъ эгихъ словесныхъ внушеній, тономъ тихимъ, но внушительнымъ, прибавляютъ: „спите!“—и субъектъ обыкновенно засыпаетъ. Другіе субъекты бываютъ болѣе упорны, и съ ними приходится еще повозиться, употребляя разнаго рода „жесты“, фиксацію и т. п. ¹⁾. Но за то, если удалось усыпить извѣстнаго субъекта хоть разъ, то опъ уже—во власти гипнотизатора: съ каждымъ послѣдующимъ разомъ сонъ наступаетъ все быстрѣе и быстрѣе, и въ концѣ концовъ можетъ быть вызванъ почти мгновенно, однимъ словеснымъ приказаніемъ—„спите!“,—хотя бы даже на улицѣ. Такому быстрому гипнозу особенно легко поддаются истеричные больные, съ которыми часто производились опыты. Проф. Шарко однимъ своимъ появленіемъ и повелительнымъ жестомъ обращалъ всю палату истеричныхъ больныхъ въ его клиникѣ въ сонное царство. Можно приурочить наступленіе гипноза къ какому-нибудь дѣйствію, слову и т. п. Субъекту, напр., говорятъ: „какъ только

¹⁾ Bernheim—De la Suggestion... etc.

я скажу такое-то слово, сдѣлаю такой-то жестъ, сосчитаю десять... и т. д.—вы уснете“, --и субъектъ засыпаетъ въ самомъ разгарѣ разговора, услышавъ магическіе звуки. Сопровиженіе гипнозу бываетъ различно у разныхъ лицъ и обуславливается, какъ увидимъ ниже, особенностями психической природы субъектовъ, ихъ умственнымъ развитіемъ и т. п. Для субъекта, котораго еще ни разу не усыпляли, лучшимъ средствомъ сопротивленія гипнозу является, по замѣчанію проф. Бона, смѣхъ: „лишь только,—говоритъ этотъ ученый,—человѣкъ, котораго вы желаете усыпить, начинаетъ смѣяться и обращаетъ все дѣло въ шутку, вы можете оставить вашу попытку,—она не приведетъ ни къ чему“ ¹⁾. Отсюда вытекаетъ необходимость частыми опытами „воспитывать“ субъекта къ воспріятію гипноза.—Что касается способовъ пробужденія отъ гипноза, то они —въ общемъ—довольно просты. Конечно, пробужденіе субъекта, такъ-же какъ и усыпленіе его, всецѣло зависитъ отъ гипнотизатора. Никто посторонній не въ состояніи разбудить гипнотика. Его можно толкать, дуть въ лицо, брызгать холодной водой, даже—стрѣлять надъ его ухомъ, и онъ не проснется. Между тѣмъ, одно приказаніе гипнотизатора: „проснитесь!“, произнесенное не особенно громко, достаточно для прекращенія гипноза. При тѣхъ способахъ гипнотизаціи, какіе употребляются школой Шарко, достаточно бываетъ помахать спящему вѣеромъ въ лицо, или дунуть на него, и онъ просыпается.

Изъ сказаннаго выше уже можно заключить, что воспримчивость къ гипнозу у разныхъ лицъ далеко не одинакова. По мнѣнію проф. Фореля, „всякій психически здоровый человѣкъ можетъ быть загипнотизированъ, и только извѣстныя временныя душевныя состоянія (напр. сильныя аффекты) могутъ препятствовать успѣху опыта“ ²⁾. Для опредѣленія степени воспримчивости различныхъ субъектовъ къ гипнозу и внушеніямъ проф. Охоровичъ изобрѣлъ даже особый приборъ, такъ назыв. „гипноскопъ“. Но ученые изслѣдователи гипнотизма давно уже замѣтили, что эта степень воспримчивости въ значительной

¹⁾ Бони—Гипнотизмъ, стр. 15.

²⁾ Forel—Op. cit., S. 45 sqq.

мѣръ обуславливается: а) темпераментомъ и б) повтореніемъ опытовъ, или, какъ говорятъ обыкновенно, „гипнотическимъ воспитаніемъ“ субъекта. По наблюденіямъ проф. Прейера ¹⁾, люди, привычныя къ послушанію, довѣрчивые, впечатлительные; способные непрерывно сосредоточить свое вниманіе на одномъ пунктѣ..., легче гипнотизируются, чѣмъ люди, обладающіе обратными качествами“. Не только общая воспріимчивость къ гипнозу, но и самая характерная особенность его—степень внушимости—находится въ полной зависимости и соответствіи съ темпераментомъ ²⁾. Среди изслѣдователей гипнотизма (особ. въ школѣ Шарко) довольно распространено еще то мнѣніе, что болѣе воспріимчивые къ гипнотическимъ внушеніямъ субъекты принадлежатъ къ категоріи лицъ нервныхъ и невропатовъ: „наши наблюденія, говоритъ П. Риче, показали, что истерія представляетъ тѣсное средство съ гипнотическимъ неврозомъ и что истеричные были особенно пригодными для развитія явленій гипноза“ ³⁾. Съ этимъ мнѣніемъ, впрочемъ, не соглашается Бернгеймъ, который не считаетъ гипнотическое внушеніе неврозомъ, аналогичнымъ истеріи ⁴⁾;—но всё же безъ исключенія, лучшіе изслѣдователи гипнотизма согласны въ томъ, что повтореніе гипнотическихъ опытовъ (такъ наз. „гипнотическое воспитаніе“) повышаетъ воспріимчивость субъекта къ внушеніямъ до чрезвычайной степени, и объясняютъ это тѣмъ, что „при повтореніи одинаковыхъ экспериментовъ, какъ и при всякой нервной дѣятельности, появляется привычка“ ⁵⁾. Что касается простыхъ внушеній (безъ гипноза) въ бодрственномъ состояніи (эти внушенія впервые замѣтилъ и описалъ Бернгеймъ) ⁶⁾, то способность субъектовъ къ воспріятію ихъ значительно усиливается, по мысли многихъ ученыхъ, религіозною вѣрою, особенно если человекъ получилъ

1) *W. Preyer—Der Hypnotismus*, S. 63; сравн. *Кирилловъ*, стр. 45.

2) См. нашу статью: „Состояніе души пророковъ при откров. Духа св.“ стр. 28. Харьковъ 1902.

3) *P. Richer—Etudes cliniques sur la grande hystérie.. etc.*, p. 535; сравн. *Charcot—Lecons sur les maladies.. etc.* III, p. 356.

4) *Bernheim—De la Suggestion... etc.*, pag. XII Préf.

5) *Forel—Der Hypnotismus... etc.* S. 50—51.

6) *Bernheim—ibid.* pag. 116—127.

религіозное воспитаніе ¹⁾). А проф. Вундъ говоритъ о значеніи *вѣтры*—вообще, которая у чувствительныхъ субъектовъ легко вызываетъ даже гипнозъ, когда они *уверены*, что это состояніе должно непременно наступить ²⁾).

Изъ всего предыдущаго изложенія теоріи гипнотизма читатель легко могъ замѣтить, что явленія гипноза стоятъ въ тѣсной и самой непосредственной связи съ явленіями *внушенія вообще*. Цѣль и смыслъ гипноза опредѣляются внушеніемъ, такъ какъ искусственно вызванный сонъ (гипнозъ) представляетъ самое лучшее условіе воспріятія различныхъ внушеній, посредствомъ которыхъ экспериментаторъ воздѣйствуетъ на психику своего паціента. Самый терминъ „внушеніе“ отличается неопредѣленностью и нисколько не указываетъ на сущность обозначаемаго имъ явленія. Соответствующій ему иностранный терминъ „суггестія“ (= *suggérer, suggeriren*)—представляется въ данномъ случаѣ болѣе подходящимъ. Само по себѣ „внушеніе“ (*suggestion*) есть явленіе весьма обычное и—даже—естественное въ нормальной жизни человѣческаго духа, не сопровождающееся непремѣннымъ нарушеніемъ или измѣненіемъ законовъ психической жизнедѣятельности: всякая разумная рѣчь авторитетнаго лица, естественно, можетъ „внушать“ слушателю тѣ или другія идеи ³⁾). Если же при гипнотическихъ экспериментахъ внушеніе очень часто предваряется и сопровождается гипнозомъ или искусственнымъ усыпленіемъ, то только для того, чтобы повысить воспріимчивость субъекта къ внушеніямъ экспериментатора. Указанная черта, иди, точнее—природа внушенія отмѣчается почти во всѣхъ существующихъ научныхъ опредѣленіяхъ этого психологическаго явленія. Такъ, Бине и Ферэ опредѣляютъ внушеніе, какъ „призмъ, который производитъ на субъекта какое-либо дѣйствіе, проходя черезъ его разумъ“; отсюда—„всякое внушеніе есть—по существу своему—дѣйствіе на личность *идеями*“ ⁴⁾).

1) Ср. *Bernheim*—*Op. cit.*, pag. 10 и др.

2) *Вундтъ*—*Основанія фізіологической психологіи*, Вып. II, стр. 925.

3) См. выше-цит. нашу статью о пророческихъ состояніяхъ (Харьковъ 1902) стр. 29.

4) *Binet et Féré. Le magnetisme animal*, p. 128. Paris 1890.

По мнѣнію Питра и П. Жане (Janet), внушеніе есть „пріемъ, посредствомъ котораго въ гипнотическомъ или даже въ бодрственномъ состояніи возможно при помощи... слова вызвать въ хорошо предрасположенномъ субъектѣ рядъ болѣе или менѣе автоматическихъ явленій и заставить его говорить, дѣйствовать, мыслить—сообразно съ желаніемъ экспериментатора“¹⁾. По Бернгейму, „внушеніе есть дѣйствіе, посредствомъ котораго *идея* вводится въ мозгъ и имъ воспринимается“²⁾. Въ опредѣленіи проф. Фореля выступаетъ больше фізіологическая сторона или причина внушенія: внушеніе есть, по его словамъ, „порожденіе однимъ человѣкомъ въ нервной системѣ другого динамическаго измѣненія—посредствомъ вызова представленія (сознательнаго или безсознательнаго), что это измѣненіе происходитъ, уже произошло, или произойдетъ“³⁾. По Вундту—„внушеніе есть ассоціація съ одновременнымъ съуженіемъ сознанія возбуждаемыми ассоціаціей представленіями“⁴⁾. Въ приведенныхъ опредѣленіяхъ, какъ видно, почти совсѣмъ не выступаетъ специфическій признакъ внушенія, какъ явленія гипнотическаго. Экспериментаторы прибѣгаютъ къ гипнозу и очень часто предваряютъ имъ внушеніе потому только, что видятъ въ гипнозѣ наилучшее вспомогательное средство для воспріятія субъектомъ тѣхъ или иныхъ внушеній. Этимъ опредѣляются и отъ этого зависятъ связь и отношеніе между гипнотизмомъ и внушеніемъ. Во всѣхъ психо-фізическихъ измѣненіяхъ и состояніяхъ, наблюдаемыхъ при гипнозѣ, внушеніе играетъ громадную роль,—что станетъ для насъ очевиднымъ изъ разсмотрѣнія этихъ измѣненій и состояній.

Всѣ вообще явленія и состоянія, какія приходится наблюдать у различныхъ субъектовъ при гипнотическихъ экспериментахъ, бываютъ или *фізіологическими* или *психическими*. Не стремясь въ своемъ изложеніи къ исчерпывающей полнотѣ, рассмотримъ кратко тѣ и другія.

1) Pitres—Leçons cliniques... etc. II, p. 144.

2) Bernheim—Hypnotisme, suggestion, psychothérapie, p. 24.

3) Forel—Op. cit. pag. 32.

4) Вундтъ—Гипнотизмъ и внушеніе, стр. 40; ср. Гилларовъ—Гипнотизмъ... стр. 109.

При гипнозѣ наблюдаются слѣдующія фізіологическія явленія или измѣненія:

1. *Анестезія, аналгезія и гиперстезія.* Анестезія означаетъ ослабленіе или потерю чувствительности органовъ внѣшнихъ чувствъ, гиперстезія — наоборотъ — повышеніе этой чувствительности, а аналгезія — совершенную нечувствительность къ болевымъ раздраженіямъ. Въ гипнотическомъ состояніи всѣ вообще внѣшнія чувства какъ бы періодически подвергаются то анестезіи, то гиперстезіи. Однако, анестезія и связанная съ ней аналгезія подмѣчены были гораздо раньше, — еще при магнетическихъ экспериментахъ Антона Месмера. Наблюдая, что анестезія и аналгезія являются почти неизбежными спутниками гипноза, французскіе и англійскіе врачи уже съ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія пользовались этими искусственно, но легко вызываемыми состояніями для производства различныхъ хирургическихъ операцій *безъ помощи хлороформа*, — причемъ больные не чувствовали рѣшительно никакой боли (аналгезія). Одинъ докторъ Esdaile совершилъ такимъ именно способомъ 261 операцію надъ индѣйцами посредствомъ животнаго магнетизма или месмеризма ¹⁾. Аналгезія при гипнотическихъ экспериментахъ наблюдалась такъ часто, что наличность ея считалась на первыхъ порахъ единственнымъ признакомъ реальности гипноза. Что касается, въ частности, анестезіи, то можно признать, что при гипнозѣ въ большинствѣ случаевъ наступаетъ полная потеря чувствительности — осязательной, зрительной, обонятельной и вкусовой. Особенно абсолютна потеря тактильной (осязательной) чувствительности, стоящая въ связи съ аналгезіей. Загипнотизированному субъекту можно вонзить иглу въ палецъ, не вызывая при этомъ ни малѣйшаго рефлекса, никакой боли и кровоизліянія. Такъ обыкновенно и узнаютъ (испытываютъ) наступленіе гипноза. Убѣдившись, что легкіе уколы не вызываютъ рефлекторныхъ движеній, экспериментаторъ ущемляетъ небольшой участокъ кожи на поверхности руки усыпленнаго субъекта и прокалываетъ иглой насквозь. Игла можетъ оставаться воткнутой до пробужденія субъекта, не причиняя ему ни малѣйшей боли, но послѣ пробужденія онъ почувствуетъ

¹⁾ Кирилловъ — Цитов. соч. стр. 55—56.

сильную боль. Отсутствие при этомъ кровоизліянія нѣкоторые объясняютъ перевозбужденіемъ сосудодвигательныхъ центровъ и протекающимъ отсюда судорожнымъ сокращеніемъ мельчайшихъ кровеносныхъ сосудовъ кожи (капилляровъ)¹⁾. Анастезія слуха при гипнозѣ никогда не бываетъ безусловной: субъектъ обыкновенно остается глухимъ по отношенію ко всѣмъ постороннимъ звукамъ, но слышитъ хорошо, даже на значительномъ разстояніи, все тѣ, что говоритъ ему гипнотизаторъ. При ослабленіи или потерѣ слуховой чувствительности, экспериментаторы прибѣгаютъ къ слѣдующему приему: они говорятъ въ руку или спину гипнотизированнаго субъекта, и этотъ приемъ достигаетъ цѣли. Дѣло въ томъ, что звуковыя впечатлѣнія могутъ передаваться во внутреннее ухо черезъ любую часть тѣла. На этомъ, между прочимъ, основано устройство „одифоновъ“ для глухихъ. Одифонъ представляетъ собою трубку, которую глухіе прикладываютъ узкимъ концомъ къ зубамъ, благодаря чему звуки передаются слуховымъ центрамъ черезъ кости черепа. Такимъ-же точно образомъ, напр., мы воспринимаемъ слухомъ чрезъ височную кость тиканье карманныхъ часовъ, взятыхъ въ зубы. Если предположить, что у гипнотика исчезла слуховая чувствительность вслѣдствіе параличнаго состоянія или временной атрофіи слухового нерва, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что звуковыя впечатлѣнія легко передаются у него другими неанестезированными путями, или членами тѣла. Въ этомъ находятъ свое объясненіе всѣ тѣ „чудесныя“ явленія такъ называемой „транспозиціи (перемѣщенія) чувствъ“, которыми смущали довѣрчивую публику магнетизеры въ эпоху господства животнаго магнетизма. Что касается, наконецъ, гиперстезіи, или сильнаго повышенія чувствительности, то хотя это явленіе въ гипнозѣ уже не такъ постоянно, какъ анестезія и аналгезія, однако—оно не лишено интереса. Интенсивность гиперстезіи бываетъ такъ велика, что позволяетъ гипнотику продѣлывать подчасъ прямо таки поразительные опыты. Эти-то опыты, между прочимъ, послужили поводомъ къ предположенію „ясновидѣнія“ гипнотиковъ. Многіе изслѣдователи полагаютъ, что гиперстезія наиболѣе свойственна сомнамбулической стадіи гипноза. Въ

¹⁾ Вольфсонъ.—Указ. соч. стр. 25.

сомнамбулизмъ часто наблюдается сильное повышеніе и возбужденіе чувствительности—осязательной, обонятельной, слуховой и зрительной. Сомнамбулы ощущаютъ холодъ отъ самаго легкаго дуновенія на разстояніи вѣсколькихъ метровъ, отыскиваютъ—по запаху—спрятанную перчатку, куски изорванной визитной карточки, которую предварительно даютъ имъ понюхать, слышатъ въ верхнемъ этажѣ разговоръ, который тихо ведется въ нижнемъ (Азамъ), читаютъ буквы въ 0, 15 миллиметра величиной—въ сравнительной темнотѣ (Прейеръ) и т. п. На основаніи точнаго изученія фактовъ гиперстезіи и еще гипермнезіи (усиленіе памяти), о которой у насъ будетъ рѣчь ниже, ученые находятъ возможнымъ объяснить всѣ тѣ загадочныя явленія „ясновидѣнія“ гипнотиковъ, которыя въ древности, и особенно въ средніе вѣка, приписывались дѣйствию темныхъ силъ природы и волшебства.

2. *Каталепсія*. Подъ этимъ названіемъ извѣстно особое состояніе, наблюдаемое какъ при гипнозѣ, такъ и независимо отъ него, и характеризуемое полной инертностью мышцъ или мускуловъ. Субъектъ въ этомъ состояніи совершенно теряетъ способность произвольныхъ движеній: онъ не можетъ двинуться съ мѣста, не можетъ вызвать сокращенія ни одной изъ своихъ мышцъ. Въ гипнозѣ каталепсія обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ ненормальнаго психическаго состоянія: чрезмѣрное сосредоточеніе мысли на одной идеѣ парализуетъ волю и влечетъ за собой каталептическое состояніе; къ тому-же приводятъ разл. нервныя потрясенія и душевные аффекты. Въ военномъ госпиталѣ въ Монтегю (во Франціи) наблюдался случай полной семимѣсячной каталепсіи. Больной, молодой солдатъ—Александръ Бушъ, впалъ въ это состояніе подъ вліяніемъ систематическихъ оскорбленій самолюбія со стороны начальства и товарищей ¹⁾. Современная наука объясняетъ каталепсію параличемъ мускульнаго чувства и перевозбужденіемъ того нервнаго центра, который управляетъ произвольными движеніями. Но такое объясненіе далеко недостаточно: многіе сложные акты и дѣйствія, продѣлываемые каталептикомъ въ гипнотическомъ состояніи, предполагаютъ присутствіе здѣсь скрытыхъ психическихъ фактовъ. При гипнозѣ ката-

¹⁾ Вольфсонъ, стр. 29.

лепсія бываетъ, конечно, болѣе сильной и всегда находится въ зависимости отъ внушеній гипнотизатора. Каталептикъ автоматически подчиняется всему, что продѣлываетъ съ нимъ экспериментаторъ: инертность мышцъ и сохраненіе разъ приданнаго положенія наблюдаются здѣсь въ полной степени: гипнотизаторъ беретъ руку каталептика и поднимаетъ ее въ уровень съ плечемъ; рука все время остается въ томъ-же положеніи, не опускаясь и не падая внизъ; если гипнотизаторъ нѣсколько разъ качнетъ эту руку, то дальше она сама качается съ правильностью маятника. Но поразительнѣе всего то, что у каталептика проявляется способность къ воспріятію внушеній посредствомъ мускульнаго чувства и къ автоматической ассоціаціи идей: если придать, напр., рукѣ каталептика положеніе, соответствующее поцѣлю, то на его лицѣ появляется улыбка; если соединить руки, какъ для молитвы, то лицо принимаетъ серьезное, благоговѣйное выраженіе... и т. д. Одинъ экспериментаторъ (кажется, Pierre Janet) передаетъ слѣдующій фактъ. Своей пациенткѣ, находившейся въ каталептическомъ состояніи, онъ сложилъ руки такъ, какъ обыкновенно слагаютъ ихъ на молитву: каталептика тотчасъ стала на колѣни и приняла молитвенное выраженіе; спустя нѣкоторое время она встала, прошла нѣсколько шаговъ и разинула ротъ (какъ-бы для приобщенія Св. Таинъ), потомъ отошла и снова стала на колѣни. Очевидно, что пациентка ассоціировала всѣ тѣ дѣйствія и представленія, которыя не разъ ей случалось продѣлывать и переживать въ церкви. Всѣ подобные факты, несомнѣнно, имѣютъ психологическій интересъ и не могутъ быть объяснены чисто фізіологически или физически. Какимъ образомъ, напр., каталептикъ—при отсутствіи какого бы то ни было, хотя бы даже безсознательнаго, психическаго фактора—могъ-бы держать долго свою руку въ воздухѣ, послѣ того, какъ ее поднялъ и затѣмъ оставилъ въ покоѣ экспериментаторъ? Вѣдь рука въ этомъ случаѣ, при полной мышечной инертности, должна тотчасъ упасть внизъ, повинувшись закону тяготѣнія!... Въ заключеніе замѣтимъ, что наблюдаемая при гипнозѣ каталепсія, подъ вліяніемъ внѣшнихъ механическихъ раздраженій со стороны экспериментатора, можетъ перейти въ столбнякъ (tetanos). Въ этомъ состояніи мышцъ

ковечностей мгновенно деревенѣютъ; это одеревенѣніе быстро передается дальше—въ руки и ноги, и, наконецъ, распространяется по всему тѣлу: субъектъ коченѣетъ подобно трупъ; его можно скорѣе сломить пополамъ, чѣмъ согнуть, можно положить, какъ бревно, между двухъ стульевъ и т. п. Это состояніе, изъ котораго субъектъ можетъ быть выведенъ только внушеніемъ экспериментатора, очень опасно, и потому подобныя опыты производятся всегда при особомъ медицинскомъ контролѣ. Опасность столбняка—въ томъ, что окоченѣніе можетъ распространиться на грудныя мышцы и вызвать остановку дыханія: тогда послѣдуетъ смерть отъ удушенія.

Переходя къ описанію психическихъ измѣненій и состояній, наблюдаемыхъ въ гипнотизмѣ, замѣтимъ, что здѣсь мы будемъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ, состоянія сознанія, интеллекта и памяти.

Тѣ разнообразныя измѣненія, каковымъ подвергаются при гипнозѣ основныя психическія силы человѣка—сознаніе, умъ и память,—трудно подвести подъ одну к-л. категорію, такъ какъ они всецѣло почти обусловливаются внушеніями экспериментатора. Подъ вліяніемъ внушенія эти душевныя способности то ослабѣваютъ у гипнотика, то, наоборотъ—усиливаются и проявляются съ особенной интенсивностью. Такъ, на примѣръ, о состояніи ума гипнотика проф. Бони говоритъ, что „пока субъекту не сдѣлано внушеніе, онъ находится въ состояніи настоящей умственной инерціи, или—лучше—умственного покоя“; но послѣ внушенія умственная дѣятельность не только получаетъ сильный толчекъ впередъ, а даже совершается интенсивнѣе, чѣмъ въ нормальномъ состояніи ¹⁾. По мнѣнію Бернгейма, гипнотики (въ состояніи, напр., сомнамбулизма) никогда не дѣйствуютъ, какъ бессознательные автоматы, что „они понимаютъ, знаютъ, что дѣлаютъ“. Бернгеймъ предполагаетъ только въ этомъ случаѣ нѣкоторое „иное состояніе сознанія“, вслѣдствіе того, что „нервная дѣятельность бываетъ распредѣлена иначе, чѣмъ въ бодрственномъ состояніи: она сосредоточена на одной неотвязной идеѣ“ ²⁾, которая внуша-

¹⁾ Бони—Гипнотизмъ, стр. 105—106.

²⁾ Bernheim—Hypnotisme, suggestion... etc. p. 133; сравн. De la suggestion... p. 221—222 и 224.

ется (добавимъ мы) экспериментаторомъ. Послѣдвій можетъ, по желанію, сѣзуть и расширить сферу сознанія гипнотика. Впрочемъ, нужно признать, что и помимо спеціальныхъ воздѣйствій экспериментатора сознаніе въ состояніи гипноза не уничтожается всецѣло никогда. Мы видѣли, что гипнозъ аналогиченъ и даже весьма сходенъ съ естественнымъ сномъ, а во время обыкновеннаго сна работа сознанія не только не прекращается, о чемъ свидѣтельствуется фактъ сновидѣній, но даже повышается,—такъ какъ сознаніе во время сна, не будучи отвлекаемо дѣятельностью внѣшнихъ чувствъ въ сторону внѣшняго міра, сосредоточивается въ центральномъ органѣ психической жизни (головномъ мозгу) и пріобрѣтаетъ въ этомъ состояніи сосредоточенности необыкновенную силу. Всѣ психическія отправленія во снѣ, какъ и въ гипнозѣ, являются, по словамъ Льебо, „дѣйствіями сосредоточеннаго вниманія (les effets d'attention accumulée)“ ¹⁾. Это явленіе подмѣтилъ въ древности уже Цицеронъ, когда увѣрялъ своихъ читателей ²⁾, что во снѣ душа, отрѣшенная отъ узъ тѣла, не только „вспоминаетъ прошедшее и видитъ вастоящее“, но и „предвидитъ будущее“. По замѣчанію Кириллова, „сознаніе гипнотика качественно сходно съ сознаніемъ соннаго“ ³⁾. Вообще, въ подтвержденіе нашей мысли о существованіи сознанія въ гипнотическомъ состояніи, достаточно замѣтить, что гипнотикъ подъ вліяніемъ внушенія совершаетъ иногда такіе сложные акты, которые предполагаютъ въ немъ присутствіе не только сознанія, но даже памяти и воображенія. Pierre Janet, на примѣръ, приказалъ, однажды своей сомнамбулѣ Люси написать какое нибудь письмо, при чемъ не внушилъ ей никакой идеи для содержанія письма; письмо было написано вполне осмыслено.

Что касается, въ частности, памяти гипнотиковъ, то здѣсь, прежде всего, нужно отмѣтить общее явленіе *амнези*, т. е. потери памяти—по отношенію къ всему тому, что съ ними было до усыпленія; при пробужденіи гипнотикъ помнитъ все, что онъ переживалъ въ состояніи бодрствованія, до наступленія гипноза, во опять-таки совершенно забываетъ то, что съ нимъ

¹⁾ *Liebauit*—Le sommeil provoque... etc. pag. 90—130, 182; ср. *Мори* — Сонъ и сновидѣнія; ср. *Гротъ* — Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа стр. (0.

²⁾ *Cicero* De divinazione I. cap., 30, p. 63; cap. 49 p. 110.

³⁾ *Кирилловъ*—*Ibid.* стр. 72.

происходило во время гипнотическаго сна; при вторичномъ усыпленіи субъектъ припоминаетъ все, что было съ нимъ во время перваго усыпленія, но снова забываетъ всю дѣйствительность. Ш. Рише прочиталъ усыпленной имъ г-жѣ В. стихи и затѣмъ разбудилъ ее; она ничего не помнила, но усыпленная снова, хорошо повторила стихи, разбуженная же опять забыла. Однако и явленія амнезіи совершенно измѣняются, по волѣ экспериментатора. Амнезія, наступающая по пробужденіи, вообще легко уничтожима ¹⁾. „Скажите сомнамбулу, говоритъ Питръ, что по пробужденіи онъ будетъ помнить все, что дѣлалось во время сна, и онъ дѣйствительно будетъ помнить... Наоборотъ, внушите ему, что онъ ничего не будетъ помнить, и онъ все забудетъ“ ²⁾. Если къ этому присоединить извѣстный намъ уже фактъ, что при каждомъ послѣдующемъ опытѣ субъектъ легко вспоминаетъ все, происшедшее во время предыдущаго опыта, то можно будетъ признать, что амнезія у гипнотиковъ вообще *относительна*, а не абсолютна. Правда, экспериментаторъ можетъ, по желанію, усилить обыкновенную амнезію гипнотика, но онъ же, съ другой стороны, можетъ вызвать внушеніемъ и такъ назыв. *гипермнезію*, т. е. чрезвычайное повышеніе и усиленіе способности памяти и воспоминанія: онъ можетъ заставить субъекта вспомнить давно забытые имъ факты, припомнить самыя слабыя и ничтожныя впечатлѣнія, полученныя раньше въ бодрственномъ состояніи. Факты такой, и даже независимой отъ внушенія, гипермнезіи гипнотиковъ многочисленны. Ш. Рише рассказываетъ объ одной дамѣ, которая въ сомнамбулизмѣ пѣла всѣ мотивы 2 акта „Африканки“, но по пробужденіи не могла воспроизвести ни одной ноты. Извѣстенъ также рассказъ Брэда объ экономкѣ одного еврейскаго раввина, которая въ гипнотическомъ состояніи говорила наизусть цѣлыя еврейскія проповѣди, хотя въ бодрственномъ состояніи не знала ни одного слова по еврейски ³⁾: раввинъ имѣлъ обыкновеніе учить эти проповѣди вслухъ и незнакомые звуки запечатлѣлись въ памяти экономки, но, конечно, не могли быть воспроизведены въ нормальномъ состояніи.

¹⁾ *Ibidem.*, стр. 65; ср. *Миллерсъ*, стр. 389.

²⁾ *Pitres—Leçons cliniques sur... etc.* II pag. 208—209; ср. 209—224 ср. *Bernheim—De la suggestion... etc.* p. 221.

³⁾ *Лурье—Гипнотизмъ* стр. 10; здѣсь же и друг. под. факты.

Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что возможность вышеуказанныхъ измѣненій сознанія и памяти при гипнозѣ не свидѣтельствуетъ о возможности ихъ прекращенія или совершеннаго отсутствія у гипнотиковъ, а скорѣе—наоборотъ—отрицаетъ эту послѣднюю (вторую) возможность.

Кстати мы здѣсь отмѣтимъ еще интересное явленіе такъ называемой ложной памяти, или *парамнези*, которое всецѣло уже обуславливается внушеніемъ. Экспериментаторъ можетъ заставить гипнотика помнить не только то, что съ нимъ когда-нибудь было, но и то, чего никогда не было. Проф. Форель демонстрировалъ въ Цюрихѣ на собраніи юристовъ 8-милѣтняго мальчика: ребенокъ, подѣ влияніемъ внушенія, сталъ увѣрять, что одинъ изъ почтенныхъ юристовъ укралъ 8 дней тому назадъ у него платокъ, при чемъ—указывалъ даже мѣсто и часъ происшествія. Пять минутъ спустя, тотъ же ребенокъ, подѣ влияніемъ противоположнаго внушенія съ такимъ-же апломбомъ и клятвами отрекся отъ своихъ показаній ¹⁾.

Изъ всего изложеннаго до сихъ поръ можно видѣть—какую громадную роль во всѣхъ гипнотическихъ явленіяхъ играетъ *внушеніе*. Подѣ гнетомъ соотвѣтствующихъ внушеній экспериментатора всѣ эти явленія то возникаютъ, то исчезаютъ; различныя противоположныя состоянія (какъ, напр., амнезія и гипермнезія) періодически смѣняются и даже превращаются одно въ другое. Не напрасно нансійская психологическая школа придаетъ такое громадное значеніе внушенію при гипнозѣ.. Это значеніе еще болѣе выяснится для насъ, когда мы рассмотримъ спеціальныя, такъ сказать, органическіе и психическіе эффекты внушенія, наблюдаемые въ гипнозѣ и возникающіе исключительно на почвѣ воздѣйствій экспериментатора, или—частіе—въ силу его словесныхъ приказаній.

Изъ органическихъ эффектовъ внушенія мы отмѣтимъ измѣненія въ кровообращеніи (такъ наз. *стигматизацію*) и въ скорости біенія сердца. Но предварительно заявимъ, что вообще нѣтъ такой органической функціи, которая-бы не подчинялась внушенію,—не смотря на то, что большинство этихъ функцій въ нормальномъ состояніи вовсе не подлежатъ вліянію свободной воли человѣка. Явленія стигматизаціи, т. е. вливанія крови

¹⁾ Forel—Op. cit. S. 59—60.

и—вообще—измѣненій кровообращенія, были извѣстны уже въ средніе вѣка: у знаменитыхъ средневѣковыхъ мистиковъ лобъ, руки и ноги подвергались, въ часы религіознаго экстаза, приливамъ крови, выдѣляли кровавый потъ и даже служили мѣстомъ образованія настоящихъ язвъ. Если экспериментаторъ выльетъ на руку субъекта стаканъ холодной воды, внушивъ при этомъ, что онъ вылилъ кипятокъ, то на рукѣ появляются пузыри и всѣ признаки обжога. П. Жане (Janet) сказалъ своей сомнамбулѣ Люси, что онъ поставилъ ей горчичникъ (отъ коковульсивныхъ схватокъ въ желудкѣ); черезъ нѣкоторое время Жане констатировалъ на тѣлѣ знаки какъ бы отъ дѣйствительнаго горчичника, хотя на этотъ разъ былъ приложенъ кусокъ простой бѣлой бумаги. Въ другой разъ Жане сказалъ Люси, что онъ положилъ ей горчичникъ, имѣющій форму звѣзды съ 6-ю концами; черезъ 2 часа экспериментаторъ констатировалъ на тѣлѣ сомнамбулы кровавой знакъ такой именно формы, хотя опять не прикладывалъ никакого горчичника. Во всѣхъ подобныхъ явленіяхъ стигматизаціи мы имѣемъ дѣло съ иллюзіей чувствительныхъ центровъ, распространяющейся—подъ вліяніемъ внушенія и перевозбужденія вниманія субъекта—на периферическую нервную систему. Что касается измѣненій сердцебіенія, то мы лишь замѣтимъ кратко, что подъ вліяніемъ внушеній эти измѣненія бываютъ поразительны—въ смыслѣ увеличенія и уменьшенія числа ударовъ пульса въ минуту. Особый приборъ—сфигмографъ—даетъ возможность производить здѣсь довольно точныя измѣренія и вычисленія.

Въ ряду многочисленныхъ психическихъ эффековъ внушенія мы отмѣтимъ—главнымъ образомъ—обманъ чувствъ, *иллюзіи* и *галлюцинаціи*. Нѣтъ такого внѣшняго чувства, въ сферѣ котораго нельзя было бы вызвать подъ вліяніемъ внушенія любую иллюзію или галлюцинацію. Всѣ органы чувствъ—зрѣніе, слухъ, обонявіе, осязаніе, вкусъ—находятся всецѣло во власти экспериментатора. По желанію послѣдняго, убогая хижина превращается для субъекта въ роскошный дворецъ, прекрасное палаццо видоизмѣняется въ убогую конурку и т. д. Субъектъ не различаетъ находящихся у него передъ глазами цвѣтовъ, исключая какого-нибудь одного, указаннаго экспе-

риментаторомъ. Субъекта можно заставить слышать какіе угодно звуки—музыку, пушечные выстрѣлы, шумъ моря и т. д. Гипнотизаторъ внушаетъ субъекту: „прикоснитесь къ этой палкѣ, она вся покрыта иглами“; субъектъ прикасается и отдергиваетъ руку со всѣми признаками укола; „возьмите въ руку этотъ кусочекъ бумаги,—это раскаленное желѣзо“; субъектъ чувствуетъ страшную боль отъ ожога. Гипнотизаторъ даетъ субъекту порошокъ хинина и внушаетъ, что это конфетка,—субъектъ съ удовольствіемъ съѣдаетъ, не обнаруживая ни малѣйшихъ признаковъ горечи во рту ¹⁾. Бернгеймъ рассказываетъ, что онъ своему пациенту подалъ стаканъ воды и внушилъ, что это шампанское: субъектъ выпилъ и обнаружилъ всѣ признаки опьяненія. Мало того, у гипнотика можно вызвать путемъ внушенія полное извращеніе общаго чувства, внушая самыя несообразныя идеи—въ родѣ, напр., того, что по пробужденіи все тѣло его будетъ изъ масла, сахара, стекла и т. п.,—и бѣдныя, въ зависимости отъ характера внушенія, способенъ испытывать самыя тягостныя ощущенія и боязнь, что вотъ-вотъ онъ растаетъ отъ тепла или воды, разобьется въ дребезги ²⁾ и т. д. Перечислить всѣ, возможныя при гипнозѣ, галлюцинаціи очень трудно: экспериментаторъ можетъ внушить субъекту любую идею, можетъ заставить его перенестись мысленно въ любую обстановку и испытывать соотвѣтствующія этой обстановкѣ ощущенія: онъ заставляетъ субъекта воображать себя на кораблѣ во время крушенія и спастись вплавь,—испытывать холодъ полярныхъ странъ и жару тропиковъ при одинаковой температурѣ больничной палаты и т. д. до безконечности. При этомъ, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ вызываемыя экспериментаторомъ галлюцинаторныя образы и представленія имѣютъ для субъекта силу и реальность дѣйствительныхъ ощущеній ³⁾, такъ же точно, какъ для насъ—наши сновидѣнія, въ которыхъ намъ приходится играть самыя несообразныя роли, совершать преступленія и т. и. Здѣсь мы находимъ новое подтвержденіе сходства гипноза съ обыкновеннымъ сномъ. Извѣстны всѣмъ факты сно-

¹⁾ *Вольфсонъ*, стр. 85.

²⁾ *Битнеръ*—Указ. соч. стр. 203—204.

³⁾ Въ этомъ согласны всѣ лучшіе изслѣдователи: см. *Bernheim*—*De la suggestion*... р. 194—197; *Гиляровъ*, стр. 132; *Кирилловъ*, стр. 88 и др.

видѣній настолько реальныхъ, что люди, даже не страдающіе сомнамбулизмомъ, говорятъ во снѣ, кричатъ, жестикулируютъ и т. п. Проф.-психіатръ Ковалевскій сообщаетъ одинъ случай, когда мужъ, подъ вліяніемъ сновидѣнія, едва не задушилъ свою жену, которую горячо любилъ („Архивъ судебн. психіатріи“ 1896 г.). Въ сомнамбулизмѣ же субъекты, и помимо всякаго гипноза, испытываютъ столь сильное нервное возбужденіе, что встаютъ съ постели, производятъ цѣлый рядъ дѣйствій, вполне соответствующихъ сновидѣнію, оканчиваютъ какую нибудь работу, неподѣланную днемъ и т. п. Послѣ всего этого, намъ не должны казаться невѣроятными тѣ состоянія и дѣйствія, какія испытываетъ и продѣлываетъ гипнотикъ подъ вліяніемъ внушеній экспериментатора. Природа тѣхъ и другихъ явленій—одна и та же.

Силой своего внушенія экспериментаторъ можетъ не только внушить субъекту цѣлый рядъ галлюцинацій, но вмѣстѣ съ ними измѣнять и сознаніе его личности, замѣняя ее другою (такъ наз. *персонификація*). Ш. Рише періодически заставлялъ 43-лѣтнюю даму считать себя крестьянкой, автрисой, генераломъ, архіепископомъ, монахиней, маленькой дѣвочкой и т. д. Пациентка дѣлала всевозможныя усилія держать себя такъ, какъ того и требовала соответствующая роль ¹⁾. Наблюдаются при гипнозѣ еще и такъ назыв. одностороннія галлюцинаціи, когда субъекта заставляютъ видѣть только однимъ глазомъ, слышать однимъ ухомъ и т. д. Загипнотизированной истеричной женщиной одинъ экспериментаторъ говоритъ въ правое ухо, что погода прекрасная, а другой въ лѣвое, что идетъ дождь, и, въ зависимости отъ этого, одна сторона лица выражаетъ удовольствіе, а на другой рисуется досада ²⁾. Еще болѣе замѣчательны тѣ явленія гипноза, которыя называютъ обыкновенно „отрицательными галлюцинаціями“. Такія явленія наблюдаются у глубокихъ сомнамбуловъ, которымъ во время гипноза можно внушить: не видѣть, по пробужденіи, даннаго предмета, не слышать и не видѣть извѣстнаго лица и т. п. Вотъ примѣръ. Въ комнатѣ находится нѣсколько лицъ; гипнотику внушено, что черезъ 5 минутъ послѣ пробужденія всѣ уйдутъ, кромѣ врача. Субъектъ просыпается

¹⁾ Лурье, стр. 11—12.

²⁾ Битнеръ, стр. 208—209.

и, ведетъ разговоръ со всѣми; но черезъ 5 минутъ для него исчезаютъ всѣ присутствующіе, кромѣ врача: субъектъ не отвѣчаетъ на ихъ вопросы, не слышитъ, что они говорятъ, не чувствуетъ, что его держатъ за руку и спрашиваетъ доктора— куда это вдругъ всѣ ушли? Если одно изъ этихъ лицъ надѣнетъ шляпу на голову, то субъекту представляется, что шляпа виситъ въ воздухѣ. Подобные опыты можно разнообразить до бесконечности, продѣлывая съ гипнотикомъ разные фокусы и заставляя его даже вѣрить въ спиритизмъ и явленія духовъ. Такъ, напр., внушаемъ субъекту, что такого-то лица изъ присутствующихъ онъ не долженъ видѣть и слышать: тогда стоитъ только „невидимкѣ“ залѣзть подъ столъ и, приподнявъ его на спинѣ, повертѣться по комнатѣ, чтобы установить для гипнотика фактъ „столоверченія“; внушаемъ, затѣмъ, субъекту, что онъ будетъ слышать такое-то лицо и чувствовать его прикосновеніе, но по прежнему не будетъ видѣть: тогда стоитъ „невидимкѣ“ взять нѣсколько аккордовъ на гитарѣ, чтобы получился музыкальный концертъ „духовъ“; прикасаясь рукой къ плечу гипнотика, „невидимый“ субъектъ вызываетъ въ немъ увѣренность, что онъ испыталъ прикосновеніе „невидимыхъ рукъ“ и т. д. Если же къ этимъ отрицательнымъ галлюцинаціямъ присоединить еще и внушенныя положительныя, то можно получить полный „спиритическій сеансъ“. Все это не мѣшаетъ помнить любителямъ спиритизма, тѣмъ болѣе, что если они и не пользуются услугами цосторонняго экспериментатора, который-бы дѣлалъ имъ внушенія, то его мѣсто занимаетъ въ такихъ случаяхъ самовнушеніе, развивающееся на почвѣ возбужденія нервной системы. Замѣчу, между прочимъ, что нѣчто аналогичное описаннымъ отрицательнымъ галлюцинаціямъ встречаемъ мы и въ обыденной жизни: часто предметъ, находящійся передъ нами на виду ускользаетъ отъ нашего вниманія, хотя мы его ищемъ и все вокругъ переворачиваемъ. Въ этомъ случаѣ мы, вѣроятно, имѣемъ дѣло съ бессознательнымъ самовнушеніемъ, съ бессознательной предвзятой мыслью, что даннаго предмета здѣсь нѣтъ.

Что касается воли гипнотика, то она обыкновенно бываетъ сильно ослаблена (такъ наз. *абумія*) внушеніями экспериментатора, которому субъектъ всецѣло подчиняется. Личная воля

при гипнозѣ доводится, такъ сказать, до минимума, благодаря чему субъектъ и бываетъ въ такой сильной степени способенъ къ принятію разныхъ внушеній. Къ этому вопросу мы еще вернемся впоследствии, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о такъ называемыхъ пост-гипнотическихъ внушеніяхъ.

Подъ названіемъ *пост-гипнотическихъ* внушеній извѣстны внушенія вѣлопредѣленный, болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Вообще, осуществленіе (реализація) всѣхъ вызываемыхъ въ гипнозѣ явленій можетъ, согласно внушенію экспериментатора, послѣдовать или непосредственно послѣ пробужденія, или — черезъ опредѣленный срокъ: черезъ день, мѣсяць и даже — годъ. При этомъ у гипнотиковъ наблюдается особенная чуткость относительно времени исполненія внушенія, для объясненія которой ученые предполагали (у гипнотиковъ своего рода „скрытую“ или „безсознательную“ память¹⁾). Иногда (по пробужденіи) у субъекта происходитъ борьба между внушеніемъ и его личными желаніями, или гласными убежденіями; но настоячивость экспериментатора обыкновенно беретъ верхъ: субъектъ исполняетъ самыя нелѣпыя внушенія спустя какое угодно время. Если спросить гипнотика о причинѣ его поступка, то онъ чаще всего скажетъ: „меня что-то толкало къ этому“; другіе говорятъ: „пришла въ голову фантазія, вотъ я и сдѣлалъ это“; нѣкоторые пытаются даже подыскать какія нибудь разумныя основанія для своего поступка, отчего, конечно, становятся еще болѣе смѣшными. Для иллюстраціи мы приведемъ одинъ примѣръ пост-гипнотическаго внушенія. 14 іюля 1884 года проф. Боннъ усыпивъ м-лле А. Е., сдѣлалъ ей слѣдующее внушеніе: „1-го января 1885 г. въ 10 часовъ утра вы увидите меня; я приду поздравить васъ съ новымъ годомъ; затѣмъ, поздравивши васъ, я исчезну“. Въ означенный день и часъ пациентка Боннъ находилась въ своей комнатѣ. Услышавши стукъ въ дверь, она сказала: — „войдите“, и — къ удивленію своему — увидѣла Бонна, который поздравилъ ее съ Новымъ Годомъ. Профессоръ былъ въ лѣтнемъ костюмѣ, томъ самомъ, въ которомъ онъ былъ одѣтъ, когда дѣлалъ внушеніе. Это несоотвѣтствіе костюма сезону и времени года крайне удивило м-лле А. Е., но она не успѣла даже спросить объ этомъ

1) Ср. Кирилловъ, стр. 66.

профессора, такъ какъ послѣдній сейчасъ же ушелъ. Рассказывая объ этомъ своей подружѣ и другимъ лицамъ, между прочимъ, др-у Льебо, и узнавъ отъ нихъ, что Бони въ день новаго года не было въ Парижѣ, она продолжала увѣрять, что видѣла его, не смотря даже на его собственныя увѣренія въ противномъ ¹⁾.

Заканчивая обзорѣніе видовъ и явленій внушенія, мы должны еще упомянуть о „мысленномъ внушеніи“. Подъ именемъ мысленнаго внушенія (*Suggestion mentale*) или *телепатіи* известна способность сообщать и воспринимать различныя воздѣйствія на разстояніи, однимъ усиленіемъ мысли (и воли), безъ всякихъ внѣшнихъ средствъ, и даже безъ всякихъ словесныхъ приказаній. Факты подобнаго рода признаны безспорными и засвидѣтельствованы учеными всѣхъ разнообразныхъ направленій и школъ ²⁾. Они собраны въ обширномъ трудѣ проф. Охоровича—„О мысленномъ внушеніи“ ³⁾. Опытовъ мысленнаго внушенія сдѣлано десятки и сотни тысячъ въ разныхъ обществахъ экспериментальной психологіи во всѣхъ государствахъ Европы и Америки. Въ объясненіе фактовъ мысленнаго внушенія ученые изслѣдователи предполагаютъ, съ одной стороны, универсальную (въ пространственномъ смыслѣ) проникновенность внушающей мыслительной силы, а съ другой—высшую степень проницательности и впечатлительности лица, воспріимлющаго внушеніе. Вотъ слова одного изъ представителей нансійской психологической школы, доктора Льебо: „если известно, что силы, высшія качествомъ, чѣмъ силы мыслящія, именно—силы притяженія, свѣта, теплоты, электричества и пр., проникаютъ неизмѣримыя пространства во всѣхъ направленіяхъ..., то почему же мысль человѣческая, эта сила, отъ знанія которой мы еще такъ далеки, не можетъ вслѣдствіе известныхъ волнообразныхъ движеній—передаваться чрезъ атмосферу отъ лица, выражающаго эту мысль, другому, которое въ свою очередь *симпатически* чувствуетъ ея переданные звуки и ихъ въ послѣдствіи истолковываетъ?“ ⁴⁾. Можетъ

¹⁾ Бони.—Указ. соч. стр. 118.

²⁾ Ср. Гилларовъ, стр. 287—294.

³⁾ Ochrowsicz - De la suggestion mentale. Edit. 2. Paris 1889.

⁴⁾ Liebauit—La therapeutique suggestive, p. 279—281. Замѣтимъ здѣсь, м. пр., что признавал атмосферу или волнообразныя движенія воздуха средой для передачи мысленнаго внушенія, Льебо противорѣчатъ основнымъ принципамъ своей (психологической) школы

быть приведенное объясненіе нельзя считать безспорнымъ и недопускающимъ никакихъ возраженій, но нужно помнить, что наука вообще еще не сказала своего послѣдняго слова относительно многихъ загадочныхъ явленій душевной жизни человѣка. Таковы, на примѣръ, сродныя мысленному внушенію явленія прозорливости, предчувствій разнаго рода, угадыванія мыслей (*мантевизмъ*), ясновидѣнія, или—вообще—естественной *дивинаціи* (какъ называютъ всѣ эти явленія западные ученые). Мы не станемъ приводить многочисленныхъ фактовъ, подтверждающихъ эти явленія ¹⁾. Скажемъ только, что абсолютно отрицать ихъ достовѣрность съ научной точки зрѣнія теперь уже не современно, не смотря на то, что наука не дала еще согласнаго и вполне достаточнаго объясненія ихъ. Такъ, древніе философы приписывали факты естественной дивинаціи или прямымъ откровеніямъ боговъ, или спеціальнымъ свойствамъ человѣческой души ²⁾. Изъ новѣйшихъ ученыхъ одви придумываютъ для объясненія дивинаціи довольно темную и скользкую теорію „безсознательнаго мышленія“ ³⁾, а другіе всецѣло опираются на признаніе „магическихъ“ силъ души, функционирующихъ внѣ всякихъ пространственныхъ и временныхъ формъ и отношеній ⁴⁾. Въ нашу задачу, конечно, не входитъ разборъ этихъ теорій и предположеній. Посему, мы лучше въ заключеніе нашего изложенія теоріи гипнотизма, скажемъ два слова о существующихъ научно-теоретическихъ объясненіяхъ гипнотическихъ явленій.

Мы уже видѣли—какъ объясняетъ современная наука явленія катаlepsis и мысленнаго внушенія или телепатіи. Въ дополненіе къ сказанному выше замѣтимъ, что большинство современныхъ ученыхъ объясняетъ гипнотическія явленія на почвѣ *нервнаго перевозбужденія*, не отрицая—въ тоже время и вліянія психическихъ фактовъ на организмъ гипнотика. Такъ Вундтъ ⁵⁾ объясняетъ всѣ явленія гипноза на почвѣ извѣстныхъ измѣненій въ мозгу, которыя онъ выводитъ изъ общихъ

¹⁾ Такіе факты въ громадномъ количествѣ собраны въ книгѣ проф. *И. Сѣтлова*—Пророческіе или ящіе сны. Кіевъ 1892 г.

²⁾ См., напр. у *Хенорфа*. Сугор. III, 1, 5; *Платона*—De republ. IX, 572; *Aristot.*—De divinut. per somn. I, p. 462.

³⁾ Напр. *Макс-Оймон* (см. у *Сѣтлова* Op. cit. стр. 115 и слѣд.)

⁴⁾ Напр. *Пертти* (Perety), Авсенева самъ *Сѣтловъ* (ibidem. ст. 69 и ср)

⁵⁾ См. его „Гипнотизмъ и внушеніе“.

законовъ механики нервныхъ центровъ, и въ концѣ концовъ сводить все къ нейродинамическому и сосудодвигательному взаимодействию этихъ центровъ. Кромѣ того, суженіе сознанія на одной, стойкой ассоціаціи, вслѣдствіе внушенія экспериментатора, вызываетъ, по Вундту, нервное утомленіе и способствуетъ наступленію гипноза. Въ общемъ, такъ обр., Вундтъ объясняетъ явленія гипнотизма съ точки зрѣнія своего излюбленнаго закона психо-физическаго параллелизма. Вольфсонъ, согласно теоріи знаменитаго фізіолога Олифрана ¹⁾, объясняетъ всѣ явленія гипноза „перевозбужденіемъ *вниманія*“, иначе— „перевозбужденіемъ того нервнаго центра, который управляетъ *настойчивостію* (*persevérance*)“, такъ какъ вниманіе и есть именно *настойчивое* сосредоточеніе мысли и чувства на данномъ предметѣ. Вниманіе гипнотика всегда перевозбуждено личностью гипнотизатора, и потому гипнотикъ всецѣло подпадаетъ его вліянію и предоставляетъ свое вниманіе только тѣмъ психическимъ актамъ, какіе внушаетъ экспериментаторъ; по отношенію ко всему другому онъ глухъ и нѣмъ, такъ какъ не можетъ удѣлить постороннимъ актамъ своего вниманія; а безъ вниманія и настойчивости невозможны ни ощущенія, ни воспоминанія, ни волевые акты. Отсюда легко объясняются иллюзіи, галлюцинаціи и вообще—всѣ состоянія, испытываемыя гипнотикомъ подъ воздействиемъ экспериментатора. Дѣйствительно, опытъ показываетъ, что для наступленія гипноза необходимо упорное и одностороннее напряженіе вниманія; при малѣйшемъ отвлеченіи или перерывѣ вниманія—гипнозъ невозможенъ. Можно думать, что этимъ обстоятельствомъ вызывается въ мозгу быстрое образованіе продуктовъ нервнаго утомленія, поглощающихъ кислородъ въ соответствующихъ частяхъ мозга и прекращающихъ здѣсь умственную дѣятельность. Отсюда понятно—почему центры, особенно перевозбужденные экспериментаторомъ, какъ будто атрофируются и совершенно перестаютъ функціонировать (отрицательныя галлюцинаціи), а тѣ центры, которые наименѣе утомлены, легко приводятся въ дѣйствіе соответствующими внушеніями или какими-нибудь периферическими раздраженіями. *Теодоръ Владиміръскій.*

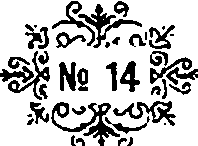
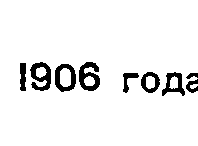
(Окончаніе будетъ).

¹⁾ *M. Audiffrent—Des maladies du cerveau et de l'innervation. 1874; Вольфсонъ, стр. 44 и слѣд.*

ИЗВѢСТІЯ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Іюля № 14 1906 года.

Содержаніе. I Именные Высочайшіе Указы, данныя Правительствующему Сенату. — Высочайшіе приказы. — Высочайшія награды. — Опредѣленіе Святѣйшаго Синода. — Епархіальныя Извѣщенія. — Перечень запятій, подлежащихъ обсужденію очереднаго сѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, имѣющаго быть 19 сентября, сего 1906 года — отъ Харьковской Духовной Консисторіи — Разрядной списокъ учениковъ IV класса Харьковскаго Духовнаго Училища, составленный Правленіемъ Училища на основаніи годовыхъ испитаній, произведенныхъ въ маѣ 1906 года, и утвержденный Его Преосвященствомъ. — Разрядной списокъ учениковъ 3-го, 2-го, 1-го и приготовительнаго классовъ, составленный Правленіемъ Харьковскаго Духовн. Училища на основаніи репетицій, произведенныхъ въ маѣ мѣсяцѣ 1906 года, и утвержденный Его Преосвященствомъ. — Списокъ лицъ, служащихъ при Харьковскомъ Духовномъ Училищѣ, съ краткими біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ. — Списокъ лицъ, служащихъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ за 1906 г. — Отъ Правленія Купянскаго Духовнаго Училища. — Извлеченіе изъ циркуляра министра народнаго просвѣщенія допечатателямъ учебныхъ округовъ отъ 30 го іюня 1906 г.

I.

Именные Высочайшіе указы,

данныя Правительствующему Сенату:

Іюля 8-го. „Снисходя на просьбу предсѣдателя совѣта министровъ, члена Государственнаго Совѣта, сенатора д. т. сов. *Горемыкина*, Всемилостивѣйше увольняемъ его отъ занимаемой имъ должности предсѣдателя совѣта министровъ, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ званіи сенатора“.

Іюля 8-го. „Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Двора Нашего въ званіи камергера, д. т. сов. *Столыпину*, Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть предсѣдателемъ совѣта министровъ, съ оставленіемъ его въ должности министра Внутреннихъ Дѣлъ и въ придворномъ званіи“.

Іюля 8-го. „Главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ, члена Государственнаго Совѣта, т. сов. *Стиминскаго*, Всемилостивѣйше увольняемъ, согласно прошенію, отъ занимаемой имъ должности главноуправляющаго, съ оставленіемъ его членомъ Государственнаго Совѣта“.

Высочайшіе приказы.

По Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

9-го іюля 1906 года, № 32.

Увольняется, согласно прошенію, сенаторъ, гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества князь *Ширинскій-Шихматовъ*—отъ должности Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, съ оставленіемъ гофмейстеромъ и въ званіи сенатора.

9-го іюля 1906 года, № 23.

По Государственному Совѣту.

Назначается гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, князь *Ширинскій-Шихматовъ* членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ гофмейстеромъ.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленіямъ Святѣйшаго Синода, Всемилоствѣйше соизволилъ 30-го іюня текущаго года, на сопрічисленіе, за 50 лѣтнюю отлично-усердную службу церкви Божіей, къ орденамъ: *св. Владимира 4-й степени*: протоіерея слоб. Песокъ, Изюмскаго уѣзда, Николая *Астремскаго*; *св. Анны 3-й степени*—діакона церкви с. Каменецкаго, Ахтырскаго уѣзда, Даміана *Капустянскаго*.

Государь Императоръ, согласно удостоенію кавалерской думы, въ 3-й день февраля 1906 года, Высочайше соизволилъ на награжденіе нижеслѣдующихъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія орденомъ *св. Анны 3-й степени*, за заслуги, въ статьѣ 459 (Учрежд. орл. Т. I. Св. Зак. изд. 1892 г.) статута сего ордена, изъясненныя въ пунктѣ 16-мъ, по Харьковской епархіи: гор. Харькова Святодуховской церкви протоіерея Петра Тимоѣева; церкви села Василевкова, Волчанскаго уѣзда, священника Θεодора Якубовичъ; церкви слободы Полковой Никитовки, Богодуховскаго уѣзда, священника Симеона Котлярова.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 12 іюля 1906 года за № 122, по Высочайшему Манифесту о роспускѣ Государственной Думы и о времени созыва таковой въ новомъ составѣ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: Вѣдѣніе Правительствующаго Селата, отъ 9-го сего іюля за № 6926, съ препровожденіемъ, для повсемѣстнаго обпаро-

дованія, экземпляра Высочайшаго Манифеста, состоявшагося въ 9-й день сего же іюля, о роспускѣ Государственной Думы и о времени созыва таковой въ новомъ составѣ. Приказали: Напечатать Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ въ № 28 журнала „Церковныя Вѣдомости“ и особымъ прибавленіемъ въ количествѣ 50 экземпляровъ при каждомъ № для раздачи народу, предписать подлежащимъ учрежденіямъ и лицамъ духовнаго вѣдомства, чтобы означенный Высочайшій Манифестъ былъ прочтанъ во всѣхъ церквахъ Россійской Имперіи въ первый по полученіи № 28 „Церковныхъ Вѣдомостей“ воскресный или праздничный день по окончаніи божественной литургіи тамъ, гдѣ не былъ онъ прочтанъ по особому распоряженію, сообщенному исполняющимъ обязанности Оборотъ Прокурора Святѣйшаго Синода по телеграфу; Правительствующему же Сенату о такомъ распоряженіи Святѣйшаго Синода сообщать вѣдѣніемъ.

Епархіальныя извѣщенія.

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Безмѣстный священникъ Андрей *Панкратьевъ* опредѣленъ 18-го іюля н. г. на священническое мѣсто при Покровской церкви, слободы Терновъ, Лебединскаго уѣзда.

б) Безмѣстный священникъ Николай *Дзюбановъ* опредѣленъ 14 іюля н. г. на священническое мѣсто при Троицкой церкви, слободы Черкаскаго Бишкина, Зміевскаго уѣзда.

в) Псаломщикъ Троицкой церкви, слободы Черкаскаго Бишкина, Зміевскаго уѣзда, Антоній *Михайловскій* опредѣленъ 17-го іюля н. г. на діаконское мѣсто при означенной церкви.

г) Псаломщикъ Пресображенской церкви, города Вѣлополя, Оумскаго уѣзда, Антоній *Федоровъ* опредѣленъ 21 іюля н. г. на діаконское мѣсто при Покровской церкви, того же города Вѣлополя.

д) Бывшій псаломщикъ Иванъ *Стеллецкій* опредѣленъ 9-го іюля н. г. и. д. псаломщика къ Петро-Павловской церкви, села Вертѣвки, Харьковскаго уѣзда.

е) Сынъ псаломщика Митрофанъ *Поповъ* опредѣленъ 10 іюля н. г. и. д. псаломщика къ Троицкой церкви, села Покровскаго, Валковскаго уѣзда.

ж) Крестьянинъ Данилъ *Воронинъ* опредѣленъ 15-го іюля н. г. на псаломщицкое мѣсто при Серафимовской церкви, города Харькова.

з) Бывшій псаломщикъ Помпей *Сергіевскій* опредѣленъ 19 іюля н. г. на псаломщицкое мѣсто при Вознесенской церкви, слоб. Огецковки, Оумскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ Николаевской церкви, сл. Нволаевки 1-й, Волчанскаго уѣзда, Ѳеодоръ *Платоновъ* перемѣщенъ 14-го іюля на священническое мѣсто при Пророко-Ильинской церкви, хутора Цѣлуйкова, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Діаконъ Троицкой церкви, слободы Черкаскаго Бишкпина, Зміевскаго уѣзда, Ѳеофилактъ *Павловскій* перемѣщенъ 14 іюля н. г. на діаконское мѣсто при Архангело-Михайловской церкви, слободы Тарановки, того же уѣзда.

в) Діаконъ-псаломщикъ Петро-Павловской церкви, слободы Вертѣвки, Харьковскаго уѣзда, Петръ *Ситухинъ* перемѣщенъ 14 іюля н. г. на псаломщическое мѣсто при Покровской церкви, слободы Межирича, Лебединскаго уѣзда.

г) Псаломщикъ Ѳеодосіевской церкви, села Михайловки, Старобѣльскаго уѣзда, Іоаннъ *Кучеренко* и н. д. псаломщика Георгіевской церкви, слоб. Поповел, Изюмскаго уѣзда, Сергій *Троянъ* перемѣщены 15 іюля н. г. одянь на мѣсто другаго.

3. Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Петро-Павловской церкви, слободы Павловки, Старобѣльскаго уѣзда, Александръ *Воскобойниковъ* уволенъ за штатъ 19 іюля н. года.

б) Діаконъ Архангело-Михайловской церкви, слободы Тарановки, Зміевскаго уѣзда, Григорій *Павловскій* уволенъ за штатъ 14 іюля с. г.

в) Псаломщикъ-діаконъ Вознесенской церкви, слободы Стецковки, Оумскаго уѣзда, Михайлъ *Сергіевскій* уволенъ за штатъ 19 іюля сего г.

4. О смерти священно-церковно-служителей.

а) Псаломщикъ Воскресенской церкви, села Хорошева, Харьковскаго уѣзда, Константинъ *Поповъ* умеръ 20 іюля 1906 года.

5. Объ утвержденіи должностныхъ лицъ.

а) Священникъ Петро-Павловской церкви, слободы Лимана, Изюмскаго уѣзда, Ѳеодоръ *Бородовъ* назначенъ 14 іюля н. г. благочиннымъ 2-го округа Изюмскаго уѣзда, вмѣсто уволеннаго отъ сей должности, согласно прошенію, благочиннаго священника Петра *Юшкова*.

б) Монахиня Хорошевскаго Вознесенскаго монастыря *Максимила* опредѣленъ Св. Синода, какъ видно изъ указа онаго, отъ 11 іюля 1906 г. за № 7438, назначена настоятельницаю означеннаго монастыря, съ возведеніемъ ея въ санъ игуменіи, вмѣсто уволенной отъ сей должности, согласно прошенію, игуменія *Алевтины*.

6. Обь утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

- а) Къ церкви села Заводянки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 10 іюля н. г. старостою крестьянинъ Федоръ *Писаренко*.
- б) Къ Троицкой церкви, сл. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 6-го іюля старостою отставной унтеръ-офицеръ Яковъ *Жиліевъ*.
- в) Къ Пятипцкой церкви, сл. Брацовки, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 10 іюля старостою крестьянинъ Василій *Подойма*.
- г) Къ Казанской церкви, слоб. Нижней Орелн, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 10 іюля старостою крестьянинъ Иванъ *Куликъ*.
- д) Къ Крестовоздвиженской церкви, слободы Нижебараниговки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 14-го іюля старостою крестьянинъ Михай *Лукьянцовъ*.
- е) Къ Николаевской церкви, слободы Дробышевой, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 14 іюля старостою крестьянинъ Іосифъ *Бабаковъ*.
- ж) Къ Церкви сл. Закотной, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 19-го іюля старостою крестьянинъ Іосифъ Чумаковъ.
- з) Къ церкви сл. Поповки, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 19-го іюля старостою крестьянинъ Описимъ *Стыценко*.
- і) Къ церкви села Жихора, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 19-го іюля старостою крестьянинъ Михайлъ *Лященко*.

6. Обь утвержденіи въ должности законоучителей.

- б) Священникъ Петро-Павловской церкви, слободы Петропавловки, Старобѣльскаго уѣзда, Павелъ *Бородаевъ* утвержденъ 9-го іюля законоучителемъ 2-го Петропавловскаго народнаго училища.
- б) Діаконъ Воскресенской церкви, слоб. Новой-Водолаги, Валковскаго уѣзда, Гавріилъ *Федоровскій* утвержденъ 17 іюля законоучителемъ 2-го Ново-Водолажскаго народнаго училища, Валковскаго уѣзда.

8. Вакантныя мѣста.

а) Священническія.

При Николаевской церкви, слоб. Николаевки 1-й, Волчанскаго уѣзда.
— Петро-Павловской церкви, слоб. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Діаконскія.

При Александро-Невской церкви, села Рай Александровки, Изюмскаго у.

в) Псаломщики.

При Институтской Маріе-Магдалинской церкви (въ г. Харьковѣ).
— Сергіевской церкви, Харьковской 2-й гимназіи.

При Осіе-Андреевской церкви, Харьковскаго Реального училища

- Соборной Покровской церкви, города Ахтырки.
- Рождество-Богородичной церкви, слоб. Волоховки, Волчанскаго у.
- Троицкой церкви, сл. Черкаскаго Бишкппа, Змиевскаго уѣзда
- Преображенской церкви, города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.

Перечень занятій, подлежащихъ обсужденію очереднаго сѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, имѣющаго быть 19 сентября сего 1906 года.

1. Разсмотрѣніе журналовъ предыдущаго сѣзда духовенства за 1905 г.
2. Разсмотрѣніе смѣты пряхода и расхода суммъ на содержаніе училищнаго общежитія въ будущемъ 1907 году.
3. Докладъ временно-ревизионнаго комитета по документальной провѣркѣ экономическаго отчета и прихода-расходныхъ книгъ училища за 1905 годъ.
4. Разсмотрѣніе вѣдомостей о.о. благочинныхъ Сумскаго училищнаго округа о приходѣ, расходѣ и остаткѣ церковныхъ суммъ, а также о продажѣ вѣщевъ и листовъ разрѣшительной молитвы.
5. Текущія по Правленію училища дѣла.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Харьковская Духовная Консисторія сямъ объявляетъ для свѣдѣнія духовенства, духовныхъ учреждений Харьковской епархіи и подлежащихъ лицъ о томъ, что Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій 2 іюля 1906 года, за № 355, изволилъ дать Духовной Консисторіи предложеніе слѣдующаго содержанія:

„На прошедшемъ Епархіальномъ Сѣздѣ духовенства Харьковской епархіи члены онаго выразили желаніе, чтобы слѣдующій Сѣздъ былъ назначенъ на 1-е сентября 1906 года. Посему на означенное время назначаю Сѣздъ духовенства Харьковской епархіи (на 1-е сентября 1906 года). По заведенному порядку на предстоящій Сѣздъ назначаю о.о. благочинныхъ; кромѣ того, для полноты онаго, предоставляю духовенству избрать на Сѣздъ по одному изъ благочинія зрѣлому и опытному священнослужителю. Ииъ предоставляется обсужденіе указанныхъ закономъ дѣлъ подлежащихъ нашихъ Епархіальныхъ учреждений. На засѣданіяхъ по этимъ дѣламъ, смотря по надобности, присутствуютъ председатели, или члены Собраній и Правленій сихъ учреждений. Что же касается различныхъ религіозно-нравственныхъ, церковно-богослужебныхъ, миссіонерскихъ,

школьныхъ и приходскихъ вопросовъ, то на засѣданіяхъ по онымъ могутъ присутствовать и другія духовныя лица, а также служащіе въ Епархіальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, настоятели и настоятельница монастырей и, съ разрѣшенія Епархіальнаго начальства, нѣкоторыя свѣтскія лица. На этихъ засѣданіяхъ председательствуетъ Епархіальный Архіерей или, по его назначенію, Викарный Преосвященный, а за отсутствіемъ ихъ—предсѣдатель Епархіальнаго Съезда духовенства. Предметы, предназначенныя на разсмотрѣніе Съезда, разрѣшаются къ разсмотрѣнію Епархіальнымъ Архіереемъ, и вообще вся программа вопросовъ, предназначенныхъ на обсужденіе Съезда, утверждается имъ же“.

РАЗРЯДНОЙ СПИСОКЪ

учениковъ IV класса Харьковскаго Духовнаго Училища, составленный Правленіемъ Училища на основаніи годовыхъ испытаній, произведенныхъ въ маѣ 1906 года, и утвержденный Его Преосвященствомъ.

Разрядъ первый: 1. Луценко Александръ, Стефановъ Петръ, Михайловскій Николай. Эти три ученика за благонравіе и отличные успѣхи награждаются книгамъ. Бородаевъ Ивапъ, 5. Платоновъ Михаилъ, Бесѣда Викторъ.

Разрядъ второй: Бондаревъ Николай, Бараникъ Иванъ, Щербина Григорій, 10. Пономаревъ Сергій, Афончиковъ Владиміръ, Прибытковъ Леонидъ, Бородаевъ Евгений, Инпоковъ Вепіаминъ, 15. Любарскій Анатолій, Евтушенко Алексѣй, Воскобойниковъ Василій, Власенко Ефимъ, Найловскій Антонинъ, 20. Якубовичъ Анатолій, Семейкинъ Арсеній, Сергѣевъ Иванъ, Стефановскій Александръ, Дашкѣвъ Павелъ. Эти двадцать четыре ученика признаются окончившими полный курсъ въ духовномъ училищѣ и назначаются къ переводу въ 1 классъ духовной семинаріи, 25. Мощенко Владиміръ, допускается къ экзаменамъ по всѣмъ предметамъ послѣ капикулъ по болѣзни. Хорошковъ Федоръ оставляется на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по прошенію отца.

РАЗРЯДНОЙ СПИСОКЪ

учениковъ III, II, I и пригготовительнаго классовъ, составленный Правленіемъ Училища на основаніи репетицій, произведенныхъ въ маѣ мѣсяцѣ 1906 года, и утвержденный Его Преосвященствомъ.

Классъ III-й.

Разрядъ первый: 1. Циганинъ Федоръ,—этотъ ученикъ за благонравіе и отличные успѣхи награждается книгой; Могилянскій Владиміръ Петровъ Дмитрій.

Разрядъ второй: Сулима Николай II, 5. Поповъ Валентинъ, Копецкій Платовъ, Оедоровъ Евлампій, Безугловъ Александръ, Тимошеевъ Владиміръ, 10. Шепелевскій Борисъ, Власенко Георгій, Ладенко Анатолій, Родіоновъ Константинъ, Сяратскій Захарій, 15. Николаевичъ Михаилъ, Григоровичъ Михаилъ, Молочковскій Вячеславъ, Найдовскій Валентинъ, Рубинскій Василій, 20. Дюговъ Константинъ, Рубинскій Михаилъ, Пономаревъ Борисъ, Любичскій Михаилъ, Дахнѣвскій Александръ, 25. Савченко Иванъ,— эти двадцать пять учениковъ признаются достойными перевода въ IV классъ.

Слѣдующіе десять учениковъ могутъ быть переведены въ IV классъ, если удовлетворительно выдержатъ экзаменъ послѣ каникулъ:

Краснокутскій Александръ — по греческому языку, Рубинскій Константинъ и Любомудровъ Павелъ. по русскому языку съ церковно-славянскимъ. Поповъ Петръ по русскому языку съ церковно славянскимъ и русскому письменному упражненію. 30. Поповъ Вепіампнъ — по арифметикѣ, Торанскій Василій — по русскому языку съ церковно-славянскимъ и греческому языку. Мухинъ Александръ — по катехизису и географіи, Папкратьевъ Александръ — по русскому языку съ церковно славянскимъ и русскому письменному упражненію. Сулима Николай I-й — по русскому языку съ церковно-славянскимъ, греческому языку и русскому письменному упражненію. 35. Сугаченко Илья — по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ. Доброправовъ Константинъ — оставляется на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по прошенію отца. Протопоповъ Митрофанъ — увольняется изъ училища по малоуспѣшности. Оедоровскій Николай — увольняется по прошенію отца. Червонецкій Павелъ — о немъ согласно резолюціи Его Пресвященства, отъ 14 іюня н.г, послѣдовавшей на журналѣ Правленія, за № 9, имѣетъ быть особое сужденіе въ педагогическомъ собраніи правленія училища въ августѣ мѣсяцѣ 1906 г.

Классъ II-й.

Разрядъ первый: 1. Михайловскій Михаилъ —этотъ ученикъ за благо- правіе и отличные успѣхи награждается книгой. Агивцевъ Николай, Слюсаревъ Александръ, Евфимовъ Петръ.

Разрядъ второй: 5. Агивцевъ Иванъ, Красильниковъ Константинъ, Ентушенко Павелъ, Поипровскій Михаилъ, Тычининъ Александръ, 10. Андроновъ Стефанъ, Петровскій Владиміръ, Мищенко Борисъ, Луценко Тихонъ, Доброславскій Борисъ, 15. Савченко Александръ, Чаговцовъ Петръ, Мощенко Николай, Мартыновъ Александръ, Бугуцкій Василій, 20. Шокотовъ Александръ, Владыковъ Евгеній, Ромацовъ Александръ, Полянскій Павелъ, Чиркинъ Сергѣй, 25. Голубинскій Георгій, Закрицкій

Александръ. Эти двадцать шесть учениковъ признаются достойными перевода въ III классъ.

Слѣдующіе пять учениковъ могутъ быть переведены въ III классъ, если удовлетворительно выдержатъ экзаменъ послѣ каникулъ:

Гончаревскій Стефанъ— по русскому языку съ церковно-славянскимъ. Поповъ Стефанъ— по русскому языку съ церк.-славян. и латинскому языку, Сергѣевъ Владиміръ— по священной исторіи, русскому языку съ церковно-славянскимъ и русскому письменному упражненію. 30. Фоминъ Владиміръ— по священной исторіи и греческому языку. Ковалевскій Николай— по греческому языку, арифметикѣ и церковному пѣнію. Ковалевскій Георгій— допускается къ экзамену по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ. Бугковъ Николай и Москалевъ Александръ остаются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по прошенію родителей. 35. Вышемирскій Федоръ, Илюковъ Василій, Коньковъ Иванъ, Пономаревъ Гавріилъ, Стефановъ Иванъ, 40. Стрелевскій Дмитрій остаются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности. Раевскій Павелъ— увольняется изъ училища по прошенію отца.

Классъ I-й.

Разрядъ первый: 1. Платоновъ Николай, Поповъ Яковъ, — эти два ученика за благоцравіе и отличные успѣхи награждаются книгами. Курской Михаилъ, Копацкій Леонидъ, 5. Виноградовъ Николай, Левандовскій Борисъ, Рубинскій Евгений, Чиркинъ Владиміръ, Прибытковъ Сергій.

Разрядъ второй: 10, Черняевъ Алексій, Андреевъ Николай, Хорошковъ Антонъ, Гаврашенко Николай, Макаровскій Гепнадій, 15. Шереметьевъ Александръ, Сулима Василій, Москалевъ Сергій, Гордѣенко Памфелъ, Веселый Леонидъ, 20 Навродскій Александръ, Торанскій Иванъ, Вертеловскій Николай, Загоровскій Георгій, Павловскій Николай, 25. Федоровъ Викторъ, Власовскій Николай, Федоровъ Александръ, Богославскій Алексій, Антоновичъ Борисъ, 30. Мартыновъ Михаилъ, Дьяковъ Сергій. Эти 31 ученикъ признаются достойными перевода во 2 классъ.

Слѣдующіе шесть учениковъ могутъ быть переведены во 2 классъ, если удовлетворительно выдержатъ экзаменъ послѣ каникулъ:

Федоровскій Николай— по арифметикѣ, Кошляковъ Михаилъ— по священной исторіи, Разгоновъ Викторъ— по священной исторіи и церк.-слав. язык. 35. Дорошенко Семенъ и Мухицъ Викторъ по священной исторіи и арифметикѣ, Сербинъ Петръ— по русскому языку съ церковно-славянскимъ и арифметикѣ. Краснокутскій Александръ— допускается къ экзамену по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ. Корнильевъ Петръ—

оставляется на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности. 40. Шебатинскій Владиміръ, Семеновъ Владиміръ, Букасовъ Георгій оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по болѣзни.

Классъ приготовительный.

Разрядъ первый: 1. Дудникъ Григорій, Богославскій Константинъ. Эти два ученика за благовравіе и отличные успѣхи награждаются книгами. Данѣвскій Николай, Курганскій Николай 5. Федоровъ Владиміръ, Дьяковъ Дмитрій, Поповъ Владиміръ, Ковалевскій Михаилъ, Оружинскій Михаилъ, 10. Бородаевъ Николай, Андреевъ Вевіаминъ.

Разрядъ второй: Дюковъ Николай, Бугуцкій Владиміръ. Краснокутскій Андрей, 15. Пономаревъ Сергѣй, Никитицъ Николай, Никитицъ Андрей, Дюковъ Владиміръ, Торанскій Александръ, 20. Мураховскій Константинъ, Тимоеевъ Николай. Мухинъ Алексѣй, Панкратьевъ Борисъ, Тенетка Анатолий, 25. Липскій Борисъ, Бѣлоусовъ Леонидъ, Оболенцевъ Федоръ, Краснокутскій Евгений, Андроновъ Николай, 30. Савельевъ Григорій, Савченко Борисъ, Мацокниъ Яковъ, Жилинъ Василій, Сокольскій Арсеній, 35. Мартыновъ Гаврилъ, Добролицкій Владиміръ. Эти 36 учениковъ признаются достойными перевода въ 1 классъ.

Слѣдующіе четыре ученика могутъ быть переведены въ 1-й классъ, если удовлетворительно выдержатъ экзаменъ послѣ каникулъ:

Грабовскій Николай, Квитковскій Григорій, Краснопольскій Никита по ариметикѣ 40. Чебановъ Александръ—по закону Божію и русскому языку. Отрыжакъ Александръ—допускается къ экзамену по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ. Рубинскій Василій—оставляется на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности. Труфановъ Николай и Квитковскій Константинъ—увольняются изъ училища по малоуспѣшности.

Списокъ лицъ, служащихъ при Харьковскомъ Духовномъ училищѣ, съ краткими біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ.

1. Смотритель училища, *Снегиревъ* Александръ Алексѣевичъ, статскій совѣтникъ, кандидатъ Казанской духовной академіи 1874 года; съ 11 іюля 1874 г. преподаватель Харьковской духовной семинаріи; съ 5 ноября 1887 г. смотритель училища.

2. Помощникъ смотрителя училища, *Малишевскій* Александръ Павловичъ, статскій совѣтникъ, кандидатъ Кіевской духовной академіи 1886 г.;

съ 12 февраля 1888 г. преподаватель Кутаисскаго духовнаго училища; съ 9 ноября 1890 года преподаватель Тифлисской духовной семинаріи; съ 3 ноября 1894 г. преподаватель Купянскаго духовнаго училища; съ 9 февраля 1895 г. помощникъ смотрителя Купянскаго духовнаго училища; съ 18 іюля 1905 года помощникъ смотрителя Харьковскаго духовнаго училища.

Преподаватели:

Русскаго и церковно-славянскаго языковъ во 2—4 классахъ *Боевскій* Иванъ Александровичъ, статскій совѣтникъ, кандидатъ Кіевской духовной академіи 1883 года; съ 23 декабря 1883 года преподаватель Черкаскаго духовнаго училища; съ 10 августа 1884 года преподаватель Харьковскаго духовнаго училища.

Русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ 1 классѣ *Пискаревъ* Николай Платоновичъ, кандидатъ Московской духовной академіи 1902 года; съ 4 декабря 1904 года преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языковъ и пѣнія при Харьковскомъ духовномъ училищѣ.

Латинскаго языка *Булмаковъ* Иванъ Васильевичъ, коллежскій совѣтникъ, кандидатъ Московской духовной академіи 1895 года; съ 3 августа 1895 г. преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языка 1 класса Харьковскаго духовнаго училища; съ 27 августа 1899 г. преподаватель латинскаго языка при томъ же училищѣ.

Греческаго языка *Марченко* Владиміръ Васильевичъ, надворный совѣтникъ, студентъ Харьковской духовной семинаріи 1879 г.; съ 15 августа 1879 года надзиратель-репетиторъ Харьковскаго Духовнаго училища; съ 2 октября 1880 года преподаватель греческаго языка Харьковскаго духовнаго училища.

Географіи и ариѳметики *Пономаревъ* Василій Арсеньевичъ, статскій совѣтникъ, кандидатъ Кіевской духовной академіи 1883 года; съ 23 октября 1883 г. помощникъ инспектора Харьковской духовной семинаріи; съ 1 августа 1894 г. преподаватель географіи и ариѳметики Харьковскаго духовнаго училища.

И. д. учителя приготовительнаго класса *Лихимскій* Иванъ Васильевичъ, надворный совѣтникъ, воспитанникъ Харьковской духовной семинаріи 1885 года; съ 14 сентября 1887 года надзиратель-репетиторъ Харьковскаго духовнаго училища; съ 18 іюля 1891 г. и. д. учителя приготовительнаго класса при томъ же училищѣ.

Надзиратели:

4 класса *Чистосердовъ* Иванъ Ивановичъ, воспитанникъ Семинаріи, съ 15 августа 1903 года.

3 класса *Архангельскій* Илья Митрофановичъ, студентъ Семинаріи, съ 1 ноября 1902 года.

2 класса *Любковскій* Иванъ Васильевичъ, надворный совѣтникъ, студентъ Семинаріи, съ 1 августа 1890 года.

1 класса *Макаровскій* Ѳеодоръ Григорьевичъ, студентъ Семинаріи, съ 1 сентября 1901 года.

Приготовительнаго класса *Пипенко* Николай Тимоѳеевичъ, съ 15 августа 1903 года.

Списокъ лицъ, служащихъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ за 1906 г.

1. Смотритель Купянскаго духовнаго училища, статскій совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Григоровичъ. Имѣеть ордена Св. Станислава III ст., Св. Анны III ст., Св. Станислава II ст. и Св. Анны II ст. Въ 1880 г. окончилъ курсъ въ Кіевской Духовной Академіи, со степенью кандидата, съ правомъ нескать степени магистра, не подвергаясь новому устному испытанію. Въ томъ же 1880 г. онъ былъ назначенъ преподавателемъ латинскаго языка въ Кіево-Софійскомъ духовномъ училищѣ. Въ 1882 г. — преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языка и словесности при Кіевскомъ училищѣ двѣицъ духовнаго званія. Въ 1884 г. — смотритель Черкаскаго духовнаго училища. Въ 1888 г. — членъ и казначей Черкаскаго уѣзднаго отдѣленія Кіевского Епархіальнаго училищнаго совѣта. Въ 1893 г. смотритель Купянскаго духовнаго училища и членъ Купянскаго уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта; съ 1899 г. членъ школьной комиссіи при томъ же отдѣленіи.

2. Помощникъ Смотрителя, статскій совѣтникъ Иванъ Павловичъ Мосіевскій, имѣеть орденъ Св. Анны III ст. Въ 1887 г. окончилъ курсъ въ Кіевской духовной Академіи, со степенью кандидата. Въ томъ же 1887 г. — законоучитель и преподаватель ариметики въ Симферопольской церковно-приходской школѣ. Въ 1888 году преподаватель русскаго языка въ I, II и III кл. Таврическаго Епархіальнаго женскаго училища. Въ томъ же 1888 г. членъ Таврическаго Епархіальнаго цензурнаго комитета. 1892 г. преподаватель ариметики и географіи въ Херсонскомъ духовномъ училищѣ. Въ 1905 г. Помощникъ Смотрителя Купянскаго духовнаго училища.

3. Старшій учитель ариметики и географіи, статскій совѣтникъ, Михаилъ Димитріевичъ Островниковъ, имѣеть ордена: Св. Станислава III ст., Библию, отъ Св. Синода выдаваемую, и Св. Анны III ст. Въ 1884 г. окончилъ курсъ въ Кіевской Духовной Академіи и удостоенъ званія канди-

дата. 1884 г. преподаватель латинскаго языка Черкаскаго духовнаго училища. Въ 1885 г. преподаватель русскаго языка въ старшихъ классахъ того же училища. Съ 1885—1889 г. членъ и дѣлопроизводитель училищнаго правленія того-же училища. Въ 1886 г. преподаватель арифметики и географіи того же училища. Въ 1889 г. преподаватель арифметики и географіи Ярославскаго духовнаго училища. Съ 1890 г. по 1896 г. преподавалъ гражданскую исторію въ Ярославскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Въ 1890 г. членъ отдѣленія по Ярославскому уѣзду епархіальнаго училищнаго совѣта. Въ 1899 г. преподаватель арифметики и географіи Купянскаго духовнаго училища. Съ 1904 г. преподаетъ математику въ Купянской женской прогимназіи.

4. Учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ старшихъ классахъ училища Николай Алексѣевичъ Старухинъ. Въ 1899 г. окончилъ курсъ въ Кіевской Духовной академіи съ званіемъ дѣйствительнаго студента Академіи. Въ 1902 г. помощникъ инспектора въ Воронежской Духовной Семинаріи, а въ 1905 г. преподаватель русскаго языка въ старшихъ классахъ Купянскаго духовнаго училища.

5. Учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ 1-мъ классѣ, надворный совѣтникъ Иванъ Степановичъ Гогинъ, имѣетъ орденъ: Св. Станислава III ст. и Св. Анны III ст. Въ 1889 г. окончилъ курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи и удостоенъ званія студента. Въ 1889 г. надзиратель—репетиторъ 1 класса Харьковскаго духовнаго училища и учитель церковнаго пѣнія въ томъ же училищѣ. Въ 1897 г. учитель русскаго языка въ 1 классѣ Купянскаго духовнаго училища и учитель церковнаго пѣнія въ томъ же училищѣ, 1902 г. членъ—дѣлопроизводитель училищнаго Правленія.

6. Учитель греческаго языка, Михаилъ Григорьевичъ Ульицикій. Въ 1901 окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи и удостоенъ званія кандидата. Въ 1901 г. учитель Александровской церковно-учительской школы г. Полтавы. Въ 1902 г. учитель греческаго языка Купянскаго духовнаго училища.

7. Учитель латинскаго языка, коллежскій совѣтникъ Николай Яковлевичъ Александровъ, имѣетъ орденъ Св. Станислава III ст. Въ 1894 г. окончилъ курсъ въ Кіевской Духовной Академіи и удостоенъ званія кандидата. Въ 1895 г. учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ II, III и IV-мъ классахъ Купянскаго духовнаго училища. Въ 1903 г. учитель латинскаго языка въ томъ же училищѣ.

8. Учитель приготовительнаго класса, надворный совѣтникъ Георгій Федотовичъ Поповъ, имѣетъ орденъ: Св. Станислава III ст. и Св. Анны III ст. Въ 1890 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной Семинаріи,

удостоенъ званія студента и опредѣленъ надзирателемъ-репетиторомъ въ Купянское духовное училище. Въ 1894 г. учитель приготовительнаго класса того-же училища. 1885 г. учитель чистописанія того-же училища. Съ 1896—1905 г. членъ-дѣлопроизводитель Купянскаго отдѣленія харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. 1898 г. членъ школьной коммисіи при томъ же отдѣленіи.

9. Надзиратель-репетиторъ IV класса, надворный совѣтникъ Влссарионъ Ивановичъ Смирскій. Имѣеть орденъ Св. Станислава III ст. Въ 1891 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. Въ томъ же 1891 г. опредѣленъ надзирателемъ-репетиторомъ въ Купянское духовное училище.

10. Надзиратель-репетиторъ III класса, священникъ Сергій Михайловичъ Дубровинъ. Въ 1902 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. Въ томъ-же 1902 г. надзиратель-репетиторъ Сумскаго духовнаго училища. Въ 1903 г. рукоположенъ во священника и опредѣленъ въ село Рѣчки, Сумскаго уѣзда. Въ 1905 г. надзиратель-репетиторъ (и священникъ при училищной церкви) въ Купянскомъ духовномъ училищѣ.

11. Надзиратель-репетиторъ II класса, надворный совѣтникъ Петръ Алексѣевичъ Торанскій. Имѣеть орденъ Св. Станислава III ст. Въ 1879 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. Въ 1880 г. надзиратель-репетиторъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ.

12. Надзиратель-репетиторъ I класса, надворный совѣтникъ Θεодоръ Александровичъ Евецкій, имѣеть орденъ Св. Станислава III ст. Въ 1891 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной Семинаріи. Въ 1893 г. надзиратель-репетиторъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ.

13. Надзиратель-репетиторъ приготовительнаго класса, надворный совѣтникъ Иванъ Трифоновичъ Бугуцкій. Въ 1887 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной Семинаріи и удостоенъ званія студента. Въ 1888 г. надзиратель-репетиторъ Сумскаго духовнаго училища. Въ 1903 г. надзиратель-репетиторъ Купянскаго духовнаго училища.

Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.

I.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища симъ объявляетъ, что экзамены, послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ настоящемъ году, ученикамъ Купянскаго духовнаго училища и пріемнымъ испытанія для вновь поступаю-

щихъ въ училище назначены въ слѣдующемъ порядкѣ: Августа 18 и 19 экзаменъ для вновь поступающихъ въ IV-й классъ; Августа 21 и 22 экзаменъ ученикамъ III класса и приемъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ, Августа 23 и 24 экзаменъ ученикамъ II класса и приемъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ; Августа 25 и 26 экзаменъ ученикамъ I класса и приемъ поступающихъ въ этотъ классъ; Августа 28 экзаменъ ученикамъ приготовительнаго класса. Августа 30—31 приемъ поступающихъ вновь въ приготовительный классъ.

II.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища симъ объявляетъ: а) учебныя занятія въ наступающемъ 1906—1907 учебномъ году, во всѣхъ классахъ училища, начнутся 1 сентября, а учащіеся должны быть представляемы въ училище къ 31 августа, б) Всѣ воспитанники свѣтскаго званія обязаны внести плату за право обученія впередъ за весь учебный годъ, въ количествѣ 60 р., в) Родители воспитанниковъ училища, желающіе, чтобы дѣти ихъ приняты были на полнокоштное или полукоштное училищное содержаніе, обязаны подать прошеніе въ правленіе училища не позже 15 августа, съ приложеніемъ удостовѣренія о своей бѣдности по формѣ. г) Всѣ воспитанники, желающіе поступить въ училищное общежитіе, должны внести установленную плату впередъ за полъ года, а вновь поступающіе воспитанники, кромѣ того, обязаны внести по 12 р. 50 к. въ Правленіе училища за спальныя принадлежности.

III.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища, согласно журнальному постановленію, утвержденному Его Пресвященствомъ 5 іюля 1906 года, доводитъ до свѣдѣнія окружнаго духовенства, что для предстоящихъ занятій, Съѣзда духовенства, имѣющаго быть 19 сентября 1906 года, назначаются слѣдующіе предметы: а) Разсмотрѣніе журналовъ предыдущаго Съѣзда и заслушаніе резолюцій Его Высокопреосвященства, послѣдовавшихъ на сихъ журналахъ. б) Разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училища въ 1907 году и дополнительной смѣты расхода на текущій 1906 годъ. в) Разсмотрѣніе вѣдочныхъ вѣдомостей за прошедшій 1905 годъ. г) Разсмотрѣніе отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнуемыхъ духовенствомъ Купянскаго училищнаго округа, за 1905 годъ, а также журналовъ временнаго Ревизионнаго комитета по повѣркѣ означеннаго отчета. д) Избраніе членовъ временнаго ревизионнаго комитета и кандидатовъ къ нимъ на будущій 1907 годъ. е) Другія текущія дѣла, подлежащія обсужденію предстоящаго съѣзда.

Извлеченіе изъ циркуляра министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ, отъ 30-го іюня 1906 года.

I. Въ студенты университета принимаются:

1) Безъ дополнительныхъ испытаній: а) пишущіе аттестатъ или свидѣтельство зрѣлости; б) окончившіе курсъ общихъ классовъ Императорскаго Александровскаго лиція, а также в) курсъ общихъ классовъ Императорскаго училища правовѣдѣнія.

2) Съ дополнительнымъ испытаніемъ въ объемѣ полнаго гимназическаго курса изъ одного лишь латинскаго языка окончившіе курсъ: а) реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія съ 7 дополнительнымъ классомъ; б) Гатчинскаго сиротскаго института Императора Николая I (7 кл.); в) приюта принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго (7 кл.); г) Тепишевскаго училища (8 кл.); д) кадетскихъ корпусовъ.

3) Изъ латинскаго языка, математики физики — воспитанники морскаго кадетскаго корпуса, окончившіе курсъ общихъ классовъ.

4) По математикѣ, физикѣ и одному изъ новыхъ языковъ — воспитанники православныхъ духовныхъ семинарій, по окончаніи курса 4 общеобразовательныхъ классовъ.

Примѣчаніе. Окончившіе полный курсъ 6 классовъ духовныхъ семинарій, согласно циркуляру отъ 14-го декабря 1905 года, могутъ быть принимаемы и на болѣе льготныхъ условіяхъ, по усмотрѣнію университетскихъ совѣтовъ.

II. Отъ всѣхъ желающихъ поступить на историко-филологическій факультетъ требуется, кромѣ того, знаніе греческаго языка въ объемѣ гимназическаго курса.

III. Указаннымъ испытаніямъ молодые люди подвергаются при мужскихъ гимназіяхъ весною, во время испытаній зрѣлости, съ предварительнымъ взносомъ 10 рублей въ пользу экзаменаторовъ (ст. 1501 т. XI ч. I св. зак., изд. 1893 г.).

Примѣчаніе. Дабы дать возможность нынѣ же воспользоваться новыми правилами, относительно приѣма въ университетъ, въ текущемъ 1906 г. разрѣшается, въ видѣ исключенія, производить дополнительные испытанія въ августѣ мѣсяцѣ, одновременно съ приѣмными и переводными испытаніями.

IV. Лица, представившія свидѣтельство объ окончаніи курса одного изъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, могутъ, по усмотрѣнію факультетовъ, быть освобождаемы отъ дополнительныхъ испытаній, независимо отъ того, въ какомъ учебномъ заведеніи они окончили курсъ средняго образованія.

II.

Содержаніе. II. Возможенъ ли земной рай при социалистическомъ строѣ жизни?—*Л.*—Къ вопросу о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній.—*П. И.*—Церковно-общественная жизнь въ Россіи.—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Разбойническое нападеніе на монастырскій хуторъ.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Важные вопросы.—Проектъ положенія о старообрядцахъ и сектантахъ.—Противъ теченія.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Отрицаеть-ли христіанство культуру?—Ходатайство старообрядческаго собора.—Розыски Чудотворной иконы.—Объявленія.

Возможенъ ли земной рай при социалистическомъ строѣ жизни?

Общая почва, на которой выросъ современный научный социализмъ, есть экономическій материализмъ, враждебный всякому идеалистическому міропониманію. Отвергая какую бы то ни было религіозную метафизику, онъ хочетъ свести рай съ неба на землю, достигнуть полнаго счастья людей въ предѣлахъ этой жизни. Но, увы, земля никогда не будетъ и не можетъ быть раемъ. Было бы слишкомъ наивно думать, что всѣ несчастья человѣчества зависятъ отъ бѣдности и вообще тяжелыхъ матеріальныхъ условій. Послѣднія, конечно, вліяютъ на настроенія человѣка, но это вліяніе очень ограничено. Неужели мы можемъ серьезно думать, что въ общемъ капиталисты живутъ сейчасъ счастливѣе рабочихъ, крупные чиповники—мелкихъ? Не приходится ли намъ иногда наблюдать явленій какъ разъ обратнаго порядка? вмѣстѣ съ увеличеніемъ комфорта и удобствъ жизни вырастаютъ у человѣка новыя потребности, онъ становится болѣе чувствительнымъ къ невгодамъ жизни и болѣе прихотливымъ. Крестьяне и рабочіе въ настоящее время, пожалуй, даже болѣе здоровы физически и духовно, болѣе способны къ радостямъ жизни, чѣмъ пресытившіеся ими люди обезпеченныхъ классовъ. Съ другой стороны, никакой матеріальный убытокъ не уничтожитъ тѣхъ страданій, источникъ которыхъ заключается въ болѣзняхъ тѣла и духа. Смерть близкихъ дорогихъ лицъ, изнурительныя болѣзни, скука, мученія ревности, зависти, злобы и оскорбленнаго самолюбія остались бы и въ царствѣ социализма. Все это имѣетъ для себя источникъ въ самой природѣ человѣка

и пока эта природа останется такою, какова она теперь, не можетъ быть и полного счастья на землѣ.

Въ нѣкоторомъ отношеніи осуществленіе коммунистическихъ идеаловъ даже уменьшило бы сумму радостей жизни. Личность въ такомъ случаѣ всецѣло была бы поглощена обществомъ. Человѣкъ снова сдѣлался бы тѣмъ *ξῶον πολιτικόν*, какимъ считался и дѣйствительно былъ онъ въ дохристианскомъ мірѣ. Тотъ, кому дорога его индивидуальная свобода, въ комъ развито сознание личности, никогда не захочетъ быть членомъ социалистическаго царства. Последнее представляло бы изъ себя одно огромное общежитіе, въ которомъ ни у кого не было бы ничего своего, въ которомъ вся жизнь личности подлежала бы точной регламентаціи и контролю со стороны общества. Значительная часть жизненной поэзіи въ такомъ случаѣ должна была бы уничтожиться. Есть люди, для которыхъ въ настоящее время дороже всего ихъ семейный уголокъ, за черту котораго никто переступить не смѣетъ, которые скорѣе согласятся терпѣть матеріальный недостатокъ, чѣмъ вмѣшательство въ ихъ частную жизнь. Быть только членомъ общежитія, не имѣть личной собственности, жить исключительно въ качествѣ винтика государственной машины — перспектива далеко не изъ пріятныхъ. Иное дѣло, если бы такое отреченіе отъ своего и жизнь для всѣхъ были добровольными, являлись слѣдствіемъ взаимной любви. Въ такомъ случаѣ это не только не уничтожало, а лишь увеличивало бы поэзію жизни, подобно тому, какъ это обстоитъ въ настоящее время въ семьѣ. Но вѣдь социалистическое общеніе имущества должно явиться слѣдствіемъ чисто внѣшняго экономическаго переворота и не будетъ имѣть для себя моральной почвы въ самой природѣ человѣка. А если такъ, то въ этомъ грядущемъ царствѣ каждый очутится какъ бы въ огромной казармѣ. Едва ли это можетъ казаться особенно привлекательнымъ.

Въ царствѣ социализма, какъ рисуютъ его пророки этого ученія, ручной трудъ долженъ замѣниться машиннымъ производствомъ. Весь міръ превратится какъ бы въ толкучій рынокъ съ фабриками, заводами и другими подобными промышленными

учрежденіями. Прелесть полевыхъ работъ и уборки хлѣба, поэзія домашняго очага—все это отойдетъ въ область преданія. Жизнь обезцвѣтится, сдѣлается сѣрою, монотонною, однообразною. Могутъ сказать: все это страшно лишь для того, кто въ настоящее время не знаетъ голода, холода, изнурительнаго труда, вообще—тяжелаго матеріальнаго гнета. Современному бѣдняку не до поэзіи жизни—быль бы кусокъ хлѣба, да теплый уголь. Но, разсуждая такъ, мнѣ кажется, слишкомъ много значенія придаютъ матеріальной и слишкомъ мало духовной сторонѣ жизни. Скучная *домашняя* обстановка и для бѣднаго рабочаго пріятнѣе обширныхъ казенныхъ помѣщеній, поэзія жизни нужна и ему.

Если трудно надѣяться на осуществленіе идеала общаго счастья при социалистическомъ строѣ жизни, то еще меньше имѣемъ мы основаній думать, что при немъ уничтожится нравственное зло. Послѣднее составляетъ не слѣдствіе, а причину зла физическаго. Зависть, злоба, ревность, тщеславіе, гордость одинаково могутъ возникать на почвѣ какъ матеріальнаго довольства, такъ и нищеты. Богатые люди въ настоящее время не лучше бѣдныхъ въ нравственномъ отношеніи. Преступленія также далеко не всегда совершаются подъ вліяніемъ голода, холода, рабской зависимости, угнетенія и безправія. Виновными въ нихъ часто оказываются и представители сытыхъ, обеспеченныхъ классовъ. Даже такое явленіе, какъ проституція, нельзя объяснять исключительно экономическими условіями. Многія женщины предпочитаютъ торговлю собою честному труду именно вслѣдствіе нравственной испорченности и развратности своей натуры. Какія нибудь осыпанныя брилліантами парижскія кокотки могли бы жить въ полномъ довольствѣ, оставивши свою позорную профессію и, однако, не дѣлаютъ этого.

Но если осуществленіе цѣлей современнаго коллективизма во внѣшнихъ формахъ жизни не будетъ сопровождаться нравственнымъ обновленіемъ человѣчества, то не можетъ долго сохраниться и тотъ строй, та общественная организація, о которой мечтаютъ адепты разсматриваемаго ученія.

Общеніе имущества, равенство, братство и свобода—лишь тогда могутъ существовать въ качествѣ устойчивыхъ фактовъ, когда они имѣютъ подъ собою внутреннюю почву. Въ противномъ случаѣ эгоизмъ человѣка, тотъ законъ, по которому homo homini lupus, скоро заставилъ бы подгнать корни политическаго и экономическаго равенства. Злоба, зависть, желаніе захватить себѣ какъ можно больше, игра страстей и самолюбій—все это скоро разрушило бы социалистическій строй жизни. Пока человѣкъ себя любитъ больше, чѣмъ другихъ, онъ именно о себѣ прежде всего станетъ заботиться; пока не уничтожится въ немъ инстинктъ честолюбія, онъ будетъ стараться пріобрѣсти власть надъ другими и при случаѣ давать ее чувствовать; пока въ его сердцѣ есть задатки для зависти и злорадства, онъ сознательно станетъ дѣлать зло другимъ и противодѣйствовать ихъ благополучію; пока онъ не полюбитъ труда или не проникнется сознаниемъ обязанности трудиться, онъ будетъ употреблять всѣ усилія работать меньше на счетъ другихъ. Сначала нужно обновить сердце человѣка, морализировать его природу, а потомъ уже надѣяться на уничтоженіе зла социальной жизни. Этотъ путь и заповѣдуетъ намъ христіанство и только онъ одинъ заключаетъ въ себѣ истину.

Въ заключеніе не можемъ не упомянуть о неизменности идеаловъ социализма и о невозможности удовлетвориться ими для истинно-развитого человѣка. Допустимъ, что съ теченіемъ времени падутъ цѣни экономическаго рабства, уничтожатся нищета и голодъ, всѣ люди будутъ сыты и тепло одѣты, всѣ станутъ жить въ прочныхъ помѣщеніяхъ. Невольно возникаетъ вопросъ: что же будетъ дальше? Неужели этимъ идеаломъ сытаго довольства и мѣщанскаго счастья можетъ удовлетвориться человѣкъ. И не обидно-ли для разумно-нравственнаго существа—*въ этомъ* видѣть конечную цѣль жизни?! „Если сытость и благополучіе, говоритъ Франкъ, рассматривается не какъ необходимая ступень къ дальнѣйшимъ усиліямъ чело-вѣчества и не просто, какъ первое и законное требованіе всякаго голоднаго человѣка, а какъ *конечный идеалъ*, то этотъ

конечный идеалъ по своей природѣ прямо противоположенъ тому, что нравственно цѣнно въ средствахъ его осуществленія. Духовная чистота и высота, героизмъ, отсутствіе своекорыстныхъ побужденій являются въ этикѣ утилитаризма (соціалистическая мораль носитъ всецѣло общественно-утилитарный характеръ) какъ бы лишь механическимъ средствомъ, которое пускается въ ходъ для достиженія человѣческаго благополучія, но становится ненужнымъ и, какъ таковое, отбрасывается въ сторону въ самый моментъ достиженія цѣли“. („Проблемы идеализма“, Москва, 1903 г. стр. 201). Высшіе, идейные, религіозно-философскіе интересы и цѣли жизни социализмъ отвергаетъ. Этимъ онъ обрекаетъ членовъ будущаго общества на бездѣятельность и застой. Либкнехтъ сознается, что „только угнетенное меньшинство можетъ поддерживать пламя свободы и гуманности“, что „нужда всегда является лучшимъ учителемъ человечества“, что „нынѣ рабочіе, толкаемые нуждою, посвятили себя дѣлу эмансипаціи, какъ въ средніе вѣка, объявили евангеліе свободы и равенства, какъ въ началѣ нашей эры среди бѣдняковъ и страдающихъ возникло христіанское ученіе. („Два міра“, Одесса, 1905 г. стр. 10). Но если, по мысли самихъ представителей социализма, бѣдность и страданія способствуютъ развитію энергіи, самоотверженія, героизма, то нельзя ли отсюда выводить заключенія, что сытость и благополучіе наоборотъ атрофируютъ силы духа, притупляютъ человѣка, способствуютъ вялости и массивности его натуры? Не стремится ли социализмъ всѣхъ людей превратить въ тѣхъ буржуа, которыхъ теперь онъ такъ ненавидитъ, не потому, чтобы онъ ихъ презиралъ, а потому, что онъ имъ завидуетъ? Соціалистическій идеалъ до такой степени суживаетъ границы человѣческой дѣятельности одной лишь экономической сферой, что не даетъ никакого простора силамъ духа и ставитъ точку тамъ, гдѣ только начинается настоящая истинно человѣческая жизнь.

Л.

Къ вопросу о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній.

I.

О воспитательной сторонѣ въ семинаріяхъ и въ частности о положеніи помощниковъ инспекторовъ семинарій.

Одною изъ злѣхъ дня является теперь улучшение *воспитательной* стороны въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Мы остановимъ въ настоящій разъ вниманіе на постановкѣ воспитательной стороны въ семинаріяхъ.

Какъ извѣстно, эта сторона дѣла въ семинаріи *досель* лежала на ректорѣ, инспекторѣ, его помощникахъ и, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, еще — надзирателяхъ. Обычно на 300 человекъ воспитанниковъ полагается 2 помощника инспектора и 2 надзирателя. Во многихъ семинаріяхъ теперь, впрочемъ, надзирательскія должности упразднены, а вмѣсто надзирателей назначаются помощники же инспекторовъ.

Воспитательная сторона доселѣ, повторяемъ, была сосредоточена, такъ сказать, въ рукахъ упомянутыхъ лицъ. Не мудрено, что и причины всевозможныхъ „прискорбныхъ“ явленій въ жизни нашихъ семинарій *многіе* склонны находить яко-бы въ неумѣломъ дѣйствованіи инспекціи. „Плохо смотрѣли“, „неумѣли въ время ваять“, „много дѣлали послабленій“ или, наоборотъ, „слишкомъ круто поступали“, „не умѣли подладиться“ — такія и подобныя восклицанія раздаются нерѣдко по адресу инспекціи при первомъ же появленіи „прискорбныхъ“ явленій... И, замѣчательно, такія восклицанія всего чаще раздаются изъ устъ тѣхъ, которые сами *никогда* не были въ „инспекціонныхъ“ должностяхъ!...

Но *пора сказать правду*, хотя, быть можетъ, горькую, неприглядную, — не приведетъ ли это къ чему-либо хорошему.

1) Въ „Извѣстіяхъ по Харьковск. Еп.“ за тек. г. нами отведено было мѣсто статьѣ священ. Н. Вознесенскаго: „Къ вопросу о преобразованіи учебныхъ курсовъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ“. Въ этой статьѣ не затрогивалась воспитательная сторона нашихъ среднихъ духовно-учеб. заведеній. Между тѣмъ и она представляетъ значительный интересъ. Въ виду этого даемъ мѣсто статьѣ нашего уважаемаго сотрудника П. И.

Заранѣе считаемъ долгомъ оговориться. Мы отнюдь не намѣрены отстаивать всѣхъ членовъ инспекціи,—идеаловъ на землѣ нѣтъ... Не намѣрены мы утверждать и то, что вышеупомянутые укоры по адресу инспекціи всегда должны,—такое утвержденіе было бы наивно... Но отъ частнаго переходить къ общему—не логично. Не нужно забывать и о разныхъ „смягчающихъ вину обстоятельствахъ“. Перейдемъ теперь къ дѣлу.

Мы не вполне можемъ согласиться съ тѣмъ, что „вести колесницу семинарскаго воспитанія, строго говоря, приходится въ большинствѣ случаевъ только ректору да инспектору“. Нѣтъ,—во многихъ семинаріяхъ въ эту колесницу запряжены и помощники инспектора и надзиратели... Но, какъ хорошимъ конемъ можетъ быть только тотъ, который—при природнѣхъ качествахъ—находится въ холѣ и затрачиваетъ свои силы равномерно, такъ и хорошимъ воспитателемъ можетъ быть только человѣкъ, который, при педагогическихъ способностяхъ и хорошей подготовкѣ, находится въ приличныхъ матеріальныхъ условіяхъ и не „надрываетъ“ свои силы. Посмотримъ же теперь: въ какихъ условіяхъ находятся помощники инспектора въ семинаріяхъ? Будемъ имѣть въ виду пока семинаріи, гдѣ надзирателей нѣтъ, а вмѣсто нихъ—субинспектора.

При четырехъ помощникахъ семинаріи дежурство ихъ обычно распредѣляется такимъ образомъ: двое дежурятъ въ корпусѣ, двое *вне* корпуса. Послѣдніе—посѣщаютъ квартиры воспитанниковъ, живущихъ внѣ семинаріи; наблюдаютъ за ними во время прогулокъ,—разныхъ собраній (наприм., собесѣдованій съ сектантами или старообрядцами) и т. д. Работа же дежурныхъ въ корпусѣ сводится къ слѣдующему.—Вставъ въ началѣ седьмого часа утра, помощники отправляются въ дортуары воспитанниковъ. Обходъ этихъ дортуаровъ совершается и разъ и два, пока молодежь поднимется съ кроватей и приготовится къ молитвѣ. Въ семь часовъ ¹⁾ бываетъ утренняя молитва. Помощники, конечно, обязаны присутствовать и наблюдать, чтобы молитву посѣщали всѣ воспитанники.

1) Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ—нѣсколько позднѣе.

Послѣ молитвы—слѣдуетъ утренній чай. Помощники должны пройти въ столовую и посмотрѣть, чтобы все было „чинно и благородно“. Съ восьми и до часа или до двухъ пополудни происходятъ уроки. Во время перемѣнъ помощники обязаны наблюдать, чтобы не было шума и вообще „уклоненій отъ семинарской дисциплины“ въ классахъ и корридорахъ... Въ два часа обѣдъ, во время котораго помощники обязательно должны быть въ столовой... Послѣ обѣда слѣдуетъ отпускъ воспитанниковъ „въ городъ“, затѣмъ выдача книгъ изъ ученической библіотеки. Завѣдующій библіотекой, помощникъ инспектора долженъ присутствовать во время этой послѣдней операціи и слѣдить, чтобы все было „въ должномъ порядкѣ“. Если бываютъ штрафованные, напр., карцеромъ, то помощники инспектора обязываются наблюдать, чтобы наказаніе было приведено въ исполненіе „какъ слѣдуетъ“. Въ промежутокъ отъ обѣда и до начала вечернихъ занятій помощникамъ нужно также пройти по корпусу и посмотрѣть: не спятъ ли воспитанники на столахъ или за партами, не отперты ли дортуары, не играютъ ли—въ карты, не курятъ ли въ классахъ и вообще не занимаютъ ли чѣмъ либо не дозволеннымъ. Съ пяти час. ¹⁾ и до десяти час. вечера происходятъ вечернія занятія, съ полуторачасовымъ перерывомъ. Во время этихъ занятій помощники обязательно должны дѣлать повѣрки воспитанниковъ, наблюдать за тишиной въ классахъ или занятыхъ, слѣдить, чтобы воспитанники „занимались дѣломъ“ и т. д.... Въ восемь час. бываетъ ужинъ—при непремѣнномъ присутствіи помощниковъ, а въ 10 час.—вечерняя молитва, также, конечно, въ присутствіи субъ-инспекторовъ. Къ 11 час. или позднѣе помощники проходятъ по спальнямъ и смотрятъ всѣ ли питомцы „дома“, не лежитъ ли на койкѣ „чучело“ вмѣсто воспитанника и т. д. Въ „благопотребныхъ“ случаяхъ обходъ этотъ совершается и не одинъ разъ... О присутствіи помощниковъ за богослуженіями говорить, конечно, не приходится... Итакъ въ общемъ на долю дежурныхъ помощниковъ инспектора приходится не менѣе тринадцати „рабочихъ“ часовъ въ сутки.

Сравнимъ теперь трудъ помощниковъ съ преподавательскимъ

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ съ шести.

трудомъ. При одинаковомъ окладѣ (750 руб., а по выслугѣ 5 л.—900 руб.) преподаватели обязываются дать двѣнадцать уроковъ¹⁾ въ недѣлю. Другими словами, преподаватели заняты 12 часовъ въ недѣлю. За уроки свыше 12-ти п. ч. преподаватели получаютъ отдѣльную—поурочную—плату. Помощники же инспекторовъ работаютъ въ недѣлю не 12 часовъ, какъ мы сказали, а минимумъ тридцать шесть часовъ... На самомъ дѣлѣ—количество „рабочихъ“ часовъ гораздо болѣе, ибо въ праздничные дни преподаватели совершенно свободны, а помощники нѣтъ... Нельзя забывать и тотъ фактъ, что преподаватели „могутъ хворать“, субъ-инспектора же нѣтъ.—Преподаватель можетъ написать о. ректору семинаріи, что болѣнъ и поэтому не можетъ явиться на уроки: „рабочіе“ часы потеряны; у помощниковъ же инспектора эти „больные“ часы должны быть отдежурены послѣ, ибо ни одинъ субъ-инспекторъ не позволитъ себѣ пользоваться услугами сослуживца, такъ сказать, „безвозмездно“. Мало того,—во время болѣзни (мнимой или дѣйствительной) преподавателей, труды помощниковъ увеличиваются, ибо нужно смотрѣть, чтобы воспитанники (во время отсутствія преподавателей) добросовѣстно исполняли даваемые имъ письменныя упражненія и проч.,—вообще усилить свое наблюденіе за порядкомъ...

Предвидимъ возраженіе. Намъ могутъ сказать, что дѣятельность преподавателей не исчерпывается только 12 часами въ недѣлю. Они должны читать сочиненія воспитанниковъ, готовиться къ урокамъ, исполнять разныя приватныя должности по семинаріи (напр., члены Распорядительнаго Собранія). Все это такъ, но едва ли кто либо рѣшится утверждать, что чтеніе ученическихъ сочиненій²⁾ труднѣе „дежурства на корридорѣ“ и другихъ атрибутовъ инспекціонной службы... Если мы на чтеніе этихъ сочиненій положимъ еще 12 час. въ недѣлю³⁾ и то получится, что помощники *самое меньшее* работаютъ лишнихъ 12 часовъ въ недѣлю. Но, если мы примемъ

1) Преподаватели по исторіи и обличенію раскола—семь уроковъ.

2) Преподаватели древнихъ языковъ такихъ сочиненій совсѣмъ не имѣютъ. Въ большинствѣ семинарій, какъ извѣстно, совсѣмъ нѣтъ и такъ называемыхъ extempore.

3) По собственному опыту можемъ сказать, что этого не бываетъ...

во вниманіе всѣ праздники въ продолженіе учебнаго года, то, повторяемъ, что количество рабочихъ часовъ для субъ-инспекторовъ удвоится, если не утроится...

Но можетъ быть за лишніе труды помощники инспектора пользуются какими либо преимуществами предъ преподавателями? Можетъ быть субъ-инспекторамъ предоставляются лучшія жизненныя условія? Можетъ быть, наконецъ, ихъ должность почетнѣе, сравнительно съ преподавательской? Постараемся—безъ всякихъ прикрасъ—отвѣтить на эти вопросы.

До 1903 г. помощники инспектора даже и по классу службы стояли ниже преподавателей. Но затѣмъ классъ службы былъ уравниенъ, субъ-инспектора получили доступъ на всѣ педагогическія собранія и даже право—имѣть не болѣе 6 уроковъ въ недѣлю. Все это безусловно подняло престижъ субъ-инспекторовъ. Однако и доселѣ между ними и преподавателями стоитъ стѣна, крѣпкая и высокая... Во многихъ семинаріяхъ (напр. Вл., М., Н.) субъ-инспектора, въ сравненіи съ преподавателями, испытываютъ такое же положеніе, какое псаломщики—въ сравненіи съ іереями... Но, едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что во всѣхъ семинаріяхъ преподаватели считаютъ себя въ служебномъ отношеніи *выше* помощниковъ инспектора. Это сознание проявляется при каждомъ удобномъ случаѣ... Sapienti sat... Но, что всего печальнѣе, постоянное подчеркиваніе преподавателями своихъ (мнимыхъ) преимуществъ предъ субъ-инспекторами не ускользаетъ отъ наблюдательнаго ока воспитанниковъ. Послѣдніе начинаютъ думать, что преподаватели стоятъ дѣйствительно выше помощн. инспекторовъ. А это, конечно, не можетъ не отражаться на авторитетѣ воспитателей... Но объ этомъ довольно. Обратимся теперь къ жизненнымъ условіямъ „субъ-инспекціи“.

По уставу всѣмъ помощникамъ инспектора полагаются казенныя квартиры. Повидимому въ этомъ отношеніи они имѣютъ преимущества предъ преподавателями, такъ какъ послѣднимъ квартиръ не полагается. Но это лишь повидимому... Дѣло въ томъ, что въ большинствѣ семинарій преподаватели, если не получаютъ квартиры, такъ сказать, натурою, то получаютъ квартирныя пособія. А на эти пособія можно нерѣдко нанять

квартиры гораздо лучшія субъ-инспекторскихъ... Встрѣчаются, конечно, квартиры помощн. инспект. и хорошія. Но въ большинствѣ семинарій эти квартиры „ниже всякой критики“... Конечно, жизненные неудобства не могутъ не подавлять помощн. инспекторовъ...

Не можетъ не подавлять ихъ и созваніе того, что въ будущемъ имъ ничего „розоваго“ не предвидится. Теперь почти единственнымъ переходомъ для помощниковъ инспектора (не въ священномъ санѣ) служить занятіе должности преподавателя въ семинаріи или—училищѣ. Но это сдѣлать не всегда легко... О переходѣ же на должность помощника смотрителя въ духовное училище, или на должность инспектора въ семинарію трудно мечтать. Мало надежды даже и на то, чтобы занять шесть уроковъ въ семинаріи: не дадутъ т.г. преподаватели... Во многихъ семинаріяхъ уроки въ парал. классахъ, а также уроки по новымъ языкамъ и еврейск. яз., распредѣляются между преподавателями, помощникамъ же инспектора не даютъ даже и одного урока въ недѣлю. И въ столичныхъ и губернскихъ городахъ доселѣ въ рѣдкость, что преподаватели семинарій имѣютъ по 21 и болѣе ¹⁾ уроковъ, не считая тѣхъ, которые они вынуждены имѣть „на сторонѣ“...

Уже и сказаннаго, полагаемъ, достаточно для того, чтобы видѣть, въ какихъ условіяхъ нерѣдко приходится жить помощникамъ инспекторовъ. Ничуть не удивительно, поэтому, что „идутъ на эту должность неохотно и... при первой возможности перебѣгаютъ на учительскія должности, едва дослуживъ положенный въ уставѣ двухлѣтній срокъ“ ²⁾... Бѣгство это настолько велико, что невольно должно останавливать на себѣ вниманіе „кого слѣдуетъ“. Мы сомнѣваемся, чтобы при настоящихъ матеріальныхъ условіяхъ нашелся хотя десятокъ помощниковъ инспекторовъ, довольныхъ своимъ положеніемъ и не мечтающихъ о переходѣ на учительскія должности...

Но намъ могутъ возразить, указавъ на то, что будто-бы

¹⁾ Напр., въ семинаріяхъ при парал. отдѣленіяхъ въ первыхъ трехъ классахъ такое количество уроковъ имѣютъ преподав. (Свящ. Пис., Словесности, Физики.

²⁾ Богословск. Вѣстн., 1905 г., апр., стр. 780.

обычно на должности субъ-инспекторовъ назначаютъ не лучшихъ академистовъ. По крайней мѣрѣ такъ думаетъ Е. С., въ своемъ проектѣ реформы нашихъ духовно-учебныхъ заведеній¹⁾. Смѣемъ увѣрить Е. С., что среди помощниковъ инспектора есть и магистры и весьма значительная доля кандидатовъ. Да приэтомъ напомнимъ Е. С. ту старую истину, что не всегда (и даже *далеко не всегда*) академическій дипломъ является показателемъ *педагогическихъ* способностей его владѣльца... Встрѣчаются лица и съ семинарскимъ образованіемъ, но гораздо болѣе цѣнныя въ педагогическомъ отношеніи, чѣмъ обладатели кандидатскихъ и магистерскихъ дипломовъ...

Положеніе помощниковъ инспекторовъ въ семинаріяхъ, гдѣ еще не упразднены надзирательскія должности, нѣсколько лучше. По крайней мѣрѣ тамъ хотя часть, такъ сказать, черновой работы исполняется надзирателями. Но о положеніи этихъ надзирателей мы и говорить не станемъ: если субъ-инспекторамъ живется крайне незавидно, то надзирателямъ—тѣмъ болѣе... И не мудрено, что эти надзирательскія должности занимаютъ преимущественно лица, которымъ крайне необходимо годъ—другой „перейтись“, чтобы подготовиться для поступленія въ высшія учебныя заведенія или „оттянуть“ время принятія священства... О *постоянствѣ* занятія надзирательской должности ни одинъ студентъ семинаріи (а тѣмъ болѣе кандидатъ богословія), конечно, и не мечтаетъ...

Тягостное положеніе помощниковъ инспекторовъ и надзирателей, само собою разумѣется, не можетъ не отражаться на воспитательной сторонѣ духовныхъ семинарій. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли многое сдѣлать лица, которыя только „смотрятъ вонъ“ и *при первомъ же удобномъ случаетъ* готовы сбѣжать на преподавательскія или другія мѣста? Конечно, значительная доля этихъ лицъ является только „наемниками“!... Теперь, когда идетъ рѣчь о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній, *нельзя не считаться* съ упомянутымъ явленіемъ, тормозящимъ воспитательную сторону въ семинаріяхъ...

Что же должно предпринять, если не для искорененія, то по

¹⁾ Правосл. Рус. Слово, 1905 г. № 12, стр. 121.

крайней мѣрѣ для уменьшенія „наемничества“ инспекціи и оживленія воспитательной стороны въ семинаріяхъ?

По нашему глубокому убѣжденію необходима, прежде всего субординація низшихъ административныхъ лицъ высшимъ. Только при неукоснительномъ исполненіи младшими членами инспекціи указаній, даваемыхъ старшими административными лицами, возможенъ правильный ходъ въ постановкѣ семинарскаго воспитанія. Въ противномъ случаѣ воспитатели будутъ оправдывать извѣстную басню: „Лебедь, Щука и Ракъ“...

Затѣмъ необходимо *улучшить положеніе субъ-инспекторовъ и надзирателей*. Конечно, при обычномъ окладѣ въ 300 или 360 р. въ годъ, удержать надзирателей *на домо* въ семинаріяхъ едва ли возможно. Но дать *приличную* квартиру, въ которой можно бы жить и женатому надзирателю, и прибавку къ годовому окладу, хотя въ первыя три пятилѣтія по 60 р. за каждое,—это возможно. Ради улучшенія воспитательной стороны въ семинаріяхъ, епархія не должна скупиться на подобные расходы... Тѣмъ болѣе необходимо дать *приличныя* квартиры субъ-инспекторамъ. Необходимо, при первомъ же случаѣ, предоставить субъ-инспекторамъ и уроки въ семинаріяхъ. Не нужно забывать, что если преподаватели семинарій, имѣющіе возможность зарабатывать въ 1½ раза болѣе субъ-инспекторовъ въ семинаріяхъ и значительную сумму—уроками „на сторонѣ“, сознаютъ себя „пасынками жизни“¹⁾, то что же должны испытывать помощники инспекторовъ, принужденные, при большемъ, сравнительно съ преподавателями, количествѣ „рабочихъ“ часовъ, „сидѣть“ на 60 или 70 руб. въ мѣсяцъ?!...

Необходимо, затѣмъ, не смотрѣть на должность помощн. инспекторовъ, какъ на низшую сравнительно съ преподавательской... Нѣкоторые председатели педагогическихъ собраній имѣютъ обыкновеніе во время педагогическихъ засѣданій собирать голоса только преподавателей, а помощниковъ инспекторовъ „обходятъ“. Едва ли нужно доказывать неблаговидность такихъ и подобныхъ поступковъ и ихъ зло въ воспитательномъ отношеніи семинарій... Необходимо также *улучшить* достойную службу помощниковъ инспекторовъ. Теперь, при выборѣ кандидатовъ на инспекторскія или пом. смотрителей должности почти всегда

1) Минск. Епарх. Вѣд. № 20, за 1905 г., стр. 424.

предпочтеніе отдается преподавателямъ. Но что такое предпочтеніе ненормально, объ этомъ и говорить нѣтъ нужды. Теперь помощникъ инспектора можетъ достойно прослужить пять и десять лѣтъ и не занять инспекторской должности или должности помощника смотрителя. Между тѣмъ преподаватель, *совсѣмъ не знакомый съ инспекціонной службой*, назначается инспекторомъ... Намъ кажется, полезно было бы представлять на инспекторскія должности только достойныхъ лицъ, служившихъ въ субъ-инспекторской должности или въ должности помощн. смотрителя, или же исполнявшихъ эти должности. Это подняло бы и престижъ субъ-инспекторовъ, несомнѣнно располагало бы ихъ трудиться „за совѣсть“ и оказало бы благіе результаты для воспитательной стороны семинарій... Благой начинъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ С.-Петербургскимъ Антоніемъ, по представленію котораго утвержденъ былъ инспекторомъ С.-Петербургской семинаріи субъ-инспекторъ той же семинаріи М—нъ. Дай Богъ, чтобы такой примѣръ былъ не единичнымъ!..

Нѣкоторые проэктируютъ, далѣе, въ видахъ подъема воспитательной стороны въ семинаріяхъ привлечь къ дѣлу воспитанія всѣхъ преподавателей семинарій. Теперь, говорятъ нѣкоторые, „большая часть педагоговъ стоитъ въ сторонѣ отъ воспитательнаго дѣла; оно находится въ рукахъ двоихъ, троиныхъ, четверыхъ, которые къ тому же то и дѣло мѣняются... Похоже на то, какъ если бы въ тяжелую повозку, рассчитанную на десятокъ машинныхъ силъ, впрягли пару коней. Само собою понятно, какъ они ни надрываются, возу все нѣтъ ходу“. Необходимо, поэтому, „чтобы въ дѣлѣ воспитанія принимали дѣятельное и непосредственное участіе всѣ преподаватели... Каждый классъ (каждое отдѣленіе) долженъ быть всецѣло на попеченіи и отвѣтственности своего класснаго наставника или преподавателей, съ которымъ долженъ проходить и весь семинарскій курсъ“¹⁾. Что сказать по поводу этого проэкта? Конечно, весьма желательно и даже необходимо, чтобы всѣ преподаватели той или иной семинаріи оказывали доброе воздѣйствіе на воспитанниковъ. Необходимо, чтобы всѣ педагоги *помогали*

¹⁾ Тамъ же, стр. 787.

начальствующимъ лицамъ держать воспитанниковъ на высотѣ ихъ положенія. Крайне печально будетъ (къ прискорбію, и это бываетъ...), если во вѣѣ урочное или даже въ урочное время какой либо преподаватель станетъ „уничтожать“ то „доброе, разумное, вѣчное“, что сѣютъ начальствующія лица... Но учрежденіе института классныхъ наставниковъ, при наличности института помощ. инспекторовъ и надзирателей, по нашему глубокому убѣжденію, *не оправдываетъ* возлагаемыхъ на него надеждъ. Прежде всего,—въ какомъ отношеніи эти классные наставники должны стать къ субъ-инспекторамъ? Въ подчиненное отношеніе они, конечно, не станутъ; едва-ли станутъ они и на „равную ногу“. Предполагать, что, классныхъ наставниковъ и субъ-инспекторовъ соединить то „высокое духовное удовлетвореніе“¹⁾, какое они могутъ получить отъ благихъ результатовъ совмѣстной службы—наивно. Не станутъ же, въ самомъ дѣлѣ, классные наставники *весь день* проводить съ воспитанниками! Вѣдь то, что возможно въ католическихъ, преимущественно въ іезуитскихъ, школахъ *невозможно* у насъ²⁾. Получится одно изъ двухъ: или гг. классные наставники будутъ такими же, каковы „гимназическіе“ клас. наставники, или же, получая установленную „мзду“, взвалить на субъ-инспекторовъ и надзирателей всю тяжесть воспитательнаго труда... А въ общемъ получится оправданіе пословицы: „у семи нянекъ дитя безъ глазу“... Гораздо лучше будетъ, по нашему мнѣнію, если, не задаваясь прavitіемъ нашимъ семинаріямъ духа іезуитизма, увеличить количество субъ-инспекторовъ, поручая (конечно за вознагражденіе) исполненіе ихъ обязанностей и вѣкоторымъ, не обремененнымъ уроками, преподавателямъ. На 300 человекъ воспитанниковъ можно бы, при трехъ штатныхъ помощникахъ инспектора и двухъ надзирателяхъ, поручить исполненіе субъ-инспекторскихъ обязанностей и двумъ преподавателямъ. Возможно, конечно, и иная комбинатія, но только необходимо помнить, что всякій, несущій инспекціонныя обязанности, *человѣкъ*, а не машина и возлагать на него бремя непосильное... *безчеловѣчно*.

1) Тамъ же, стр. 787.

2) Ср. Минск. Еп. Вѣд., указ. № стр. 424.

Что же касается до *замѣны* института помощн. инспекторовъ и надзирателей институтомъ классныхъ наставниковъ, то сомнѣваемся, чтобы послѣдній принесъ существенную пользу. Весьма и весьма возможно, что эти классные наставники уподобятся, какъ мы выше сказали, „гимназическимъ“ класснымъ наставникамъ...

Не бесполезно, въ видахъ наилучшей постановки воспитательнаго дѣла въ семинаріяхъ, привлеченіе—въ потребныхъ случаяхъ—родителей и опекуновъ воспитанниковъ къ содѣйствію инспекціи въ ея нелегкомъ и отвѣтственномъ дѣлѣ. Но объ этомъ мы скажемъ подробнѣе въ слѣдующій разъ.

Весьма полезнымъ и даже необходимымъ, въ цѣляхъ подъема воспитательной стороны въ семинаріяхъ, мы считаемъ также поддержку института надзирателей. Теперь въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ должности надзирателей, какъ упомянуто выше, закрываются: вмѣсто надзирателей открываютъ должности помощниковъ инспекторовъ. Замѣну надзирателей субъ-инспекторами обуславливаютъ тѣмъ, что первые, обычно выбираемые изъ студентовъ семинаріи, недавно окончившихъ курсъ, не могутъ пользоваться такимъ авторитетомъ, какъ субъ-инспектора, лица съ высшимъ образованіемъ. Но такое разсужденіе требуетъ значительной поправки... Всякій безпристрастный человѣкъ согласится, что, какъ мы и выше сказали, дипломы далеко не всегда служатъ показателями педагогическихъ и административныхъ способностей ихъ владѣльцевъ... Смѣемъ увѣрить, что и многіе изъ надзирателей пользуются авторитетомъ не меньшимъ, если не большимъ, сравнительно съ субъ-инспекторами. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что въ инспекціонномъ отношеніи въ семинаріяхъ есть не мало работы, такъ сказать, черновой. Подъ послѣдней мы разумѣемъ, напр., хожденіе утромъ по дортуарамъ и подъемъ воспитанниковъ съ постелей, исполненіе разныхъ мелкихъ порученій о. ректора и т. д.... Выполненіе такой черновой работы можетъ быть возложено преимущественно на надзирателей...

Въ видахъ подъема воспитательнаго дѣла въ семинаріяхъ

мы считаемъ весьма полезнымъ также введеніе такъ называемаго товарищескаго суда. При умѣломъ пользованіи этимъ судомъ, онъ можетъ оказаться прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ. Опасаться, что при допущеніи товарищескаго суда воспитанники станутъ „отстаивать“ нарушителей правилъ семинарской дисциплины, едва ли справедливо. Даже и въ тѣхъ воспитанникахъ—главаряхъ, которые нерѣдко являются не лучшими въ умственномъ отношеніи, не поухааетъ нравственное чувство. Нужно лишь умѣть развивать это чувство...

Полезно въ дѣлѣ семинарскаго воспитанія введеніе и института такъ называемыхъ „тutorовъ“ или порученіе лучшимъ воспитанникамъ изъ старшихъ классовъ наблюдать за небольшими группами младшихъ товарищей. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ этотъ институтъ функционировалъ и до настоящаго времени и приносилъ *блiже результаты* ¹⁾. Тьютора являются ближайшими наблюдателями за порядкомъ во время молитвъ, обѣда, ужина, вечернихъ занятій и прогулокъ воспитанниковъ. Къ этимъ „старшимъ“ младшіе воспитанники обращаются за разъясненіемъ разныхъ частныхъ недоразумѣній. „Старшіе“ оказываютъ посильную помощь поручаемымъ имъ воспитанникамъ въ приготовленіи уроковъ и т. д. Не нужно только дѣлать изъ него „фискальнаго отдѣленія“ инспекціи. Въ противномъ случаѣ, конечно, этотъ институтъ будетъ только возбуждать воспитанниковъ ..

Въ заключеніе настоящей замѣтки позволимъ себѣ привести на память слѣдующія прекрасныя слова К. П. Побѣдоносцева: „Постоянное недовѣріе, подозрительность, частое повтореніе выговоровъ, наставленій, запретовъ можетъ повести“ только „къ деморализаціи ученика и къ ослабленію въ немъ дѣятельной силы“ ²⁾. Мелочныя придирки, полицейскія средства обыска и сыска, ригористичность въ дѣлѣ надзора за воспитанниками *никогда* не принесутъ пользы въ дѣлѣ воспитанія... Это нужно помнить и всѣмъ административнымъ лицамъ въ семинаріяхъ и составителямъ новаго семинарскаго устава... Только *уваженіе къ личности* въ средѣ начальствующей

¹⁾ Ср. „Вогосл. Вѣсти.“, указан. ст., стр. 788.

²⁾ „Ученые и учитель“. Москва 1901 г. Кн. I, стр. 60.

щихъ лицъ въ семинаріяхъ и *чужданное*, (но, разумѣется, не „панибратское“) отношеніе этихъ лицъ къ воспитанникамъ поднимутъ воспитательную сторону въ семинаріяхъ и только тогда устранится одна изъ причинъ теперешнихъ волненій среди семинаристовъ.

П. И.

Церковно-общественная жизнь въ Россіи.

Многіе ожидали, говоритъ одна газета, открытія Думы съ такою же вѣрою, какъ древніе іудеи пришествія „Мессіи“ (Колоколъ), но Высочайшимъ Манифестомъ она была закрыта 8 іюля, потому что ни новозавѣтные израильтяне, ни избавители ихъ не оказались на высотѣ своего положенія. Нѣкоторыя газеты ставятъ роспускъ членовъ Думы въ связь съ обыскомъ, произведеннымъ въ редакціи газеты „Мысль“.

„Передаютъ, что при обыскѣ въ редакціи газеты „Мысль“ и при послѣдующихъ обыскахъ были захвачены документы, устанавливающіе связь бывшихъ членовъ Думы „трудониковъ“, социалистовъ и лѣвыхъ „кадетъ“ съ революціонными организаціями. Захвачены планъ готовившагося вооруженнаго возстанія и документы о подготовкѣ въ Москвѣ и Петербургѣ беспорядковъ, которые должны были вспыхнуть въ связи съ дебатами въ Думѣ. Первый знакъ должна была подать Москва. Думу хотѣли использовать какъ орудіе революціи. Эти то данныя, а не обращеніе Думы къ народу по аграрному вопросу, и послужили главнымъ мотивомъ для роспуска Думы и одновременно объявленія чрезвычайной охраны въ Петербургѣ“. (Русскій Голосъ).

Какъ извѣстно, распущенные члены Думы собрались въ г. Выборгъ, на финляндской территоріи, и на устроенномъ здѣсь засѣданіи выработали обращеніе къ народу совершенно уже революціоннаго характера. Избранники народа, рѣшители судебъ Россіи, говоритъ по этому случаю „Рус. Голосъ“, даже въ минуту ихъ душевнаго падежа, какъ политическихъ дѣятелей, сознающихъ величину лежащей на нихъ громадной отвѣтственности передъ исторіей и народомъ, сочинили только бездарную прокламацію, какія ежедневно сотнями составляются и гектографируются въ разныхъ „тайныхъ типографіяхъ“ и „подпольныхъ обществахъ“. Обращеніе подписали до 200 членовъ, преимущественно изъ лѣвыхъ; что касается крестьянъ, присутствовавшихъ въ Думѣ, то большинство ихъ не принимало участія въ выборгскомъ засѣданіи. По закрытіи Думы, они, въ удрученномъ состояніи, разъѣхались по своимъ деревнямъ, опасаясь за тотъ отвѣтъ, который имъ придется давать своимъ избирателямъ. „Партія мир-

наго обновленія“, во главѣ съ Гейденомъ, Стаховичемъ и др. умѣренными членами Думы слѣлала свое обращеніе къ народу, въ которомъ успокоиваетъ населеніе и приглашаетъ удерживаться отъ какого бы то ни было насилія; между тѣмъ партія эта, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, не отказалась присутствовать на выборгскомъ засѣданіи. Ужели она рассчитывала на другой исходъ этого совѣщанія?

Первые дни по закрытіи Думы прошли совершенно спокойно и тѣмъ самымъ населеніе засвидѣтельствовало о своей полной солидарности съ правительственнымъ рѣшеніемъ. Государственная рента, самый вѣрный показатель прочности правительства и довѣрія къ нему со стороны народа, упавшая было въ первые дни до 68, въ настоящее время цѣнится 72 р. Органы крайнихъ лѣвыхъ партій слѣшатъ увѣрить общество, что отъ новаго кабинета, со Столыпинымъ во главѣ, нечего ждать чего-либо хорошаго, это-де явствуетъ изъ его циркуляра... На это совершенно резонно отвѣчаетъ газета „Свѣтъ“: Допустимъ, что г. Столыпинъ не сказалъ ничего новаго, (въ своемъ циркулярѣ), но зато онъ не сказалъ ничего и лишняго: у него все въ мѣру. Онъ не грозитъ, но требуетъ. Его требованія излагаются старыми словами, но самое изложеніе этихъ требованій, тонъ ихъ, твердый, рѣшительный: чувствуется, что онъ ихъ не сбавитъ. Такъ именно должны говорить люди, облеченные властію, далекіе отъ какихъ бы то ни было компромиссовъ.

Съ судьбою Государственной Думы у насъ, *volens-nolens*, тѣсно связанъ вопросъ о созывѣ всероссійскаго церковнаго собора. Опасаемся, что роспускъ Думы на семимѣсячный срокъ можетъ затянуть и время собора, а это, въ свою очередь, будетъ сопровождаться новыми нежелательными осложненіями въ нашей жизни. Дай Богъ, чтобы опасенія наши не оправдались!

Архіерейскія богослуженія.

29-го іюля, въ день Свв. Первоверховныхъ Ап. Петра и Павла, Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній,

Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ *), совершилъ Божественную Литургію въ Петро-Павловской церкви г. Харькова, въ сослуженіи протоіерея о. Іоанна Пячеты, благочиннаго протоіерея о. Петра Полтавцева, ключаря свящ. о. Григорія Виноградова и настоятеля церкви протоіерея Димитрія Говорова, протодіакона о. Василя Вербяцкаго, при пѣніи Архіерейскаго хора.

Въ Петро-Павловской церкви не было Архіерейскаго служенія съ 1886 года и потому оно для прихожанъ было великимъ, сугубымъ торжествомъ въ престольный праздникъ. За нѣсколько дней, какъ только узнали о желаніи Владыки служить здѣсь, прихожане съ радостію начали готовиться, чтобы достойно встрѣтить Его. Въ день праздника они собрались въ большомъ количествѣ, такъ что храмъ всѣхъ не вмѣстлялъ. Торжественное служеніе доставило прихожанамъ истинное духовное утѣшеніе.

Въ обычное время настоятелемъ церкви, прот., Говоровымъ было произнесено слово ¹⁾. По окончаніи литургіи и обычнаго многолѣтія Владыка обратился къ прихожанамъ съ отеческимъ наставленіемъ и благожеланіемъ мира и любви, какъ залога всякаго преуспѣянія въ ихъ семьяхъ и обществѣ. Призвавъ благословеніе Божіе на всѣхъ прихожанъ и чадъ ихъ, Владыка отправился въ квартиру настоятеля, сопровождаемый прихожанами, съ выраженіемъ искренней благодарности за доставленное Архiepастыремъ молитвенное утѣшеніе. Здѣсь представились Владыкѣ почетные прихожане и члены участковаго попечительства, съ которыми Владыко милостиво бесѣдовалъ и затѣмъ отбылъ, напутствуемый сердечными благожеланіями всѣхъ.

— 15-го сего іюля, въ субботу, въ день памяти Св. Равноапостольнаго князя Владиміра, Преосвященный Евгеній, Епископъ Сумскій, совершалъ литургію въ Преображенскомъ Курижскомъ монастырѣ.

— 16-го іюля, въ воскресенье Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, совершилъ литургію въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ; а Преосвященный Евгеній—совершалъ литургію въ Каедральномъ соборѣ. Послѣ литургіи былъ прочитанъ Высочайшій манифестъ о рослушеніи Государственной Думы, а затѣмъ былъ отслуженъ молебенъ объ умиротвореніи отечества.

*) См. „Извѣстія“... № 18 за т. г., стр. 659.

¹⁾ Это слово будетъ помѣщено въ слѣд. № „Извѣстій“.

Разбойническое нападеніе на монастырскій хуторъ.

Въ воскресенье, 16-го іюля 1906 г., въ двѣнадцатомъ часу ночи, во дворѣ экономіи, принадлежащей мужскому монастырю „Спасовъ Сквтъ“, находящейся въ 12 верстахъ отъ сказаннаго монастыря и въ 3-хъ верстахъ отъ станціи „Борки“, К.-Х.-С. жел. дор., неожиданно раздались рядъ револьверныхъ выстрѣловъ. Когда встревоженные пми рабочіе и монахи, спавшіе въ большомъ монастырскомъ зданіи, проснувшись, хотѣли выбѣжать во дворъ, шайка неизвѣстныхъ грабителей, продолжая стрѣлять, начала разбивать бывшими у нихъ въ рукахъ кольями двери и окна корпуса, гдѣ они спали. Нападавшихъ было очень много, и разбуженные криками и выстрѣлами монахи въ страхѣ бросились въ разныя стороны. Грабители, воспользовавшись произведенной имп-паккой, прривялись хозяйничать въ сараяхъ и другихъ монастырскихъ помѣщеніяхъ. Бывшіе въ экономіи монастыря арестанты-рабочіе также въ общей паникѣ выбѣжали со двора и пустились убѣгать по направленію къ Боркамъ. Въ монастырѣ находился, между прочимъ, знакомый монаховъ, который, замѣтивъ первымъ разбойное нападеніе, помчался въ Борки, чтобы поставить въ извѣстность власти, зная, что въ Мерефѣ находятся солдаты. Къ сожалѣнію, словамъ прибѣжавшаго на станцію не придали значенія,—онъ былъ въ очень разстроенномъ видѣ. Монахи же прр-были на вокзалъ только спустя полчаса—часъ, когда со станціи „Мерефа“ по ихъ заявленію были отправлены солдаты и пррбыла полиція и жандармы, но тогда уже отъ грабителей и слѣдъ простылъ. Разбойники явились къ экономіи съ нѣсколькими подводами, и часть изъ нихъ, провкнувъ во дворъ, открыла пальбу изъ револьверовъ вверхъ, другая начала ломиться въ монахамъ и рабочимъ. Нападавшіе, видимо, рассчитывали найти въ экономическихъ помѣщеніяхъ крупную сумму, но ошиблись, и похитили всего около 100 рублей денегъ, забрали, кромѣ того, 10 хомутовъ, масло, съѣстные припасы и другія хозяйственные вещи, которыя сложили на подводы и уѣхали. Грабители успѣли захватить „мимоходомъ“ даже варенье... На мѣстѣ разбойнаго нападенія найдены порттабакъ одного изъ злоумышленниковъ, который былъ признанъ принадлежащимъ одному изъ рабочихъ (?), служившему въ экономіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ; розыскъ его и сотоварищей по ограбленію производится. („Ю. Кр.“).

Иноепархіальный отдѣлъ.

Важные вопросы.

Не такъ давно, во Владимірѣ, собраніе духовенства, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго владимірскаго Никона, (нынѣ Эвзархъ Грузіи), занималось обсужденіемъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) какъ поступать священнику въ тѣхъ случаяхъ, когда къ нему обращаются съ просьбой отслужить панихиду по павшимъ борцамъ за свободу, и 2) какія мѣры принять въ отношеніи къ нѣкоторымъ приходамъ, въ которыхъ крестьяне составляютъ приговоры о неплатежѣ духовенству денегъ за требы? Относительно перваго вопроса, собраніе признало желательнымъ, чтобы священникъ въ такихъ случаяхъ выяснялъ лицамъ, которыя просятъ о поминовеніи, неприемлемость въ качествѣ поминальной формулы словъ „павшіе борцы за свободу“, такъ какъ свобода понимается разными людьми различно и часто въ смыслѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ той свободой, о которой говоритъ христіанство, при томъ же, въ числѣ такихъ павшихъ, могли быть лица нехристіанскаго исповѣданія, для которыхъ молитвы церкви и не спасительны. Болѣе подходящей формулой для поминовеній такого рода собраніе признало слова: „о упокоеніи православныхъ христіанъ, здѣсь поминаемыхъ, въ нестроеніи убіенныхъ“. Въ случаяхъ, которые имѣетъ въ виду второй вопросъ, долгъ священника выяснить прихожанамъ, что во всѣ времена духовенство содержалось на средства пасомыхъ, которымъ оно служитъ. Такъ было въ ветхомъ завѣтѣ, такъ было въ первые времена христіанства, такъ въстарь повелось и у насъ, въ Россіи. Въ послѣднее время, правда, въ нѣкоторые приходы назначено жалованье, но оно настолько незначительно, что само по себѣ далеко не можетъ обезпечить членовъ причта. Если же, несмотря на всѣ такіа увѣщанія, прихожане будутъ стоять на своемъ и отказывать въ содержаніи клиру, въ такомъ случаѣ по необходимости должно прибѣгнуть къ переводу причта на другое, болѣе обезпеченное, мѣсто; исправленіе же требъ въ данномъ приходѣ можетъ быть поручено ближайшимъ священникамъ („Соврем. Обзор. жур. Кормчій“, № 7 с. г.)

Проектъ положенія о старообрядцахъ и сектантахъ.

Проектъ положенія о старообрядцахъ и сектантахъ разработанъ министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и въ непродолжительномъ времени будетъ представленъ на обсужденіе Совѣта министровъ. Законопроектъ этотъ, разработанный на началахъ Высочайшаго указа 17 апрѣля 1905 г. и Манифеста 17 октября того же года, предусматриваетъ, между прочимъ, образованіе религіозныхъ старообрядческихъ и сектантскихъ общинъ. (Кол.).

Противъ теченія.

По поводу современныхъ событій съѣздъ духовенства V округа Оренбургской епархіи выразилъ несочувствіе такъ называемому освободительному движенію въ духовенствѣ отъ опеки Церкви правительствомъ. 1) соблазнъ свободы можетъ привести къ совершенному отдѣленію Церкви отъ государства, что не представляется для Церкви желательнымъ, какъ въ виду того, что начатки такого отдѣленія въ текущемъ году сказались и сказываются въ массовомъ отступленіи отъ православія, въ безнаказанныхъ оскорбленіяхъ православія и въ прочихъ прискорбныхъ явленіяхъ, такъ и потому, что въ послѣднія 25 лѣтъ связь правительства и Церкви выразилась въ несомнѣнномъ благѣ для нея: воскресли церковныя школы, оживилась противораскольническая миссія, вводилось казенное жалованье и увеличенная пенсія духовенству. Далѣе съѣздъ рѣшилъ: 2) не сочувствовать ограниченію власти епископа, такъ какъ эта власть предоставлена ему соборами (Ап. пр. 55), и въ духовномъ вѣдомствѣ не долженъ ослабляться указанный словомъ Божиимъ принципъ послушанія власти; 3) не сочувствовать автономіи прихода и избирательному началу въ опредѣленіи священниковъ; 4) съ презрѣніемъ отнестись къ попирающей положительное свидѣтельство слова Божія (Тим. III, 1—2) петиціи нѣкоторыхъ лицъ изъ духовенства о дозволеніи вторичнаго брака для священнослужителей; 5) воздерживаться отъ политической партійности и оставаться въ кругѣ нашего служенія, но при всемъ безпристрастіи въ политическимъ колебаніямъ особенно стоять на стражѣ православія по долгу пастырей и во имя того же долга предупредить въ приходахъ политическія колебанія и общественныя нестроенія разьясненіемъ несостоятельности современныхъ волневій предъ судомъ слова Божія.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Отрицаетъ-ли христіанство культуру?

Говорятъ, христіанство—мрачное міровоззрѣніе. Оно хочетъ вырвать, уничтожить смѣхъ въ человѣчествѣ. Все радостное, все—чѣмъ красна жизнь—считается въ христіанствѣ грѣхомъ. У христіанства потусторонній идеаль. Земная жизнь и ея интересы чужды христіанству. Христіанство отрицательно глядитъ на всю современную матеріальную и духовную культуру человѣчества.

Попытаемся разобратъся въ этихъ возраженіяхъ. Христіанство уничтожаетъ радость. Существуютъ различныя роды удовольствій. Есть смѣхъ побѣдителя надъ побѣжденнымъ. Есть смѣхъ ловкаго человѣка, обманувшаго довѣрившихся ему. Развѣ можно сопоставлять такого рода удовольствія съ тѣмъ высокимъ удовлетвореніемъ, которое, напримѣръ, получаетъ человѣкъ, оказавшій помощь ближнему?! А что испытываетъ въ душѣ человѣкъ, работающій надъ своимъ умственнымъ просвѣщеніемъ, въ минуты духовнаго просвѣтленія, въ тѣ минуты, когда истина становится все яснѣе для него. Какую радость проповѣдуетъ христіанство? Радость любви къ брату, радость побѣды духа надъ плотью, чувственностью. И какой искренній, хотя-бы невѣрующій человѣкъ можетъ предпочесть удовольствіе отъ сытнаго обѣда счастію спасти брата отъ гибели. Христіанство, говорятъ, мрачное міровоззрѣніе: оно пессимистически глядитъ на этотъ міръ. Но развѣ христіанство не зоветъ насъ на борьбу со зломъ? Развѣ оно не увѣрено въ конечной побѣдѣ добра надъ зломъ? „Въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь; я побѣдилъ міръ“ (Іоан. 16—33). Развѣ апостоль не призываетъ насъ „радуйтесь всегда въ Господѣ, и еще говорю радуйтесь“ (Фил. 4, 4).

Несправедливо также и то возраженіе, будто христіанство отрицаетъ всякій прогрессъ. Въ данномъ случаѣ опять нужно дѣлать различія въ произведеніяхъ генія человѣка. Вотъ предъ нами взящныя предметы роскоши, различныя бездѣлушки, служащія къ украшеніямъ пышныхъ жилищъ. Понятно, христіанство, провоз-

гласившее первенство духа надъ плотію и союзъ любви среди людей, не можетъ одобрить тѣ предметы, которые служатъ для удовлетворенія лишь нашего эгоизма, нашихъ неизменныхъ страстей. Напротивъ, тамъ, гдѣ гений человѣческій приходитъ на помощь страждущему человечеству (больницы, медицинскіе инструменты и т. п.), тамъ гдѣ онъ стремится объединить человечество на пути къ истинѣ в добру, тамъ Церковь шлетъ свое благословеніе. И какое еще широкое поле открывается человѣческому разуму для окончанія побѣды надъ природой! Земля, теперь покоренная суетѣ (Рим. 8, 20), по слову апостола, должна быть преображена, она должна явиться носительницею того божественнаго духа, который обитаетъ въ человѣкѣ*).

Сергій Новлянскій.

Ходатайство старообрядческаго собора.

Закончившійся недавно соборъ старообрядческихъ епископовъ постановилъ, между прочимъ, возбудить ходатайство предъ правительствомъ: 1) о разрѣшеніи старообрядческимъ священнослужителямъ именоваться по сану ихъ рукоположенія. (Нынѣ имъ присвоено наименованіе «настоятелей» или «наставниковъ» безъ употребленія православныхъ іерархическихъ наименованій. Законъ 17 апрѣля 1905 г. § 9). 2) О предоставленіи свободнаго избранія вѣроисповѣданія лицамъ, достигшимъ возраста на вступленіе въ брачный союзъ, и 3) о правѣ воспѣывать дѣтей въ старообрядческомъ вѣроисповѣданіи, какъ некрещенныхъ подкидышей, принимаемыхъ старообрядцами, такъ равно и крещенныхъ въ господствующей церкви дѣтей сиротъ или оставленныхъ на произволъ своимъ родителями (что возбраняется нынѣ § 4 того же закона).

Розыски чудотворной иконы.

Осужденный на десять лѣтъ каторги за участіе въ похищеніи Казанской иконы Божіей Матери крестьянинъ Комовъ заявилъ прокурорскому надзору, что укажетъ за 20000 р. мѣсто, гдѣ спрятана похищенная икона безъ драгоценныхъ украшеній. Казанской судебной власти уже не первый разъ приходится имѣть дѣло съ подобнаго рода заявленіями. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Комовъ окажется мистификаторомъ. („С. Л.“).

*) „Псковск. Еп. Вѣд.“

Имѣются въ продажѣ слѣдующія сочиненія
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

— ➤ А. Θ. ВЕРТЕЛОВСКАГО. ◀ —

1. Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству. Историческое изслѣдованіе. Харьковъ, 1898 г. В. 1—2. Ц. 4 р. 50 к.
2. Реформы Императора Александра II. Харьковъ, 1880 г. Ц. 30 к.
3. Соціальное значеніе христіанства въ первые три вѣка. Харьковъ, 1881 г. Ц. 25 к.
4. Любовь къ Богу и ближнимъ въ жизни первыхъ христіанъ, по свидѣтельству исторіи Церкви. Харьковъ, 1906 г. Цѣна 40 к.

Складъ изданія у Автора (Харьковъ. Духовная Семинарія).

ПО СЛУЧАЮ РАСПРОДАЕТСЯ ПАСѢКА

Прот. П. И. Буткевича

ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 140 УЛЬЕВЪ ПЧЕЛЬ.

Можно приобрѣтать частями по нѣсколько ульевъ разныхъ классическихкихъ системъ.

Пасѣка находится на дачѣ близъ ст. Мереза.

Тамъ же продается до ста пустыхъ ульевъ, — центробѣжка, рамки и другія пчеловодныя принадлежности.

Съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія въ г. Харьковѣ

О Т К Р Ы Т А

1-я мужская частная гимназія

И ПРИГOTOBИТЕЛЬНЫЙ КЛАСЪ

В. Θ. ДАВЫДЕНКО

съ правами министерскихъ гимназій.

Прошенія подаются на имя учредителя, (Троицкій пер., д. № 5, пройдя церковь). Для личныхъ объясненій просятъ являться по понедѣльникамъ и пятницамъ съ 10—1 ч. д.

А Д Р Е С Ъ

Г. ХАРЬКОВСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО АРХИТЕКТОРА

Владимира Николаевича ПОКРОВСКАГО

Сумская, 92.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованіе еврея въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Павла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣльева.—„Книга Руфъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“ Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Ливницкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаемы были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛѢ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно, отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константинъ ИСТОМИНЪ.